

Владимир Каминер

**Невозмутимые
родители**

живут дольше

**Как не сойти с ума,
воспитывая подростка**

СОВРЕМЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Annotation

В. Каминер не психолог, он известный в Германии писатель родом из СССР. За плечами советское детство и советская семья и школа. Отец двоих детей, которые родились уже в Германии. Мы не случайно включили эту художественную книгу в серию по психологии. Остроумные и точные наблюдения за современными подростками с необычного ракурса — изнутри советского прошлого и европейского настоящего — обладают выраженным психотерапевтическим эффектом. Вы поймете, что не сойти с ума, воспитывая современного подростка, абсолютно реально. Для широкого круга читателей, и прежде всего для думающих родителей, изо всех сил старающихся понять и принять этих новоявленных бунтарей-инопланетян.

- [Владимир Каминер](#)
  - [Меньше кошек — крепче спишь](#)
  - [Невидимые усы](#)
  - [Строптивый ученик](#)
  - [Фейсбучная вечеринка](#)
  - [Аттестат средней зрелости](#)
  - [Как заговорить с девочкой](#)
  - [Немецкая школа](#)
  - [Сложные люди](#)
  - [Семейные приключения](#)
  - [Берлин — Малави](#)
  - [В контексте штанов](#)
  - [День знаний](#)
  - [Ромео и Джульетта 2.0](#)
  - [Пепел наших сигарет, или Окончательное разочарование](#)

- [Зачем нам богатые люди](#)
- [Его зовут Джек Дэниэлс](#)
- [Закон о защите молодежи](#)
- [Антиалкогольная кампания](#)
- [На арену выходит следующий чемпион](#)
- [Пока Меркель смеется](#)
- [Родословная](#)
- [Венгерская рапсодия](#)
- [Уроки французского](#)
- [Школьные поездки](#)
- [Туда-сюда](#)
- [Вкусы нового поколения](#)
- [Глобальное потепление](#)
- [Путешествие в Египет](#)
- [Матриархат](#)
- [Блестим!](#)
- [Жизнь как супермаркет знаний](#)
- [Нулевой урок](#)
- [Роль телевизора в жизни детей](#)
- [I can't get no satisfaction](#)
- [Старый мормон всегда прав](#)
- [Ода глупости](#)
- [Жизнь есть жизнь](#)
- [К вопросу о том, что хотел сказать автор](#)
- [Похитители](#)
- [Лорелея](#)
- [Мы ничего не заметили](#)
- [Спутники времени](#)
- [Сочинение на тему свободы](#)
- [Вундеркинд](#)
- [Русские, индейцы, африканцы и мы](#)
- [Под рождество отмерзают пальцы](#)
- [Оно в моей жизни](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)

- [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)
  - [25](#)
-

Владимир Каминер Невозмутимые родители живут дольше. Как не сойти с ума, воспитывая подростка

*Посвящается Николь Хелене Лилит и
Себастьяну Чарльзу Грегору*

*Все имена изменены, все эти истории
могли происходить в том или ином виде, а
любые сходства с реально
существующими детьми, мамами или
папами никоим образом не
преднамеренны.*

Wladimir KAMINER

COOLE ELTERN
LEBEN LANGER

Geschichten vom Erwachsenwerden

Original tide

*Wladimir KAMINER.
COOLE ELTERN LEBEN LANGER*

Geschichten vom Erwachsenwerden

© 2014 by Wladimir Kaminer

© 2013 by Wilhelm Goldmann Verlag a division of
Verlagsgruppe Random House GmbH, München, Germany

© Т.Б. Юринова, перевод, 2017

© ООО «Издательство «Этерна», издание на русском
языке, 2017

Меньше кошек — крепче спишь

Дети бунтуют, потому что не хотят продолжать писать историю родительских неудач, а желают жить в мире, свободном от родительского барахла. Взрослые придумали для этого явления не самое красивое название — пубертат. Пубертат вовсе не детская болезнь; здесь всегда замешано два, а то и три поколения. Родители пубертируют вместе со своими детьми, они пытаются детей воспитывать или притормаживать процесс их взросления. И то и другое выглядит нелепо, как если бы кто-то пытался голыми руками подстегнуть или замедлить вращение земного шара. В пубертате мечты одной из сторон становятся кошмаром для другой.

Желание юных сбежать от общения с родителями абсолютно естественно и понятно. Дети верят в то, что Земля круглая и если достаточно далеко убежать, то можно найти других людей, отличных от родителей и, пожалуй, даже поинтереснее, чем они. Родители же твердо знают, что далеко бежать не имеет смысла, Земля круглая и везде одинаковая. Поэтому взрослые большую часть своей жизни проводят в удобных стандартных комнатах с прямыми углами, предпочитая сидеть в одном из этих углов, чтобы никто не смог подкрасться к ним сзади. Парадокс переходного возраста зиждется именно на этих обиталищах родителей — на прямоугольных жилищах, построенных на Земле, которую дети считают круглой. И вот дети убегают, а родители бегут за ними. Но самое позднее спустя пару часов все они приходят к нам и звонят в дверь или по телефону.

— Можно у нас переночует моя подружка Антония? Там семейные проблемы, ее родители совсем спятили, — спросила меня дочь в поисках поддержки.

Я думаю, в этом конфликте поколений мы были на неверной стороне. Мы мало занимаемся собственно воспитанием, разве что только в вынужденных ситуациях. Мы из принципа не вмешиваемся в дела молодежи, эта мудрость вытекает из опыта всего человечества. Даже в Библии написано, что любое новое знание лишь умножает печали. Старая немецкая поговорка гласит: «Чего глаз не видит, о том сердце не болит». У англичан на эту тему есть что-то про кота, которого сгубило любопытство. А русские сформулировали свой опыт в данной области поговоркой «Меньше знаешь — крепче спишь». Так что я предпочитаю вообще ни о чем не знать, но кое-что все же знаю. Я знаю, к примеру, что у Антонии трое младших сестер и братьев, все от разных пап. А мама ее особа исключительно щепетильная, и когда все они хотят у нас ночевать, мы вынуждены покупать много новых матрасов.

— Это очень печально, когда родители сходят с ума, дорогая дочка, — сказал я в раздумье, пытаюсь выиграть время. — Так что там у Антонии?

Мать Антонии повесила в коридоре список и обязала всех посетителей дочери в нем отмечаться, с указанием имени и фамилии, а также даты рождения, адреса и телефона. Уходя, они должны указывать точное время своего отбытия, чтобы мать могла держать под контролем личную жизнь дочери. Антония чувствовала себя дома как в тюрьме. Она оттуда сбежала, и ей нужно разрешить у нас ночевать, говорила дочь. Более того, она уже здесь, у нас. Через десять минут раздался телефонный звонок, и, как я сразу заподозрил, это была спятившая мать Антонии. Она говорила в общем-то вполне нормально, спросила, добралась ли Антония до

нас и не привела ли она с собой кого-то еще. Я понятия не имел, привела ли она кого-то с собой. Мать Антонии не хотела этому верить.

— Вы не знаете, кто находится в комнате вашей дочери? — удивилась она.

— Ну да, не знаю, — ответил я. — В Библии сказано, что многие знания умножают печаль. Меньше знаешь — лучше спишь. Любопытство до добра не доводит и сгубило кота.

— Может, вы и правы, и я слишком себя накручиваю, — сказала мать Антонии и положила трубку.

Как легко может даваться воспитание, думал я, лежа в гамаке на балконе и продолжая наблюдать за небом. Не прошло и пяти минут, как среди звезд появилась дочь.

— А можно у нас заночует Фредерика?

Надо же было так совпасть, что родители Фредерики спятили, причем совершенно случайно это произошло одновременно с родителями Антонии. Мать Фредерики, художница, влюбилась в одного музыканта, гитариста из немецкого аналога британской группы *The Sige*. Теперь они родили ребенка, к которому Фредерика не имеет права прикасаться, поскольку ее мать имеет сильные, хотя и не обоснованные, подозрения, будто Фредерика тайком курит. Так дочь описала мне ситуацию. Мать Фредерики помешана на здоровом образе жизни, она хотела вместе с Фредерикой делать пробежки и есть йогурт. Она-де стремится искоренить со света все нечистое и нездоровое и опасается, что если Фредерика прикоснется к *The Sige*-новорожденному никотиновыми пальцами, то это может нарушить гармонию новой чистой жизни. Она уже вынудила Фредерику дать честное слово, что если та и на самом деле курит, то она отложит это занятие до совершеннолетия *The Sige*-

младенца. Она обыскала комнату дочери, перевернула всю мебель и шмотки в поисках запасов табака.

И теперь Фредерика не хочет ходить с матерью на пробежки, потому что, когда они бегут вместе по городу, Фредерике кажется, будто ее преследуют. Они поссорились, дочь убежала, мать побежала за ней. *The Сиге*-младенец воспользовался отсутствием обеих, выбрался из колыбели, дополз до комнаты Фредерики, в момент отыскал там табак *Cheetah* и, как рассказала Фредерика, уже начал сворачивать первую в своей жизни самокрутку. Когда мать вернулась домой, ребенок уже искал зажигалку. Фредерика заявила, что по закону она имеет право курить уже с 16 лет, однако не в присутствии старших. На этом месте мать вышла из себя — и поэтому, как утверждала моя дочь, Фредерика должна заночевать у нас.

Я не купился на эту безумную историю про младенца, однако же в последнее время правда и вымысел настолько переплелись, что их порой не различишь. Вскоре мне позвонила мать Фредерики. Она спросила, нет ли у меня информации, курят ли наши дочери.

— Понятия не имею! — ответил я честно. — В моем присутствии они не курят, как и предписано законодательством. А что они делают, когда одни — этого я знать не хочу.

И добавил, что каждый новый кот умножает печаль, а чем крепче спишь, тем меньше переживаешь.

— Может, вы и правы, я несколько преувеличиваю, — сказала мама Фредерики.

Незадолго до полуночи, как раз в тот момент, когда я заканчивал считать звезды, снова позвонили в дверь. Не могла бы Йоганна у нас переночевать, спросила дочь, и даже не стала объяснять, что случилось. Да и какая разница! Скорее всего, родители Йоганны проведали о том, что родители Антонии и Фредерики

спятили, и решили из солидарности присоединиться. Они наняли какую-то компьютерную фирму, чтобы она взломала аккаунт дочери в Фейсбуке. Установили в ее комнате камеры наблюдения и стали перехватывать телефонные разговоры. И поэтому Йоганна тоже вынуждена была ночевать у нас.

Ночью из девичьей комнаты слышались странные звуки — крики, смех, музыка. Фредерика, Йоганна и Антония «расслаблялись». И нисколько не было похоже на то, чтобы они переживали за своих бедных свихнувшихся предков. Девушки довольно громко разговаривали на всякие другие темы. Но я, разумеется, не прислушивался, поскольку... Будешь много знать, пропадешь, как кот.

Невидимые усы

Смутные настали времена. Мой тринадцатилетний ребенок пошел в седьмой класс. Я часто слышал от других родителей, что именно в седьмом классе наступает пик переходного возраста, то есть пубертат достигает наивысшей точки своего проявления. Дочь, теперь уже девятиклассница, делилась собственным опытом на этот счет:

— Шестой еще ничего, даже восьмой при некоторых условиях терпеть можно. Но седьмой — забыть. Оторвать и выбросить. Хоть волком вой, — утверждала она.

Для самоуспокоения я читал старые книги, они приносили утешение. Все преходяще, говорилось в одной из книг, все в этом мире приходит и уходит, ничто не вечно, даже седьмой класс. Однако мне не удалось полностью отгородиться от действительности старыми книгами. То и дело члены нашей семьи, к примеру моя мать, настаивали на моем активном участии в процессе воспитания. «Ты тоже должен сказать свое слово», — твердила она, в буквальном смысле навязывая мне обязательства по воспитанию. Главная дилемма любого воспитующего — завоевать уважение воспитуемого. Воспитующий должен доказать, что он не только старше, но и мудрее воспитуемого, что он больше пережил и, соответственно, имеет больше жизненного опыта, которым готов в любое время поделиться с воспитуемым. А воспитуемый всячески сопротивляется.

— Что у тебя в жизни было такого, чего я бы еще не пережил? — спросил двенадцатилетний сын, когда я подкатился к нему с воспитательными намерениями.

— Очень много, сын мой, — я сделал широкий жест, лихорадочно думая, что именно это могло бы быть. Это должно было быть что-то достаточно серьезное и в то же время представлять собой важный, с точки зрения ребенка, жизненный опыт.

— Например, несчастная любовь, — произнес я с патетикой в голосе.

— Это у меня было! — понимающе покачал головой Себастьян.

Я даже знал, кого сын при этом имел в виду. За пару недель до того одна девочка, одноклассница, подарила ему шерстяную шапку, которую Себастьян надел и больше не хотел снимать. Он целыми днями ходил в шапке и даже спал в ней, но не желал об этом со мной говорить. Однако через несколько дней шапка исчезла как с головы Себастьяна, так и вовсе из квартиры. Возможно, то и была несчастная любовь, которая имелась в виду.

Ну ладно, подумал я, предприму воспитательный подход с тылу. Если ребенок считает себя взрослым, надо ему подыгрывать и говорить с ним открытым текстом, как это принято у взрослых.

Дети, которые считают себя взрослыми, как правило, ищут очевидные внешние доказательства своей взрослости, а если не находят очевидных, то переключаются на не очевидные. Каждый день мой сын проводит уйму времени перед зеркалом, в задумчивости разглядывая свои неочевидные, пока еще невидимые усы. Он очень переживает из-за этих усов. Эти усы доставляют ему массу забот. А вдруг, чего доброго, они вырастут кривыми? А не будут ли усы слишком густыми или скошенными? Не будут ли они отрастать слишком быстро или слишком медленно, и что, если левая сторона не будет симметрична правой?.. Поскольку эти усы пока не очевидны, то своими

проблемами он может делиться только со мной, ведь я единственный, кто утверждает, будто бы видит эти усы.

— Да, — говорю я, — левая сторона действительно несколько скошена. Это оттого, что...

На этом месте я вплетаю в тему усов воспитательный посыл. Надеюсь, что воспитательный процесс развивается сам по себе — так же как сами по себе вырастают усы. В этом возрасте все должно расти быстро: внутри воспитание, снаружи усы. Даже если они пока не видны.

Невидимые усы скоро непременно войдут в моду. Ведь нынешние молодые люди живут под постоянным наблюдением, в отличие от любого из предшествующих поколений. Они под контролем в Интернете, их затягивают на многочисленные форумы и отслеживают мощными поисковиками, а те уж в доли секунды найдут кого угодно. Это неизбежно приведет к некоему смещению моральных установок. В мире, где Фейсбук предлагает в открытом доступе самые что ни на есть интимные признания посторонних, люди станут с большим пониманием относиться к странностям других и обретут терпимость по отношению к ближним. Ну и к тому же людям придется быть честнее друг с другом, ибо надувательство не имеет смысла в мире, напичканном видеокамерами.

А если человек будет постоянно ощущать, что он на виду у всего мира, то неизбежно должен усилиться самоконтроль. И на этом фоне особую ценность обретет всякое тайное, скрытое, загадочное. Тайные стремления и запретные мечты — то, что не обнаружит никакой поисковик и не увидит ничей посторонний глаз, — станут истинным богатством человека. Невидимые усы будут стоять целое состояние.

Строптивный ученик

Когда я сравниваю школу, в которую ходят мои дети, со своей советской школой, я убеждаюсь в том, что нынешние здешние школьники ну очень послушные. Даже в самом глубоком пубертате, в том возрасте, когда подростки во имя доказательства своей зрелости легко идут на любой конфликт, здешние школьники настроены на результат и законопослушны, в угоду гражданскому обществу. Даже в пылу ссоры они выскажутся оскорбительно скорее о мобильнике, музыке или компьютерных игрушках своего врага, чем о самом неприятеле. Очень редко переходят на личности. Один мальчик родом из Вьетнама обозвал как-то моего сына, доселе бывшего его лучшим другом, поганым иностранцем. Позже, когда мальчики помирились, Себастьян поинтересовался, что имелось в виду и где вьетнамский мальчик чувствовал бы себя иностранцем. Юный вьетнамец лишь покачал головой и ответил, что это чисто в переносном смысле.

Поведение двенадцатилетних трудно прогнозировать. Не случайно сын называет своих одноклассников «бомбами замедленного действия». Иногда механизмы в этих бомбах тикают по часовой стрелке, а иногда нет. Ссоры, если таковые вообще случаются, происходят во дворе. В классной комнате это милейшие дети, они помогают друг другу и никогда не перечат учителям. В классе есть один-единственный строптивный ученик, который постоянно перебивает учителей. Разумеется, не на уроках по точным дисциплинам. Такие предметы, как математика, химия или физика, практически не дают поводов усомниться в достоверности получаемой информации. А вот гуманитарные предметы открывают широкое поле для

бунта. И уроки по искусству тоже — там можно вместо скучной вазы нарисовать на стене зеленого чертика и утверждать, что это истина глазами художника. По поводу музыки можно утверждать, что фальшиво и громко в любом случае лучше, чем правильно и тихо. А больше всего споров происходит на уроках по этике. Этика, собственно, для споров и создана. Я мог помогать своим детям с домашними заданиями по многим предметам, но с этикой я пас. Я думаю, что, следуя моим советам, дети получали бы только плохие оценки по этим предметам.

— Представьте себе, — говорилось в одном из домашних заданий, — что вы идете с подругой или соответственно с другом в магазин и замечаете, что ваша подруга или соответственно друг что-то украл/а. Что вы предпримете? (а) Прикроете своего друга, (б) из солидарности поступите так же или (в) позовете полицию?

— Я никогда не предаю своего друга, друзей не предаю, что бы они ни сделали, даже если совершили ошибку, — так ответил бы я и схлопотал бы двойку. Для пятерки по этике друга надо было заложить! Друг или подруга будут-де тебе впоследствии благодарны, что ты их вовремя отвадил с ложного пути и на корню купировал зачатки преступной карьеры, — так, по крайней мере, говорится на уроках этики. Я хорошо представляю себе картину, как этот друг (или соответственно подруга) сидит в тюрьме и пишет мне слова признательности:

«Спасибо тебе, дорогой друг, что ты меня тогда заложил. Если бы не ты, моя жизнь могла бы пойти под откос. Сейчас у меня есть много времени, чтобы спокойно обдумать происшедшее. Еще раз благодарю тебя, и до скорой встречи».

Строптивый ученик спросил:

— А что, если я ограблю банк с единственной целью сделать свадебный подарок своей невесте? Она меня тоже должна потом предать? Кроме того, бывает же, что крадут из этических соображений, например чтобы помогать бедным, как это делал Робин Гуд.

Учительница в холодном поту, и она терпеть не может этого ученика. Еще одна тема на уроках этики — равноправие людей с разным цветом кожи, различных вероисповеданий, а также гомосексуалистов. Строптивый ученик спорит и здесь. Он считает, что большинство оказывается в невыгодном положении. Ведь меньшинство уже имеет все без исключения права наравне с большинством, но требует еще и дополнительных прав, в качестве меньшинства. Ну например: все мужчины в Германии имеют право жениться на женщинах. Они не обязаны, но право имеют. А гомосексуалисты хотят дополнительно иметь право жениться и на мужчинах тоже. Строптивый ученик усматривает в этом несправедливость по отношению к большинству.

— Если равноправие, то большинство должно иметь ровно те же права, что и меньшинство, — утверждает он, и учительница этики любит его еще меньше.

Из тех же соображений строптивый ученик не хочет учить английский. Англичане и так уже давно страдают от того, что весь мир понимает их язык, а кое-кто даже умеет кое-как на нем изъясняться. У других народов помимо английского есть еще и собственные языки, на которых они между собой могут напрямую общаться, причем таким образом, что их не поймет ни один англичанин. У англичан и американцев такой возможности нет. Они вынуждены говорить все на том же английском не только за границей и с иностранцами, но и между собой. Это несправедливо. Поэтому строптивый ученик не хочет учить английский,

пусть даже он станет последним человеком на планете, который не понимает, о чем говорят англичане.

Некоторые учителя ввязываются в споры, а некоторые нет. И в том и в другом случае строптивый ученик получает плохие отметки, и один раз уже оставался на второй год. И несмотря на это, он пользуется уважением как среди одноклассников, так и в стане учителей. Они-то знают, что сегодняшние бунтари-строптивцы это завтрашние революционеры.

Фейсбучная вечеринка

Моя дочь Николь готовилась к большому празднику: ей исполнилось шестнадцать лет. Она хотела отпраздновать день рождения неформальным образом, то есть без родичей и без подарков. Как взрослый человек, читавший Сартра и Маркса и при любом удобном случае клеймивший капиталистическую систему, она пришла к выводу, что так называемая вечеринка по случаю дня рождения суть не что иное, как уловка капиталистов с целью побудить граждан покупать вещи, которые потом оказываются никому не нужны. Такие вещи реклама преподносит как «подарки». Дочь не хотела танцевать под капиталистическую дудку и отказывалась от подарков. Взамен подарков мы должны были сразу дать денег, чтобы она сама решила, что ей нужно, а что нет. И мы не должны были тянуть с этим до дня рождения, поскольку дата так или иначе имеет лишь символическое значение. Праздник когда-нибудь состоится, а банкрот она уже сейчас.

Вместо дня рождения она хотела собрать вечеринку для своих лучших друзей из Фейсбука. Для этого она, разумеется с нашего согласия, купила бы ящик пива, потому что фейсбучные друзья любят пиво. Нам показалось изрядным свинством, что дочка хочет праздновать без нас, но мы предпочли проявить смирение и понимание и в день рождения дочери уехали за город. В конце концов, шестнадцатилетие бывает раз в жизни. Мы сидели на природе у костра и предавались ностальгическим воспоминаниям о наших вечеринках, когда нам было по шестнадцать. В те времена друзьями еще считались живые люди — из

жизни, а не из Сети. Одного ящика пива было бы маловато.

Где-то с полуночи начался настоящий террор в форме телефонных звонков; они раздавались все чаще, пока не вошли в режим десятиминутных интервалов. Звонил младший брат Николь, хотя ему, как выяснилось позднее, заранее давали взятку, чтобы он не ябедничал. Звонила моя мать, живущая двумя этажами выше. Соседи из дома напротив звонили. Все хотели знать, остались ли еще у нас в шкафу целые чашки. Звонившие докладывали, что дверь в квартиру открыта, впуская и выпуская, по разным оценкам, от пятидесяти до ста человек, и все это похоже на бандитский налет, но никак не на мирную вечеринку. Моя мама, в возбуждении от наблюдаемого, чуть не выпала из окна. А наблюдала она, будто в нашей спальне и на нашей кровати лежали люди, в гардеробной постоянно включался и выключался свет, а незнакомые юноши и девушки сидели на подоконниках и курили. Музыка играла так громко, что соседи намеревались вызвать полицию... ну да все они, видать, мелкие обыватели, которым никогда не было по шестнадцать лет.

— Немедленно возвращайтесь, — заклинали нас звонившие, — пока дом не взлетел на воздух!

Мы были, признаться, несколько обеспокоены, однако остались сидеть у костра. Ведь у человека лишь раз в жизни бывает... далее по тексту. Приезжаем на следующий день домой, квартира чистенькая и проветренная. Николь докладывает, что не все фейсбучные друзья проявили себя как истинные друзья.

Дело в том, что фейсбучные вечеринки подобны арабской революции: приглашаешь своих друзей по Фейсбуку, они приглашают своих, те в свою очередь своих... так что Николь не знала и половины своих гостей. Кто-то из друзей ушел с вечеринки в моих кроссовках, кто-то прихватил наушники Себастьяна и

модель самолета «Боинг-747». А еще кто-то испортил входной звонок и украсил почтовый ящик граффити.

Мы ничего не сказали, ведь в конце концов только раз в жизни... ну и так далее. Но я думаю о тебе, о далекий фейсбучный незнакомец, что нынче где-то рассекает в моих кроссовках. Нелегкая жизнь ждет тебя. Земля-то большая, она полнится друзьями, и каждому из них когда-нибудь раз в жизни исполняется шестнадцать.

Аттестат средней зрелости

Всю зиму мы провели под знаком окончания средней школы, дочка готовилась к экзаменам на аттестат зрелости. Поначалу мы премного удивлялись, с какой серьезностью десятиклассники относятся к собственной зрелости. Страданий и огорчений не избежать. Немецкий школьник должен вызреть, как сыр, прежде чем его подадут на стол государству. Он созревает в особых условиях, в обстановке уроков и заданий, в тесном корсете экзаменов, требований и обязательств, пока не станет вонючим, как сыр рокфор. И только тогда его можно выпустить в большой мир.

Первое из экзаменационных заданий поначалу казалось легким. Моя дочь в паре с одноклассницей Мари должна была подготовить доклад и выступить с ним перед экзаменационной комиссией. Тему доклада они придумывали сами, однако она подлежала утверждению учительским советом. Учителя рекомендовали Николь и Мари поискать тему, с которой они сталкивались в повседневной жизни, которая им близка и волнует.

Девушки подумали и решили, что предметом доклада будет чума. Школьное руководство сочло тему несколько брутальной, но согласилось. Мари взяла на себя медицинские аспекты возникновения болезни и борьбы с оной, Николь же занялась вопросами распространения чумы и ее влияния на культуру, литературу и искусство Средних веков. Тема чумы воцарилась в нашей квартире. Ежедневно мы узнавали что-то новое об этой смертельной болезни. Сложность для Николь была в том, что нужно было уложиться в определенное время доклада, а ведь чума только в

Европе свирепствовала несколько столетий, Николь же на весь доклад отводилось всего семь минут.

— Санитарные условия в Средние века были чудовищными, — рассказывала нам Николь за завтраком и за обедом. — Канализации не было, люди какали прямо на улице, возбудители болезни были повсюду, их разносили крысы, мыши и блохи. Под больницы использовались монастыри, хотя они для этого не были пригодны. Пилигримы и монахи, странствовавшие от монастыря к монастырю, из города в город, неся с собой веру, несли заодно и чуму. А церковь тем временем утверждала, что это вовсе не болезнь, а наказание Господне за совершенные грехи, а потому лечению не поддается.

Для подготовки к презентации Николь нужен был слушатель с хронометром. Я слушал доклад ежевечерне перед отходом ко сну раз по пять, про себя проклиная эту самую зрелость с ее аттестатом. Мне даже снились огромные чумные мухи, они прыгали по улицам и вопрошали «как дела?».

Другая подружка Николь, Лина, тоже хотела выбрать тему побрутальнее, например гражданскую войну в Испании или влияние американских фильмов ужасов на поведение немецкой молодежи. Однако ее друг, причисляющий себя к левым и уже имевший опыт участия в демонстрациях и маршах протеста, желал непременно делать доклад о марксизме. Он даже придумал классный заголовок для своей работы: «Призрак коммунизма — иллюзия или реальность?», но не смог найти среди одноклассников никого, кто согласился бы вместе с ним выслеживать пресловутого призрака. В смятении он обратился к Лине, и она, дабы не оставить друга в беде, отказалась от ужастиков и сконцентрировалась на марксистской теории.

Эта парочка интервьюировала мою жену, а заодно и меня, поскольку мы на протяжении четверти века

сожительствовали с призраком коммунизма на одной территории.

— Что вы чувствовали, живя и работая в социалистическом обществе? — спрашивали нас школьники. Благодаря этим вопросам наш личный жизненный опыт неожиданно стал нам самим казаться особо важным и ценным, будто мы тогда обитали в клетке с тиграми, а не на собственной родине, которую американский президент в шутку назвал «империей зла». Моя жена хотела разъяснить другу Лины, что идею коммунизма сгубила алчность. Она пыталась донести мысль, что первые коммунисты были в быту сдержанными и скромными, они много размышляли над счастьем для всего человечества, забывая при этом о собственном счастье. Но моя жена иногда путает немецкие слова, которые, надо признать, бывают на слух схожи, но в неверном контексте приобретают совершенно противоположный смысл. Вместо слова «сдержанный» Ольга употребила слово «отсталый», что в немецком языке с некоторой натяжкой может означать примерно одно и то же, когда речь идет о транспортных средствах — в смысле, отстал или задержался. Однако в применении к коммунистам это высказывание сбило с толку начинающих исследователей марксизма и направило их выводы в совершенно неверное русло.

Третий друг из окружения моей дочери, беззаботный Ян, посмеивался над чрезмерным усердием своих товарищей. Он считал всю эту суету вокруг зрелости лишней тратой творческой энергии, а самого себя давно уже и достаточно зрелым, чтобы влегкую справляться с подобной чепухой. В свое время его двоюродная сестра получила пятерку за свой — надо сказать, весьма скучный — экзаменационный доклад на тему «Влияние ландшафтов Исландии на искусство и культуру». Это было четыре года назад и в другой

школе. Ян выучил тот доклад наизусть. Тему утвердили, и он рассчитывал получить на экзамене высшую оценку. Его беспечность другим только мешала. Каждый день созревающие выпускники собирались у нас дома, уминали весь хлеб для тостов и литрами поглощали модный лимонад с кофеином. С хронометрами в руках, они презентовали свои доклады нам и друг другу. Доклады должны были быть в меру длинными и в меру короткими. Вскоре и я почувствовал, что вот-вот созрею — для психушки. Все смешалось в нашем доме — чумные мухи и пилигримы, бородатый призрак коммунизма и Ян, праздно шатающийся по безлюдным просторам Исландии. И когда же этот ужас закончится, думали мы.

В день экзамена я самолично отвез докладчиков к школе. Все были немало взволнованы. Чума получила пятерку с минусом, призрак коммунизма схлопотал двойку — тема, мол, не раскрыта^[1]. Дескать, так и не ясно, иллюзия этот призрак или реальность и где он на сегодняшний день бродит, в каком месте отстал.

Но самую крупную неудачу потерпели исландские просторы, к великому изумлению всех посвященных. Беспечный Ян чуть не провалил экзамен: несмотря на то что он слово в слово повторил четырехлетней давности доклад своей кузины, он не смог убедить экзаменационную комиссию. Сам Ян усматривал здесь проявление сексизма. По всей видимости, экзаменационная комиссия проникается исландскими ландшафтами лишь в том случае, если про них вещает женский голос, а сам докладчик в короткой юбке, возмущался Ян. После экзамена все черновики и записи были уничтожены, и компания допоздна отмечала событие в пиццерии. Мухи, призрак и исландские ландшафты исчезли как из квартиры, так и из нашей жизни. Зрелость осталась.

Как заговорить с девочкой

Когда мальчики и девочки учатся знакомиться друг с другом, им непросто подобрать правильные слова. Я думаю, что даже величайшие поэты и романтики прошлого, те, что, будучи взрослыми, каждый день могли завоевывать по новому дамскому сердцу, тоже испытывали бы проблемы с поиском нужных слов для флирта, будь им по четырнадцать лет и живи они в нашем эмансипированном обществе. Как и прежде, природа подразумевает, что юноша должен сказать первое слово, хотя в плане общего развития юноши несколько отстают. И все же они должны задавать правильные вопросы, а девушки находить правильные ответы.

Ежедневно мой сын Себастьян, восьмиклассник, приносит все новые словечки, с которыми якобы можно подкатить к девочке, но все они смехотворны и вряд ли до сих пор способствовали сближению полов хоть на один миллиметр. Я всякий раз удивляюсь этим подходам. И кто только выдумывает эту белиберду? Не представляю, как подобная ахиня может родиться в нормальной человеческой голове. Вот только некоторые из этих подходцев, самые безобидные:

— Твои родители, случаем, не террористы? Ты выглядишь как настоящая бомба!

Девочки, как правило, на это молчат и пожимают плечами.

— Это была любовь с первого взгляда, или я лучше попозже зайду?

Девочки молчат.

— Цвет твоих глаз в тон моих трусов — показать их тебе?

А вот тут уж девочки нашли подходящий ответ, они говорят:

— Знаю я твой цвет, наверняка коричневый, как кашка.

Юноши в растерянности. Все эти заученные фразочки ни на что не годятся, а других нет.

Говорят, Бог создал первого человека гермафродитом для того, чтобы тот в своем совершенстве имел все необходимое и ни в чем не нуждался. И первый человек мог одним усилием духа оплодотворить себя и произвести потомство. Но со временем первым людям стало скучно размножаться столь непримечательным образом, и они попросили Бога создать кого-нибудь еще. Бог счел это расточительством, но пошел навстречу своему творению и разделил его на мужчину и женщину. Чувство собственного несовершенства охватило творение. Обе части еще хорошо помнили, что когда-то они были единым целым. Это воспоминание страшно притягивало их друг к другу. Они то и дело пытались соединиться вновь, но в этом своем стремлении лишь размножались, спариваясь и порождая детей. С каждым новым ребенком воспоминание о прежнем единстве угасало, но полностью так никогда и не погасло.

Люди были далеко не в восторге от необходимости спаривания. Хотя разделение на мужчину и женщину придало делу изрядную пикантность, однако мужчины и женщины потеряли покой и вынуждены были постоянно бегать друг за другом. И они были весьма недовольны, что Господь Бог разместил половые органы сзади. Как бы они ни крутились и ни поворачивались, какие бы позы ни принимали, им никогда не удавалось во время спаривания смотреть друг другу в глаза. В лучшем случае они могли лишь наблюдать, как сексом занимаются другие. В результате пары быстро распадались. Люди начали выражать недовольство.

Между тем Бог был уже сыт по горло своим творением. Как бы ни старался он навести разумный порядок, все обращалось в хаос, стоило людям вступить в игру. Однако он и на этот раз пошел им навстречу и перемонтировал людей таким образом, что половые органы оказались у них впереди, хотя самому Богу такой дизайн представлялся довольно несуразным. И он одновременно обременил человека чувством стыда, чтобы тот не шибко неистовствовал со своими половинками. Втайне Бог надеялся, что благодаря чувству стыда человек когда-нибудь поймет, насколько пошло выглядит его новое тело. Лучше поздно, чем никогда, думал Бог.

Люди оказались в патовой ситуации. Теперь они наконец-то при спаривании могли смотреть друг другу в глаза, но им было ужасно стыдно. С тех пор стучат сердца и одинокие души всё ищут и ищут друг друга. Все меньше остается в обиходе умных слов, все чаще используются дурацкие словечки. Прежде ясный и хорошо задуманный порядок мироустройства стал похож на пазл: он рассыпался на миллионы кусочков, которые ищут свое место, примеряясь друг к другу то слева, то справа, выстраиваются в части картины, а затем снова перемешиваются; они хотят быть вместе, но ни тут ни там не сходятся, ни спереди ни сзади. Ничто не складывается, нет гармонии, и даже твои глаза не сочетаются с цветом моих трусов... хочешь, я тебе их покажу? а твои родители, случаем, не террористы?

Нашу тоску не утолить. Мы как ненормальные бегаем по свету и заглядываем в каждый дом, за каждое дерево. Повсюду нас может ждать большая любовь. Мы вступаем в сложные отношения, нас терзают сомнения и чувство беспомощности, мы чуть ли не сгораем от любовного томления и тонем в океане чувств. А пройдя через первый наплыв этих чувств, мы

задумываемся — это что, действительно любовь с первого взгляда, или на всякий случай зайти как-нибудь в другой раз?

Немецкая школа

Что хорошо в немецких школах, так это то, что там в буквальном смысле учат всему. На уроках по моему любимому предмету — этике — детям разъясняют предпосылки для счастливой и наполненной жизни, которые предпочтительно сразу выучивать наизусть. У нас в Советском Союзе уроков этики не было, и поэтому я с радостью учусь у собственных детей. Лучше поздно, чем никогда. В учебнике по этике даются ответы на все без исключения вопросы, будь то вера в Бога, любовь и дружба, семья и совместное проживание; все скрупулезно анализируется и разжевывается. Авторы этого труда не останавливают вопросы типа «почему воровать нехорошо?». Главы учебника носят такие претенциозные заголовки, как «совместная жизнь», «жизнь как танец» или «жизнь как загадка и тайна».

Хотя меня как читателя не особо убедило именно это таинственное и загадочное. Я не нахожу ничего особо увлекательного в том, что люди верят в Бога, в чьем существовании они не уверены. Намного увлекательнее, к примеру, было бы, если бы люди верили в реально и доказанно существующего Бога, а он в свою очередь верил бы в какого-то другого Бога, несуществующего. Но такая возможность в учебнике по этике не рассматривается. Также несколько преувеличенными я нахожу перспективы нежелательной беременности вследствие любви и дружбы, как, впрочем, и необходимость предохранения во время «жизни как танец». И все же учебник дочери я буквально проглотил за одну ночь и теперь знаю ответ по крайней мере на один вопрос: почему в мире так много несчастливых взрослых. У них в школе не было уроков этики. И в критических обстоятельствах, случись

что подобное, нынешние взрослые не знают из школьных уроков, например, ответа на вопрос, что же такое гомосексуальность: (а) сексуальная ориентация, (б) нечто ни с чем не сравнимое и уникальное или (в) любопытный эксперимент.

Как уже сказано, советским школьникам не преподавали ни этику, ни мораль, и я задаюсь вопросом — как же мы без этих знаний все еще на свободе? В моей школе вместо уроков этики в плане значилось так называемое обществоведение. На обществоведении нам разъясняли, основываясь в первую очередь на высказываниях Ленина, Маркса и Энгельса, что такое хорошо и что такое плохо. Я мало что помню из этого учения, знаю только, что прибавочная стоимость есть суть украденные у рабочего деньги, что свобода каждого есть осознанная необходимость, а религия это опиум для народа. Тут сразу хочется отметить, что эти знания вовсе не делали нас счастливыми. С учебником по этике все иначе. Если бы все дети Германии давали свои учебники для прочтения мамам, папам, бабушкам и дедушкам, то кто знает, сколько несчастий можно было бы предотвратить.

И тем не менее моя дочь принесла тройку за контрольную по этике. Это не укладывалось у меня в голове. Как можно получить тройку по этике? Ага, сказала дочь, еще как можно. Вот как было дело: в рамках занятий по этике дети должны были исполнить некую совершенно дурацкую пьеску про девушку по имени Петра Мюллер, родители которой без разрешения прочитали любовное письмо друга Петры, а друг, узнав об этом, девушку бросил. Воистину драма, если не сказать трагедия. И именно моя дочь должна была играть Петру Мюллер. Ее дружок по пьесе якобы написал ей в так называемом письме: «Ты дура, но я тебя все равно люблю». Родители — то бишь школьники, которые их исполняли, — всю дорогу глупо

хихикали, а моя дочка не смогла сдержать приступа смеха и еле доиграла пьесу до конца.

— Радуйся, что подобное тебя миновало, — заключила дочь.

Сложные люди

Мой сын часами общается в Фейсбуке с девочкой. Кое-кто из посвященных членов семьи полагает, что, похоже, он здорово втюрился. Меня это успокаивает, потому что для любви Интернет — это тихая гавань. Здесь не нужно беспокоиться о противозачаточных средствах и можно не опасаться микробов. И кроме того, я думаю, что любовь посредством клавиатуры не причиняет боли.

Испокон веков любовь представляла собой хождение по мукам, она была как прицельный выстрел в сердце. Пухлый мальчик с луком, носящий якобы французское имя, выпускал стрелу в сердца юноши и девушки. Вообще-то он стрелял не произвольно, а следуя точным указаниям своей начальницы, богини любви. Эта дама якобы знала, кого и с кем нужно свести. Однако часто стрелы не достигали цели. Либо люди были не готовы принять дар небес, либо стрелок ошибался целью. Случалось, что стрелы Амура в сердце не попадали, а отскакивали от кошелька или застревали в одежде. Некоторые из жертв спустя какое-то время вынимали стрелы из тела и расходились. Другие же чувствовали, что влюбились, но не понимали в кого.

Перед лицом квартирного вопроса богиня была полностью бессильна. Многие романы во времена моей молодости терпели крах из-за нехватки подходящих помещений. Я жил с родителями и с кошкой, жилье было тесное, да еще и двери не запирались. Когда меня впервые настигла стрела Амура, я попросил отца врезать замок в дверь моей комнаты. Он меня просто-напросто высмеял и сказал, что не стоит все усложнять, нужно проще относиться к интрижкам с девочками.

Дескать, простые люди всегда получают достаточно любви и симпатии, сложные же зачастую всю жизнь остаются одинокими. Ну и понятное дело, мое первое свидание дома обернулось катастрофой. Каждые пять минут заглядывал отец, то со стуком, а то без, и спрашивал, все ли в порядке и не нужен ли мне совет взрослого. Девочка быстро ретировалась. «Твоя подружка сложный человек!» — сказал на это отец.

Я же сомневался в существовании этих будто бы счастливых простых людей. Все непростые. Чтобы родиться простым человеком, надо родиться в простом месте. Лучше всего в таком, где нет ни других людей, ни предыстории, но такие места не обозначены ни на одной карте. Мы все рождаемся в сложных местах. Даже у первого человека в раю были проблемы в отношениях, и он вынужден был идти на компромиссы с отцом, то бишь с Богом.

Мой отец тоже рос в сложной обстановке, в подвальной квартире, где он жил с родителями и сестрой. Его первое рандеву, рассказывал отец, происходило в парке, в павильоне для танцев. В то время в моду как раз входил твист, и на танцплощадке дым стоял коромыслом. Это был коллективный танец, танцевали всей толпой, так что не сразу разберешь, кто с кем. Вот и отец не сразу понял, что мужчина, находившийся рядом с его девушкой, каким-то образом ей не чужой. И стоило отцу обнять девушку, как ее дружок в свою очередь обнял моего отца и вышвырнул его с танцплощадки. Остаток вечера отец танцевал в парке рядом с дискотеккой в паре с другой своей девушки, исполняя па в стиле «порхающей бабочки», получившем известность благодаря знаменитому в те времена боксеру Мохаммеду Али. В конце концов бабочка была загнана в угол, и отец ушел домой со сломанной челюстью.

К счастью, сегодняшние тинейджеры, по всей видимости, нашли безопасную гавань для любовных отношений, место, где они могут быть наедине друг с другом, по ту сторону от публичности, по ту сторону от навязчивой конкуренции. Они могут спрашивать друг друга о чем угодно, что угодно друг другу показывать, вот только дотрагиваться друг до друга они не могут. Зато им не нужно предохраняться, и они могут не опасаться микробов... ну разве что только компьютерных вирусов.

Семейные приключения

Начиная с трех часов дня наш большой универмаг оккупирован школьниками. Они строят в проходах баррикады из ранцев, катаются вверх и вниз на эскалаторах, залезают в витрины и тратят последнюю мелочь на шипучку и мороженое. Они не торопятся домой, где мама с папой могут их ждать, по крайней мере теоретически. На стенах универмага уже несколько недель висят приглашения на выставку «Приключения для всей семьи», и с рекламных плакатов смотрят известные актеры и футболисты, о которых весь мир знает, что они периодически создают новые семьи и производят новых детей.

Школьникам эта выставка не интересна, они и на собственном опыте знают, что семейная жизнь бывает полна самых невероятных авантур и приключений. Вот, к примеру, Дженни, подруга моей дочери. Каждый день после уроков у нее огромный выбор, куда она могла бы пойти. В то время как у моей дочки выбор прост — идти тусоваться с девчонками в универмаг или домой, — ее подруга часто не может решить, куда податься. Она могла бы пойти к маме или к папе — мама с папой развелись, и у них другие семьи. Она могла бы пойти и к дедушке, он живет в автомобильном фургоне на окраине города со своей новой подругой, с которой познакомился на Фейсбуке. Впрочем, Дженни не выносит эту подругу, она намного младше дедушки, и у нее взрослые дети, с которыми она Дженни постоянно сравнивает. И разумеется, свои ей нравятся больше. Еще Дженни могла бы пойти к своей старшей сестре, которая живет в студии. Она пробует себя как самостоятельный модный дизайнер и проводит в работе дни и ночи, лишь бы не ходить домой. Это сводная

сестра Дженни, результат двухнедельного отпуска ее матери, который она когда-то провела в Америке, где и познакомилась с симпатичным французом. Будучи ребенком, сестра Дженни не особенно интересовалась своим кровным отцом, и лишь когда выросла, она допросила мать, покопалась в Интернете и нашла того француза. Она написала ему письмо, он ответил и прислал фотографии своей французской семьи. Выяснилось, что у сестры Дженни во Франции целая куча братьев и сестер. Летом она хочет туда поехать и познакомиться с отцом. Ввиду предстоящего путешествия сестра вся на нервах, не желает ни с кем разговаривать и страшно беспокоится, понравится ли она папе.

Дженни ревнует сестру к ее новым французским родственникам и поэтому на данный момент лучше не пойдет в ее студию. И на самом деле ей вообще-то некуда идти. Ее мама, пребывая на данный момент в одиночестве, принялась с доселе невиданным рвением за дело воспитания. Она постоянно проверяет шкаф дочери, хочет контролировать ее мысли и даже заменила постеры в ее комнате, пока дочки не было дома: убрала Петера Фокса и Сальвадора Дали, а вместо них повесила репродукцию Караваджо, мадонну с младенцем. А папа Дженни, напротив, сейчас влюблен и потому не идет на контакт. Его новый друг, индус, до этого жил со своей матерью, и теперь вместе с матерью переехал к отцу Дженни. Новая папина теща нравится Дженни гораздо больше, чем друг-индус. Она носит сари, часто смеется, на лбу у нее красная точка, которая называется «бинди» и выглядит шикарно. С ней Дженни может практиковаться в английском. Однако теща все свое время уделяет обоим мужчинам, которых она почитает за малых детей. Так что неудивительно, что Дженни чувствует себя покинутой всеми.

А как это, собственно, было у первых людей в их раю? Они мирно жили под деревом познания втроем — мужчина, женщина и змей, — объединенные девственным неведением о том, что происходит каждую ночь в лесу в паре метров от их дерева. Они были счастливы друг с другом в своем маленьком мирке до тех пор, пока не вкусили запретный плод и не узнали, что на самом деле они не настолько зависимы друг от друга, чтобы при желании не разбежаться и не познать других людей. И они возомнили, будто самые увлекательные приключения еще впереди, а самые интересные люди — это те, с кем еще не знаком. С той поры много воды утекло, и уже нет смысла спорить, кто виновен в том познании — мужчина, женщина или змей, или все вместе. Факт в том, что им стала мала их ячейка. Они разбежались и стали одинокими.

Берлин — Малави

Многие немецкие женщины феминистского толка носят двойные фамилии, будто они не хотят умалять себя до размеров одной личности и оставляют себе возможность быть еще кем-то. У моей дочери в школе есть учительница по фамилии Рюквертс-Вальцер^[2], она преподает географию и физкультуру. Она много путешествует, чтобы обогатить свои познания в географии. Понятное дело, ездит она не на хваленые курорты с мягким климатом, которые туристические агентства воспевают как райские острова. Нет, она ездит туда, где каменистые пустыни или высокие горы, туда, где лютый мороз или изнуряющая жара, — ну, в общем, туда, где непременно есть хоть каким-то образом невыносимые условия. Она уже неоднократно летала на Кавказ и поднималась там на вершины, про которые европейцы вряд ли когда и слышали; она пересекала Сахару, была в Западной Африке, а недавно она посетила Малави.

После этого путешествия она полностью отвернулась от своих учеников. Она и раньше уже нередко с разочарованием высказывалась в том смысле, что эти европейские школьники — и здесь я немного утрирую — по сути не что иное, как избалованные, зажавшиеся, ленивые паразиты, которые не хотят ничему учиться. Но после своего путешествия в Малави, где она познакомилась с самыми замечательными детьми на Земле — с бедными, веселыми и вежливыми детьми, которые благодарны за любую кроху знаний, за всякий кусочек хлеба, — госпожа Рюквертс-Вальцер, казалось, все меньше стремилась понять своих берлинских учеников. А заботы и проблемы этих избалованных маленьких европейцев казались ей по

африканским меркам ничтожными. Ну например, микробы в школьных обедах. Несколько школьников подхватили кишечную инфекцию; причину долго искали, пока не нашли, наконец, микробы: они прятались в клубничном конфитюре, что подавался к обезжиренному творогу. Бедные больные детки, им пришлось проводить каникулы в туалете, а не на Майорке. Клубничный конфитюр! Обезжиренный творог! Туалет! В Малави большинство живет на доллар в сутки, там нет водоснабжения, детей вербуют в солдаты, они недополучают медицинскую помощь. В классах школьники сидят на полу, а по нужде ходят во двор. Возможно, многие из них были бы счастливы провести школьные каникулы на европейском унитазе.

Кроме того, госпожа Рюквертс-Вальцер констатировала, что малавийские школьники гораздо больше интересуются географией и физкультурой, чем их сверстники в Берлине. Там все знали, где находится Европа и как называется столица Германии, чего нельзя сказать о здешних школьниках. Столицу Малави знал в классе только один ученик, да и тот, разумеется, зубрила. И еще тамошние ученики были спортивными. Тутешние не могут так высоко прыгать и так быстро бегать, как малавийцы. Охотнее всего эта самая Рюквертс-Вальцер устроила бы грандиозный обмен школьников: послала бы всех берлинских учащихся в Малави, а милых и жадных до знаний малавийцев притащила бы сюда и откармливала бы их обезжиренным творогом с клубничным конфитюром. Разумеется, без микробов. Но это было невыполнимо.

Но иногда она жалела берлинских детей. Не социальное ли окружение тому причиной, и не стали бы дети из Малави такими же ленивыми и равнодушными, приехав в Берлин? Теперь она каждое второе предложение начинала с Малави:

— Вам следует когда-нибудь побывать в Малави, — говорила она.

Или:

— За такую письменную работу ты не получил бы в Малави и двойки с минусом!

Одноклассников моей дочери такая пристрастность поначалу несколько задевала, но потом они попривыкли и начали использовать сравнение к своей выгоде. Теперь у них есть оправдание на случай, если трудно дается классная или домашняя работа:

— Простите, но мы же не в Малави, — говорят они в подобных случаях и пожимают плечами.

В контексте штанов

Стремление к красоте присуще всем людям, но, как ни старайся, идеалы красоты остаются недостижимыми. Стоило моей дочери купить новые джинсы, как она тут же начала их рвать. Притом что штаны были по замыслу произведены уже с готовыми дырками, это были так называемые джинсы с эффектом поношенности. Но созданные конвейером умышленные дырки не отвечали эстетическим чувствам моей дочери. Это же чистый мейнстрим, у этих штанов нет своего лица, они продукт массового производства, как и джинсы вообще, говорила дочь, не желавшая иметь ничего общего с мейнстримом. Она хотела иметь свои личные, персональные дырки, на тех местах, где ни у кого другого дырок нет. Терзая свои новые джинсы, она, казалось, следовала одному простому правилу: чем дырки больше, тем дальше она от мейнстрима. В результате столь интенсивной индивидуализации джинсы потеряли изначальную форму и стали похожи не на штаны, а скорее на юбку из полосок и лохмотьев. Мы запретили дочери надевать такие индивидуализированные джинсы.

— Эти штаны, которые уже и штанами назвать нельзя, полностью выпадают из контекста европейской культуры, — сказал я.

— Ну и что, — парировала дочь, — а может, меня вовсе не привлекает европейская культура. Может, я больше жажду контекста африканской культуры. Я напишу это жирными буквами на своих любимых штанах и пойду в них завтра в школу.

Тут разгорелась война культур.

— Ты не вправе диктовать, что правильно, а что нет, — говорила дочь, — ты вырос в другой стране,

которой теперь вообще не существует, в другом столетии, которое давно закончилось, и в другой культуре, которая теперь всем чужда и непонятна. У тебя другой жизненный опыт, мы выросли на разных книгах. Единственное, что нас с тобой объединяет, это густые брови — свои я, кстати, постоянно выщипываю, — и больше ничего. Ты не имеешь никакого понятия о моем культурном контексте!

Пристыженный, я вышел на балкон, чтобы выкурить сигаретку. В поисках аргументов я вспоминал о своей юности, прошедшей в стране, которой больше нет, в прошлом веке, который уже закончился. Мы тогда тоже бежали от мейнстрима, тоже фанатели от «африканской культуры» — мы называли ее «американской культурой», хотя имели в виду то же самое. Мы тоже мечтали о поношенных драных джинсах, подобных тем, что мы видели в американских фильмах, которые просачивались к нам через железный занавес. В тех фильмах все герои, будь то ковбои, хиппи или жулики, носили потертые джинсы, и это было клево. Но нам было неизвестно, каким образом ковбои, жулики и хиппи доводили свои джинсы до такого эффекта. Что касается ковбоев, можно было предположить, что они подолгу скакали на лошадях, до тех пор пока их джинсы не приобретали модный вид, особенно в местах трения задницы всадника о лошадиный круп. А американским хиппи и жуликам, вероятно, жилось нелегко — у них не было работы и крова над головой, они ночевали под открытым небом и штаны свои занаскивали до дыр, ибо снимали их в крайне редких случаях.

Мы не могли перенять эти приемы. У нас не было лошадей, ночевки под открытым небом в условиях русского климата были чреватые смертельным исходом, а безработных при социализме называли тунеядцами и сажали в тюрьму. При социализме джинсы вообще

производили редко, а если и производили, то без всяких дырок. Джинсовое изделие «Сокол» производства фабрики «Большевичка» я получил в подарок от отца на шестнадцатилетие. «Сокол» был пошит из плотной материи и выкрашен в темно-синий цвет. Спереди и сзади большими буквами из искусственной кожи значилось «Сокол», чтобы никто не спутал их с Lee, *Wrangler* или *Levi's*. Эти джинсы можно было поставить в угол, стоямя они были похожи на половину человека. Если б какой-либо американский хиппи, жулик или ковбой ненароком прискакал бы в подобном «соколе», у него была бы большая проблема вылезти из него. Но у нас не было выбора, и мы старались максимально украсить себя в контексте этих реально существовавших социалистических штанов.

Один мой друг — он родился в один день со мной, но на пять часов позже, и тоже получил в подарок на день рождения джинсы типа «Сокол» — утверждал, будто знает, как привести их в ковбоеподобное состояние: нужно в течение получаса крутить их в стиральной машине с булыжником и горстью песка. Впрочем, бытовая техника в Советском Союзе тоже была дефицитом, и особенно стиральные машины — просто так их было не достать. В нашем классе только у одного юноши в семье была стиральная машина. Его отец, насколько мы знали, был офицером госбезопасности, и ему, возможно за особые заслуги по службе, выделили советскую стиральную машину «Фея».

Когда родителей не было дома, офицерский сын разрешал нам пользоваться «феей». Как-то после уроков мы с другом взяли свои джинсы, собрали с десятка камней, прихватили в детской песочнице добрый килограмм песка, пошли к приятелю и под завязку загрузили стиральную машину. Поначалу все шло хорошо. С громким гудением фея принялась

ворочать камни в своей утробе. Но уже через две минуты она испустила стон и отключилась. Фея госбезопасности покинула нас довольно невежливо, даже не попрощавшись — и, как выяснилось впоследствии, навсегда. «Соколы» же пережили знакомство со стиральной машиной без единой царапины. А вот у нас потом были большие проблемы.

...Ну а теперь, уже в следующем веке, я посмотрел в зеркале на свои брови — действительно ли они такие густые, как утверждала дочь, — потом сделал доброе лицо и вернулся к ней.

— Итак, ты не желаешь иметь общего с культурой, в которой выросла. И с культурой твоих родителей тоже. Тебя привлекает африканская культура, хотя ты никогда не бывала в Африке. В этой связи логично было бы вообще отказаться от штанов и таким образом навсегда распрощаться с мейнстримом. Но твой бунт ограничивается штанами. Так что, пока ты остаешься в штанах, ты остаешься в рамках нашей культуры.

— Конечно, я остаюсь в штанах, — согласилась дочь.

...И добавила, вздернув свои густые брови:

— До тех пор, пока не вывалюсь в одну из дырок.

— Ну тогда все в порядке, детка, — пробормотал я и окончательно вернулся в наши дни.

День знаний

В отличие от Германии, на моей родине летние каникулы повсеместно заканчивались в один день. 31 августа официально считалось последним днем лета, а 1 сентября, известное также как День знаний, — первым учебным днем. Миллионы школьников отрывались от сладких грез и вылезали из теплых постелей, их одевали в чудовищную сизую униформу и отправляли в обитель знаний. При этом большинство из них за три летних месяца напрочь отвыкали от ученических пыток. Школьники только было почувствовали себя полноценными взрослыми людьми — ночами жгли костры, днем до упаду играли в настольный теннис или ходили удить рыбу... И вот у них снова отнимают свободу и возвращают их на школьную скамью.

Первый учебный день всякий раз был для меня как некий судный день, как последнее назидание, как тихая трагедия жизни, свидетельствующая о нашем безнадежном положении — все когда-нибудь проходит, и даже самые прекрасные каникулы. Я хорошо помню, как проснулся 1 сентября 1985 года и до меня не сразу дошло: сегодня день знаний, а в школу мне больше не надо. Хорошее настроение обеспечено на всю неделю. Обычно учебный год начинался с контрольных работ и диктантов. Учителя хотели проверить, остались ли у нас в памяти после лета хоть какие-то знания или же все выветрилось. К концу первой недели становилось окончательно ясно, что мы ничего не знаем, и обучение начиналось по новой.

А почему, собственно, 1 сентября провозгласили Днем знаний? В школе каждый день это день знаний. Советский Союз был страной многочисленных

праздников, там практически через день находился повод попраздновать, но все эти поводы казались правительству недостаточно весомыми для отмены занятий в школах. Мы должны были учиться даже в международный женский день и в день Советской армии. Занятия отменяли, только если умирал кто-то из политбюро. Нас собирали в актовом зале на траурные митинги, и через двадцать минут можно было уходить домой.

Эти смерти были в стране чуть ли не единственным поводом для освобождения от учебы. В восьмидесятые годы, когда генеральные секретари уходили из жизни один за другим через короткие промежутки времени, школьные выходные, если их сложить вместе, потянули бы в общей сложности на дополнительные зимние каникулы. Но для этого нужно было, чтобы как минимум три генеральных секретаря приказали долго жить. Нас никогда не освободили бы от уроков, будь они живы-здоровы.

Моя португальская переводчица рассказывала, что в 1974 году, во время революции в Португалии, дети получили пять месяцев летних каникул. Уже благодаря одному этому революция имела смысл, считала она. В Греции из-за забастовки учителей в течение года образовались дополнительные зимние каникулы, хоть и не по всей стране. В некоторых регионах государство за небольшие деньги вербовало штрейкбрехеров в среде пенсионеров. В Японии во время последнего крупного землетрясения и цунами, повлекшего за собой аварии на нескольких атомных реакторах, детей не освободили от школы ни на один день. В Японии вообще очень амбициозные учебные планы. Мне кажется, что будь хоть вся Япония на краю гибели, и то школьники, даже уже сидя по горло в воде, продолжают учиться.

Русские лишь один раз проявили радикализм в вопросе освобождения от уроков, и это было сразу

после Октябрьской революции. Тогда большевики объявили огромную часть знаний устаревшими и империалистическими. Они сомневались даже во многих химических и физических законах природы и упразднили правописание. Каждый мог писать как заблагорассудится, и каждый, кто обладал хоть толикой практических знаний, был обязан делиться ими с другими в ходе занятий или специально организованных обменов знаниями. После революции русские нацелились на новый мир. У них не было четкого представления, каким он должен быть, но они точно знали, каким он быть не должен. Они знали, что ничего не знают.

В современном мире отношение к знаниям прагматично. Уже в седьмом классе на уроках немецкого языка детей накачивают в написании резюме. От них требуется мечтать о коммерческой карьере. В России образование переживает сейчас застой, большинство предметов преподается в форме некоего рода кроссвордов. Надежда, что наука поведет нас дальше, почти угасла.

Раньше на моей родине было много наукоградов и академгородков, являвших собой некий симбиоз высшей школы для одаренных, исследовательской лаборатории и ядерного реактора. Естественно, все строго охранялось и находилось большей частью под землей. Из соображений секретности эти научные городки не были указаны ни на одной карте и носили странные названия, похожие на кодовые слова или заглавия научно-фантастических романов: Бобруйск-25, Челябинск-6 или Челябинск-42. Иностранцам въезд туда был запрещен, но и советским гражданам требовалось специальное разрешение, если они намеревались посетить своих ученых родственников. В секретных научных городках была лучшая инфраструктура и снабжение продовольствием, их жители могли найти в

универмагах даже качественные импортные товары. Ученые и их семьи лучше одевались и, соответственно, выглядели лучше, нежели неученая часть населения. Не в последнюю очередь из-за этого, а также, разумеется, из-за любопытства, вызываемого всей этой секретной возней, наука в Советском Союзе имела особо высокий статус. Надежда страны на славное будущее зиждилась на узких плечах физиков, а не лириков, и уж тем более не политиков.

Если я правильно помню, то наша советская наука всю дорогу была на пороге великих открытий. В исследованиях — будь то космические дали или океанские глубины — мы всегда были впереди. Теленовости каждый день вещали о новых открытиях. Взрослые охотно смотрели научную передачу профессора Капицы под забавным названием «Очевидное — невероятное», что можно интерпретировать как «смотрите и не верьте своим глазам». А для детей был теле- и киножурнал «Хочу все знать». Его вместо рекламы крутили в кино перед началом сеанса. Каждый выпуск начинался с заставки, где пионер летел на ракете и спешил возле огромного грецкого ореха. Он выходил и вынимал из кармана огромный молоток, хотя такой инструмент ну никак не мог уместиться в кармане, разве что только костюмчик пошили вокруг молотка. Но мы тогда об этом не думали. Затем пионер высоким голосом говорил: «Орешек знанья тверд, но все же мы не привыкли отступать, нам расколоть его поможет киножурнал “Хочу все знать”». Одновременно он трижды со всей силы ударял по ореху, и тот в конце концов раскалывался. И оказывался пустым.

Физики не спасли социализм. Во времена перестройки многие ученые уехали за границу, а оставшиеся вынуждены были быстро осваивать новые профессии, на потребу капитализму. Но в моей памяти

пионер все еще размахивает своим молотком. Орех знаний был для нас слишком твердым, мы знаем, что ничего не знаем. Мы жаждем летних каникул, и лучше всего круглогодичных.

Ромео и Джульетта 2.0

Еще до Шекспира люди знали, что любовь не только удовольствие, любовь это борьба против всего мира. В прежние времена влюбленные вынуждены были противостоять назиданиям родителей, семейным обычаям, предрассудкам, злорадству и нетерпимости внешнего мира. В наши же дни между любящими сердцами нередко стоят телефонные компании. Раньше родителей юноши интересовала религиозная принадлежность его подруги, нынче же приходится спрашивать, кто ее телефонный провайдер.

На днях я чуть не упал со стула, увидев последний счет за телефон. И это притом, что меня не так-то просто уронить со стула. Я знаю, что мы много тратим на телефонные разговоры. У всех членов семьи, кроме кошек, есть свой телефон, и у всех большая необходимость поговорить. К примеру, жена часто звонит на Кавказ своим двум кузинам — муж одной из них куда-то уехал, муж другой, напротив, должен наконец вернуться, и все это жене просто необходимо знать. Ей нужно знать, какими уродились в этом году помидоры и зачем нужно спиливать сливовое дерево у гаража. Мать звонит в Москву и выслушивает от своей сестры пересказ всех новых выпусков телесериалов, которые она не может смотреть в Германии. Дети часто делают школьные задания, устраивая со своими одноклассниками своего рода мобильные телеконференции, чтобы потом в школе не списать друг у друга случаев чего не так.

Так что по традиции телефонные счета у нас нехилые. Но не до такой же степени! Я изучил счет и обнаружил, что 90 % всех звонков были с телефонного номера моего четырнадцатилетнего сына, причем это

были разговоры с неопределенным номером от провайдера *E-Plus*. По этому номеру он на протяжении долгих недель звонил всякий раз после полуночи и оставался с кем-то на проводе часа по три.

— Поздравляю, это любовь! — сказала моя мать.

— Это очень большая любовь, — уточнила жена.

Однако пару месяцев назад у нас уже была большая любовь, и ее провайдером был *Vodafone*. Я тогда еще специально сбегал в салон связи и купил безлимитный тариф для *Vodaforta*. Теперь на мои упреки сын ответил, что он вообще не знает, о чем это мы и кто это мог быть. Это мог быть кто угодно из друзей или подружек, да хотя бы Петер.

— Но у Петера провайдер *O₂*, и его номер у нас в телефонной книге. Таинственный номер помечен как неизвестный, так что никакой это не Петер. Ты что, за дурака меня держишь? — задал я риторический вопрос. — Ты что, хочешь, чтобы я поверил, будто не знаешь, с кем каждую ночь разговариваешь по три часа? Дорогой сын, я не хочу вмешиваться в твои личные дела, я хочу знать только одно: эта с *E-Plus*, это действительно большая любовь? и надолго ли она? Мне что, опять бежать в салон связи и выставлять там себя на посмешище, мол, «теперь любовь поменяла провайдера, дайте, пожалуйста, безлимитный тариф для *E-Plus* вместо *Vodafone*»?

Сын задумался.

— На сегодняшний день трудно сказать, как долго продлится любовь, — ответил он. И пояснил, что речь идет о чувствах, а чувства планированию не подлежат. И на всякий случай он хочет безлимитный тариф на все сети.

— Ты играешь с огнем, — сказал я. — В любви не бывает безлимитных тарифов, ты должен принять решение. Любовь к незнакомке на *E-Plus* нужно

сохранить по крайней мере до конца 2014 года, когда твой договор истечет, а после ты сможешь получить выгодный тариф на все сети. И я очень надеюсь, что до тех пор твоя любовь продержится. Меня коробит каждую неделю бегать в контору и выставлять себя на посмешище.

Сын ретировался в свою комнату.

— А как, собственно, величать по имени ту, чей номер неизвестен? — спросил я его вослед.

— Понятия не имею, о чем ты говоришь, — раздалось в ответ из-за закрытой двери.

Пепел наших сигарет, или Окончательное разочарование

С самого рождения я должен прислушиваться, что следует делать. Скажем, много можно услышать о правах и обязанностях человека. Как правило, речь идет о спекулятивных, туманных, мнимых ценностях. Даже смерть и свобода понятия взаимоисключающие. Свободные люди, по сути, не должны были бы умирать. Ну а мы же когда-нибудь умрем. О равноправии не может быть и речи, иначе мы все любили бы одну и ту же женщину, рисовали бы одинаковые картины и писали бы одинаковые стихи. На основании своего короткого жизненного опыта я вижу лишь два очевидных долга и одно очевидное право: перед нами долг поставить на ноги следующее поколение и долг достойно проводить предыдущее. При этом у нас есть право молчать, браниться или сочинять стихи. Как сказал когда-то мой любимый поэт, разрешенные стихи это мразь, а истинная поэзия — то есть стихи, написанные без разрешения, — это ворованный воздух^[3].

В советской школе мы очень много стихов учили наизусть, практически каждую неделю что-нибудь новенькое. Разумеется, речь шла о разрешенной поэзии. Однажды нам задали продекламировать на уроке свое любимое стихотворение. Приспособленцы в угоду преподавательнице заучили поэму Маяковского «Что такое хорошо и что такое плохо»:

Крошка сын
к отцу пришел,
и спросила кроха:

— Что такое хорошо
и что такое
плохо?

Меня и моих друзей этот мальчик ужасно бесил, а еще больше бесил его папа, который, естественно, все знал. Мы же принесли на урок другую поэзию, истинную. По крайней мере, нам она тогда казалась настоящей и истинной. Это был текст песни моей любимой группы, самой крутой группы во всем Советском Союзе. В группе были скрипач, флейтист, певец и ударник. У скрипача были длинные волосы, которые во время концерта падали на скрипку, флейтист был прыщав, а ударник лыс и лицом походил на серийного убийцу. Певец красился в рыжий цвет, носился колбасой по всей сцене и кричал:

И ты можешь идти и вперед, и назад,
Взойти, упасть и снова взойти звездой;
Но только пепел твоих сигарет — это пепел
империй,
И это может случиться с тобой;
Но голоса тех богов, что верят в тебя,
Еще звучат, хотя ты тяжел на подъем;
Но, знаешь, небо
Становится ближе;
Слышишь, небо
Становится ближе;
Смотри — небо
Становится ближе
С каждым днем.

Мы показали стихи учительнице и спросили:
неужели рядом с этой истинной поэзией ей не кажется,

что крошка-сын просто-напросто смешон?

— Мне очень жаль, — сказала учительница, — что юноша из хорошей семьи, сын интеллигентных и далеко не глупых родителей, увлекается такой псевдо-глубокомысленной галиматьей, вместо того чтобы открыть сердце истинному герою революции, поэту Владимиру Маяковскому.

В недоумении я лишь покачал головой. Каждый остался при своем мнении. Между тем группы моей юности больше не существует. Первым умер скрипач, позднее до смерти спился прыщавый флейтист. А недавно, под Новый год, ушел из жизни и ударник. Ему как-никак было уже 67 лет, что на 30 лет больше, чем Маяковскому. А певец жив и продолжает петь. С тех пор как ему установили кардиостимулятор и он уже не колбасится на сцене, я больше не понимаю его поэзию. (Имеется в виду группа «Аквариум». Несмотря на некоторые фактологические неточности, в тексте сохранена авторская трактовка. — *Прим. пер.*)

В школе, где учится моя дочь, поэзия входит в программу занятий по немецкому языку. Ее не изучают столь интенсивно, как в нашей советской школе, но все же достаточно регулярно. При этом преподаватели немецкого у них долго не задерживаются. Они снимаются с места как цыгане или же как дикие гуси улетают на зиму в Африку, так что почти каждую зиму в классе Николь новая учительница немецкого. Моей дочери пришлось иметь дело уже с тремя. Первая была педантична, пресна и консервативна как сухарь. В поэзии для нее главным была рифма, поэтому она принуждала детей выучивать наизусть печально известного «Ученика чародея», а затем декламировать его перед всем классом наподобие скороговорки:

Брызни, брызни,
Свеж и влажен,

С пользой жизни,
Ключ из скважин.
Дай скопить воды нам в чане,
Сколько требуется в бане!^[4]

Пятерку получал тот, кому удавалось меньше чем за 12 секунд продекламировать стихотворение наизусть и при этом не сбиться.

Вторая учительница была либеральна и как козий сыр прихотлива. Она провела в классе опрос, что нравится слушать современной молодежи. Легкомысленная молодежь, которая, как известно, меняет пристрастия с каждым временем года, на тот момент фанатела от Петера Фокса, солиста полупопсовой рэперской группы. У либеральной учительницы оказался наготове образчик берлинского рэпа, припасенный в целях анализа литературных приемов. По ее глубокому убеждению, в поэзии непременно используются определенные литературные приемы, и лишь тот, кто знает эти приемы, может правильно понимать стихи. Так школьники узнали, что фраза «Берлин, ты можешь быть столь безобразным, столь грязным и серым» являет собой персонификацию; «пацаны блюют в окрестности и ведут себя премерзостно» — это риторический образ, гомеотелевтон (это такое сложное слово, что школьники переделали его в гомотелефон, что гораздо проще запомнить).

«Везде такое дерьмо, что приходится над ним парить», — пел далее Петер Фокс, и это, по мнению учительницы, гипербола, сильное преувеличение, в данном случае даже двойное. Ибо в Берлине дерьмо лежит не везде, а Петер Фокс парить не может. «Красный суп капает на асфальт» — это эвфемизм, слово-заменитель для негативного содержания

обстоятельства со смягчающими словами, и в то же время метафора — это когда человек имеет в виду одно, а говорит другое.

Была зима, и «козий сыр» улетела, и пришла третья учительница. И третья учительница сказала:

— Принесите мне ваши любимые стихи, я хочу знать, что творится в ваших головах.

Три четверти учеников, не сговариваясь, пришли со стихотворением Тухольского^[5].

Что неудивительно, ведь в учебнике немецкого оно приводится как пример хорошей поэзии, и если в интернет-поисковике набрать «какое стихотворение принести учительнице немецкого, чтобы она оставила меня в покое», то результатом будет... угадайте с трех раз, что именно. Одноклассники повели себя разумно, и лишь моя дочь принесла творение своего любимого певца Джима Моррисона, «Поклонение ящерице», и даже перевела его по этому случаю на немецкий:

Все ли в сборе?
Церемония скоро начнется.

Проснись!
Ты не помнишь, где это было.
Прошел ли тот сон?
Змея — бледная, в золотистых морщинах.
Мы боялись коснуться ее.
Простыни — жаркие, влажные тюрьмы.
Она лежала со мною — старая,
Нет — была еще юной.
Ее темно-рыжие волосы.
Белая мягкая кожа.
А теперь сбегай к зеркалу в ванную
И погляди!
Она приближается.
Я не могу выдержать медленные столетия

ее движений.
Я, сползая щекой
По блестящему нежному кафелю,
Чувствую близость отравленной крови.
Шипящие змеи
дождя...

Прежде я любил играть,
В свои мысли проникать.
Ту игру ты можешь смело
Сумасшествием назвать ^[6].

— Мне очень жаль, — сказала учительница. — Я искренне сожалею, что несмотря на то, что ты выросла в литературной семье, любишь читать и у тебя разнообразные возможности познавать мир, ты увлекаешься этим пошлым бредом одурманенного наркотой хиппи, вместо того чтобы открывать в жизни нечто воистину прекрасное. Тухольского, например. Я в тебе разочаровалась окончательно.

Так говорила третья учительница, по крайней мере, по словам дочери, что-то в этом духе.

Оценки Николь за это не получила.

Зачем нам богатые люди

Удивительное дело: привилегированная берлинская языковая гимназия, где учатся мои дети, гораздо в большей степени антикапиталистична, чем советская школа, в которой когда-то учился я. И это притом, что критика капитализма была краеугольным камнем нашего образования. В советской школе, естественно, ругали капитализм и акцентировали внимание на его бесчеловечных сторонах — на бедности и безработице, эксплуатации и спекуляциях, то есть на всем том, чего у нас не было.

Однако втайне мы любили капитализм. Конечно, не за бедность и спекуляции, а за всякие другие вещи, которых у нас тоже не было: за пластинки Оззи Осборна и Ван Халена, за обнаженных грудастых блондинок, что улыбались нам с переснятых из «Плейбоя» черно-белых картинках дурного качества, за жвачку, из которой можно было выдувать шары, и за намасленные бицепсы Арнольда Шварценеггера. Поэтому нашему поколению казалось, будто найти правильный путь в будущее это раз плюнуть. Нужно всего лишь взять лучшее от капитализма и внедрить это в нашу социалистическую реальность, а все дурное проигнорировать. Но капитализм с социализмом упорно не желали спариваться. Вероятно, плохое и хорошее в западном капитализме и тогдашнем социализме настолько переплелось, что расчленению не подлежало. За это социализм заплатил собственной жизнью, однако скоро мы похороним и капитализм. По крайней мере в том случае, если он будет и дальше подвергаться столь яростной критике, как это происходит на уроках этики в типичной немецкой школе XXI столетия.

На этих уроках все проблемы рассматриваются с точки зрения так называемого общества, и с этой же точки зрения умозаключается, что хорошо, а что плохо. Наряду с социальными проблемами типа сосуществования в обществе или сексуальной направленности, наряду с дискуссиями на темы вроде «Зачем нужны старики» или «Как выглядит сегодня типичный немец» на занятиях усердно муссируется закат капитализма. Вот совсем недавно, когда я был в разъездах по читательским конференциям, мне позвонила дочка и попросила помочь с заданием по этике. Они готовились к дискуссии об основных чертах капиталистической экономики, и для этого класс должен был разделиться на капиталистов и социалистов, на работодателей и трудящихся, на богатых и бедных. При этом никто не хотел быть богатым капиталистом, все выбрали противоположный лагерь. А моя дочь прошляпила и теперь чуть ли не в одиночку вынуждена была выступать за богачку. И ей срочно нужны были аргументы, чем личное богатство может быть хорошо для общества. Кроме того, ученики должны были дать толкование высказыванию Кеннеди: приливы поднимают все лодки. Актуально ли это высказывание по сей день и что вообще Кеннеди имел в виду?

По этому поводу я быстро смог просветить свою дочь. Буквально на днях я сам недоумевал, почему известие о рекордных прибылях Дойче банка в разгар экономического кризиса, опубликованное на первых страницах всех газет, должно было вызвать радость читателей? Почему я должен радоваться, что какой-то банк в мире, где столько голода и нужды, увеличивает свои прибыли? Это банк должен радоваться, а не я. Кроме того, банк эти деньги сам не производил, а забрал у кого-то — у того, кто, возможно, нуждался в них гораздо больше. Я не мог постичь причин этой

радости. Друзья, которые тоже читают газеты, разъяснили: это раньше считалось, что если предприятие получает прибыль, то оно будет создавать рабочие места, и эти рабочие места сделают людей, не работающих на банк, если не богатыми, то по крайней мере более преуспевающими. Сегодня же, когда львиная доля прибылей это результат спекулятивных сделок, высказывание Кеннеди потеряло смысл. Приливы ведут к затоплению, и все лодки идут ко дну. Чем хороши богатые, это мы тоже примерно выяснили. Главным образом тем, что они платят налоги, на которые строятся школы, печатаются учебники по этике и обучаются учителя — и все это для того, чтобы общество могло продолжать в комфорте предаваться дискуссиям.

Его зовут Джек Дэниэлс

Один мой друг рассказывал недавно, как, давая по долгу службы в институте немецкого языка телефонные консультации по поводу выбора имен, он часто вынужден объяснять будущим родителям, почему не следует называть ребенка тем или иным чудным именем. Почему-то чаще всего именно отцы упрямо не соглашались ни с какими аргументами. Одни хотят назвать сына Ленин, другие настаивают на том, что дочь должна носить имя Леди Ди. На днях один будущий папаша сетовал, что долго искал мужское имя, излучающее силу и уверенность, но в обычном регистре немецких имен не находилось ничего подходящего — кроме Гельмута^[7]. А Гельмут слишком уж распространенное имя, тем более вышедшее из моды, поэтому его сына будут звать Бетон, и никак иначе. От имени института немецкого языка мой друг папаше отказал под тем предлогом, что такое имя не занесено в официальный реестр.

— Но есть же в истории подобные примеры имен, которые означают силу и уверенность, — не сдавался потенциальный отец Бетона. — Сталин, например.

Мой друг лишь пожимал плечами. По его словам, в Америке дело обстоит еще хуже. Там многие стремятся в именах своих детей увековечить нечто, что им особо любо и дорого, скажем любимую марку виски. Они называют детей Джим Бим или Джек Дэниэлс и заносят в реестр любую чушь.

— Это ж каким рехнутым надо быть, чтобы сотворить такое со своим ребенком! — кипятился мой друг.

Пока он рассказывал, я понимающе кивал головой и думал при этом о своем сыне, который во время

последних школьных каникул на самом деле заслужил имя Джек Дэниэлс. Школьные каникулы представляют собой сплошной соблазн. Я придерживаюсь твердого убеждения, что, когда у детей каникулы, родители тоже должны быть освобождены от работы. Все прочие варианты лишь увеличивают пропасть между поколениями. Ибо дети, отдыхая без родителей, непременно покатаются по наклонной плоскости, а родители в это время все равно не смогут концентрироваться на работе. Они постоянно будут думать о том, чем занимаются в данный момент их чада и где они торчат. Поэтому во время последних каникул мы таскали с собой детей повсюду: на работу и на все приемы и мероприятия, куда нас звали обязательства. Бедняжки вынуждены были терпеть многочисленные русские дискотеки, где их родители выступали в качестве диджеев. Уж так сложилось, что наша работа состоит в том, чтобы развлекать людей.

Конечно, дети не понимали, что это тяжелая и вредная для здоровья работа. Они познавали наш мир с ошибочной стороны и спрашивали меня, имеет ли вообще смысл ходить в школу после всего, что они теперь знают о взрослой жизни; ведь, закончив школу, взрослые только и делают, что выпивают, а в придачу еще и танцуют. И это притом, что у нас в семье постоянно говорится о важности образования и школы. Дети быстро уличили нас в лицемерии и были уверены, что мы лишь веселимся, в то время как они должны корпеть над математикой и физикой.

Эта взрослая жизнь детям так понравилась, что они с радостью пропустили бы детство и без промедления перешли бы к настоящей жизни. В качестве светских львов, к примеру. Одно только им не понравилось, а именно то, что взрослые не могут веселиться просто оттого, что у них хорошее настроение — для веселья взрослым нужны спиртные напитки. Зачастую слишком

много спиртных напитков, и тогда они теряют равновесие, впадают в тоску или засыпают. Моему сыну было жалко этих людей, которые не могли танцевать, веселиться и даже разговаривать друг с другом, не приняв алкоголя. Он не хотел никогда в жизни даже попробовать эту химическую дрянь и на книжной выставке во время устроенного издательством приема пил только безалкогольные коктейли. В меню было два коктейля: «Флорида» и «Пусси Кэт». Оба названия звучали как имена из американского регистра, и, поставленный перед выбором, Себастьян выбрал коричневую «Флориду». «Пусси Кэт» оказалась ему по-бабски розовой. Поскольку пил он быстро, а очередь к стойке была длинная, его выбор обернулся мучениями: он вынужден был минут двадцать стоять в очереди, десять минут ждать, пока приготовят напиток, чтобы потом выпить его за тридцать секунд. Поэтому, чтобы обеспечить себя запасами, Себастьян всякий раз, когда мимо проплывала официантка, брал с подноса по две-три «Флориды», опорожнял их и продолжал отпускать шутки в адрес закомплексованных взрослых пьяниц.

— Простите за беспокойство, там ваш сын, и знаете ли вы, что он пьет? — спросила меня любезная официантка после того, как Себастьян в который раз облегчил ее поднос на несколько «Флорид».

— Разумеется, знаю, — отвечал я. — Это детский напиток «Флорида».

— Нет, — возразила официантка, — это виски с колой. Ваш сын взял уже семь стаканов.

Я посмотрел на своего сына. Как раз в этот момент Себастьян, окруженный любопытствующими, выступал на тему о том, что школа бессмысленна, что это абсолютная трата времени, и выглядел он при этом трезвым, дружелюбным и общительным. И лишь узнав, что он на самом деле пил все это время, Себастьян стал неадекватным. Он начал хихикать, петь и утверждал,

что никогда в жизни не ляжет спать и что отныне Джек Дэниэлс это его второе имя.

Закон о защите молодежи

Свой первый загранпаспорт моя дочь получила по всем правилам новейших методов защиты информации — с уродливым биометрическим фото. Мы собирались всей семьей лететь на каникулы в Америку, а в Америку без биометрической фотографии не пускают. Я не разделял восторгов дочери по поводу паспорта. И я, и моя жена тринадцать лет жили в Германии без загранпаспортов, у нас были лишь «паспорта иностранца», где на обложке значилось *Aliens Passport*, что с английского можно перевести как паспорт инопланетянина. «Мы в Германии инопланетяне, нас тут ничего не касается», — шутили мы. Впрочем, мы были уже престарелыми инопланетянами, мы достаточно пожили на этой планете, чтобы не придавать особого значения земным бумажкам. Моей дочери исполнилось шестнадцать, с паспортом у нее начиналась новая жизнь, со всеми причитающимися правами и обязанностями.

— Теперь мне шестнадцать, и я должна пить пиво, — озабоченно говорила дочь, — так велит немецкое законодательство.

— Что за глупость, — удивлялся я. — Нигде на свете нет закона, предписывающего детям пить пиво!

То есть я эту идею забраковал.

— Незнание законов не освобождает от ответственности, — парировала дочь. — Мне шестнадцать, я уже не ребенок, и твоё определение при некоторых обстоятельствах можно даже трактовать как оскорбление и вмешательство в мою частную жизнь. В законе о защите молодежи четко написано, что начиная с шестнадцати человек имеет право на пиво, вино, шампанское или на коктейли из

вышеперечисленных ингредиентов. То же относится и к моему праву на курение.

Я не верил ни одному ее слову. С другой стороны, немецкое законодательство славится склонностью регулировать все на свете и порой несколько перебарщивает в своих предписаниях. Поэтому я сказал любимой дочке:

— Будучи в целом гражданами законопослушными, в этом конкретном случае мы против и запрещаем тебе следовать закону о защите молодежи. Ты не имеешь права пить, а про курение даже промолчу. Послезавтра мы отправляемся в Америку, поистине свободную страну. И ты увидишь, с какой твердостью там защищают детей. Если не ошибаюсь, до 21 года они не имеют права даже произносить слово «бутылка». Во многих штатах детей не допускают к алкоголю и табаку вплоть до пенсионного возраста. И даже тогда им нужно представить справку от врача, чтобы купить бутылку пива.

Нам предстояло путешествие именно в эти так называемые сухие каньоны. Один частный университет в Куквилле пригласил меня в качестве диджея провести в студенческом спортзале русскую дискотеку, и я решил взять с собой семью. Лучшей возможности показать детям чопорную Америку вряд ли скоро представится, думал я.

— Выпивать ты права не имеешь и можешь начинать собирать вещи, ведь мы уже послезавтра летим в Куквилл! — сказал я второпях, ибо опаздывал на работу в нашу берлинскую дискотеку. Там меня уже ждали несколько сотен любителей потанцевать, которые, вероятно, тоже страдали от необходимости пить смесь пива с вином начиная с шестнадцати лет, как того требует законодательство, и которые с тех пор, может, не были трезвы ни одного дня, но зато оставались законопослушными.

Незадолго до полуночи, стоя за диджейским пультом, я получил мейл с незнакомого адреса. Писали молодые родители — вечером они играли с маленьким ребенком на детской площадке на улице Яблонского, искали в песочнице клад, а нашли новенький с иголки паспорт с биометрическим фото моей дочери. По крайней мере, они так предполагали: паспорт был выдан на имя Николь Каминер. Что за славные молодые люди живут на улице Яблонского! Люди с любой другой улицы, раскопав паспорт, продолжали бы искать в песочнице клад или выбросили бы паспорт, а в лучшем случае сдали бы в полицию. Эти же прочесали Интернет в поисках возможного владельца. По счастью, в Берлине не так много Каминеров, они нашли меня и послали сообщение. Они спросили, не приходится ли мне дочерью изображенная в паспорте Николь Каминер. Если паспорт вам нужен, просили они, просьба как можно скорее с нами связаться, ибо завтра мы улетаем в отпуск.

Я позвонил домой, где уже полным ходом развернулись поиски паспорта. Путешествие в Америку оказалось на грани срыва: без паспорта Николь лететь не могла, а оставлять ее одну в Берлине мы не могли, учитывая нормы закона о защите молодежи. Известие о находке в песочнице на улице Яблонского, что довольно далеко от нас, мою дочь нисколько не удивило. Она проделала туда долгий путь, ибо там, по ее словам, находится открытый допоздна магазин, куда ее новоиспеченные шестнадцатилетние одноклассники отправились покупать свое первое пиво. Паспорт она взяла с собой на случай, если продавец не сможет на глаз определить ее возраст — хотя, по мнению дочери, ее зрелость прямо-таки бросается в глаза.

Мейл от хороших людей с улицы Яблонского я переслал Николь, она должна поторопиться, чтобы вернуть паспорт. Посетители дискотеки удивлялись,

почему их диджей вместо того, чтобы задорно менять диски, постоянно говорил по телефону, копался в смартфоне и делал лицо, будто ему на голову нагадила большая птица. А у меня все было хорошо, вот только жаль было, что путешествие в Америку вдруг оказалось под угрозой. Я купил четыре авиабилета и вынужден был подвергнуть себя несказанным унижениям в американском посольстве. После терактов 2001 года правила въезда в США еще более ужесточились. Теперь брали отпечатки не только пальцев рук, но и пальцев ног. Если иностранные студенты отсутствовали на университетских занятиях более двух дней, профессора должны были заявлять об этом в органы безопасности. И на каждого въезжающего в страну смотрели с подозрением.

Моя русская дискотека считалась командировкой. Поэтому мне нужно было подать документы на так называемую визу B-1 — бизнес-визу, — а это неприятная процедура, отнимающая немало времени и стоящая уйму денег. Надо было заполнять бесчисленные бумаги, отвечать на сотни вопросов и предъявлять кучу справок. В конце концов мне назначили интервью в американском консульстве. Развеселый улыбчивый рыжеволосый сотрудник подтрунивал над целью моей поездки:

— Вы летите в Америку для организации танцевального мероприятия? Что такое русская дискотека? — спрашивал он.

— Это когда в затемненном помещении играет русская музыка и все дико скачут, — правдиво отвечал я.

— А что потом? — заинтересованно спросил рыжеволосый.

— А потом, когда все вдоволь натанцуются, уходят домой.

— А вы? Вы тоже идете домой? Или вы намерены остаться в Америке? — домогался консульский сотрудник.

Я решительно отнекивался. Американцы очень ценят свою страну и автоматически полагают, что весь мир только о том и мечтает, чтобы переселиться в Америку, и что каждый разумный человек, стоит ему пересечь американскую границу, в жизни не захочет покидать эту страну. Рыжеволосый думал, что он раскусил мой коварный замысел: двадцать лет в Советском Союзе я ждал, пока падет Берлинская стена, затем я туда поехал, чтобы выучить немецкий, написать книгу о русском диско, которая была переведена на английский, и после этого мне оставалось лишь дожидаться приглашения в Америку, чтобы со всей родней переселиться в Куквилл. Отличный план.

— Нет, — сказал я, — у меня нет намерения оставаться в Америке. У меня в Берлине две кошки, я их очень люблю. Когда русская дискотека пройдет, я вернусь домой в Берлин.

— Договорились, — сказал служащий, и я получил рабочую визу.

А теперь мой безупречный план эмиграции все же оказался на грани краха. Кто бы мог подумать, что дочь впервые выпьет пива в песочнице на детской площадке за день до отлета и потеряет паспорт? Этого никто не мог предусмотреть. Но все закончилось хорошо, Николь успела забрать паспорт, и мы вылетели по расписанию.

Однако наше пребывание в Америке оказалось не столь увлекательным, как подготовка к нему. В первый день в Куквилле мы хотели выйти в город, но дошли лишь до бензозаправки. Понятия «пойти в город» в этой части Америки не существует, поскольку города в его европейском понимании, то есть как места, куда можно просто выйти, там нет, поскольку в этой части мира не предусмотрены пешеходы. В Америке у всех есть

машины, а если ее у вас нет, то вы бедны и ждете автобуса. По местному телевидению как раз шли репортажи о нападках республиканцев на президента, который хотел заставить всех американских граждан страховать на случай болезни. Дочка переводила с английского, что именно республиканцам не нравилось в законе о медицинском страховании. Как можно считать такой закон несправедливым? Она внимательно слушала, пока наконец до нее не дошло: а что, если некто будет платить за страховку в течение тридцати лет, ни разу при этом не заболев? Или еще того похлеще — умрет здоровым? Вероятно, тогда его деньги пойдут на лечение какого-нибудь больного, который, вероятно, столько не платил — неслыханная несправедливость!

Республиканцы муссируют старую добрую сказку об американской мечте о том, что любой мойщик посуды может стать миллионером. И хотя в стране много нищих и бездомных и все больше людей копаются в общественных урнах в поисках окурков, люди все еще верят в эту сказку, и выражение лиц у них такое, будто все они уже миллионеры, которые либо еще не заработали свои миллионы, либо их уже потратили.

В город то и дело наведывались дикие звери: белки, койоты, еноты, кабаны, а однажды, заплутав, забрел бурый медведь из заповедника Смоки-Маунтинс. Он залез на высокое дерево напротив стейк-хауса, как раз во время важной телевизионной дуэли между нынешним президентом и его конкурентом на следующий срок. Жители городка не знали, куда смотреть — на дерево или в телящик. Они то выходили из помещения забегаловки, то снова входили, и распугивали птиц, которые кружились над столиками во дворе, таская из вазочек пакетики с сахаром.

Наша дискотека проходила в университетском спортзале. Она начиналась в 19:00, потому что

американцам на следующее утро рано вставать, у них всегда дел по горло. В соответствии с тамошним законом о защите молодежи на всей территории университета царил запрет на алкоголь. Жители городка люди рослые и малоподвижные, они вовсе не были похожи на буйных танцоров. Весь город по сути состоял из заведений фастфуда и церкви, многие машины были украшены надписями типа «Иисус за президента». У меня были большие сомнения, что эти люди будут танцевать под нашу музыку. Но ровно в три минуты восьмого появились первые посетители. Зал наполнили студенты, родители с детьми, и вскоре там воцарилась атмосфера непринужденной вечеринки, получился как бы американский народный праздник, но только с русской музыкой. То и дело по полу катались бутылки из-под кока-колы. Мне казалось, что звук очень тихий, зал слишком большой, а усилители слишком слабые. Но Америка — страна неограниченных возможностей, права на жизнь и на смерть, колыбель вооруженных психов, родина вечно голодных гигантских белочек — танцевала.

Антиалкогольная кампания

С тех пор как дети пошли в гимназию, я каждый день узнаю что-нибудь новенькое о наркотиках. В немецких школах уделяют ну очень много внимания поучениям о вреде алкоголя, никотина и марихуаны. На уроках этики им внушают, что именно эти субстанции есть злейшие враги школьников и вся жизнь суть вечная борьба с ними. Опытный военный стратег знает, как важно изучить врага еще до начала битвы, распознать его сильные и слабые стороны, узнать, как он действует. Поэтому школьники загодя готовятся к этой битве и набираются опыта — то на школьном дворе, то после школы.

На этике детям, в частности, рассказывают, что, выпивши и обкурившись, люди иначе воспринимают действительность и часто совершают поступки, на которые в трезвом состоянии не способны, а приходя в себя, недоумевают, как такое могло произойти. Что по этому поводу может подумать шестнадцатилетний? Шестнадцатилетнему в голову приходят Супермен, Бэтман и Человек-паук. До него доходит, почему один летает с дурацким выражением лица, другой постоянно скалит зубы, а третий скачет. Для шестнадцатилетнего это привлекательная мысль — делать нечто, чего обычно не делаешь, а потом удивляться. По счастью, на уроках дается теория, практические занятия не предусмотрены. А вот на химии производят настоящее вино.

Химию в классе мой дочери ведет веселый молодой человек. Он рассказывал детям о разном воздействии алкоголя на людей — одни становятся печальными, другие агрессивными. Некоторые веселятся и чересчур радушно зазывают к себе в гости кого ни попадя, желая

устроить вечеринку. Есть и те, кто сразу засыпает. Учитель химии очень наглядно изображал, как некоторые из его знакомых ведут себя в выходные дни: один агрессивно, другая скорбно (хотя вроде ничего не пила), третья безостановочно смеется. Такое может произойти просто так или под воздействием марихуаны.

Ученики должны были принести на урок химии какой-либо фрукт, каждый по выбору. Предполагалось, что эти фрукты, будучи помещенными в специальные, подписанные фамилиями учеников склянки и перемешанными с дрожжами, перебродят в вино. И через две-три недели ребята смогут попробовать свои фирменные напитки. Моя дочь принесла на занятие традиционный для таких целей виноград, а ее подружки решили поэкспериментировать с экзотическими фруктами: Йоганна принесла для виноделия киви, Фредерика — бананы. А Мелани принесла фруктовый пирог. Посмотрим, каково на вкус вино из фруктового пирога, печально-агрессивно заметил учитель химии. Подрастающее поколение охотно участвовало в антиалкогольной и антикурительной программе. Десятиклассников увлекали опасные последствия употребления алкоголя, восьмиклассников больше интересовало опасное воздействие марихуаны.

Я им завидовал. Тридцать лет назад в программе моей школы основными врагами значились не алкоголь и никотин, а «американский империализм» и «западный капитализм». День за днем нас убеждали, насколько пагубен и вреден для здоровья этот самый американский империализм. Ну чисто яд для людей и мышей. Дегустаций предусмотрено не было. Пропаганда привела к тому, что мы практически ничего не знали о западном капитализме. Когда наше государство распалось, я высадился в пресловутом капитализме как Армстронг на Луну. Я действовал

очень осторожно, каждый шаг приносил новые открытия. А вот никотин с алкоголем, напротив, были частью нашего бытия, и потому малоинтересны. Мой папа делал в больших трехлитровых банках домашнее вино из черной смородины или вишни. Вместо крышек он натягивал на банки резиновые перчатки. Когда перчатка вставала колом, растопыбив все пять пальцев, это означало, что вино готово. Я еще помню, что порой проходило много времени, прежде чем перчатка встречала нас на кухне приветственным жестом.

В классе моей дочки никто не был готов ждать три или четыре недели, пока вино созреет. Так что покуда в кабинете химии бродили бананы, девушки придумали себе новое занятие. С согласия школьной директрисы они решили принять участие во всегерманском конкурсе школьников «Трезвость против похмелья». И как всегда, наши девушки хотели отличаться оригинальностью. В то время как школьники по всей Германии корпели над теориями понижения содержания алкоголя в крови, моя дочь придумала иной подход. Для наглядной иллюстрации вреда, приносимого алкоголем, она хотела вместе с подружками сделать плакат со своими фото в стиле «до и после». На первом фото они должны были быть без косметики, скромно одеты и трезво смотреть в камеру, а на другом фото они хотели представить себя ярко размазанными, непристойно одетыми и якобы подшофе. Девушки были в восторге от этой затеи. Казалось, мировая известность, ну на крайняк всегерманская, обеспечена.

Мне этот плакат доставил изрядную головную боль. Два раза в месяц по субботам мы с женой уходим на всю ночь работать на дискотеке. Понятное дело, что девушки будут проводить фотосессии в нашей квартире. Я также понимал, что для придания снимкам большей аутентичности они непременно используют

спиртное, что хранится у нас на кухне. Они непременно выпьют — я был уверен. У нас на кухне много бутылок, большей частью с непонятным содержимым. Во время читательских конференций я знакоюсь со множеством людей, и мне часто дарят алкоголь самого разного происхождения. И к нам приходит очень много гостей, какие-то полупознакомые из далеких стран, политики, актеры... И все несут алкоголь, ибо, как и прежде, бутылка считается лучшим подарком для мужчины. А поскольку моя жена не любит сладостей, то в нашем случае и для нее бутылка это лучший подарок. Хороший алкоголь известных марок, как правило, выпивается быстро, а все незнакомое и подозрительное скапливается на кухонном шкафу. Это запасы на случай конца света. Я в Библии вычитал, что в конце дней человек потеряет способность видеть мир в истинном свете. Вот тогда, подумал я, мы и оприходуем подозрительные запасы.

К сожалению, в Библии ничего не сказано о всегерманском школьном конкурсе по борьбе с пьянством, а мы с ним столкнулись. Озаботившись, как бы дети не отравились, я еще раз проинспектировал запасы на кухонном шкафу: там стоял самопальный рябиновый шнапс, подаренный знакомым из Бадена, который женился на русской; это была блондинка, она круглый год носила красные кожаные пиджаки и рассекала на мощном кабриолете. Немецкая пословица гласит: опасайся блондинок и русских за рулем. Тот уроженец Бадена имел все в одной персоне. Я раньше пробовал его продукцию, но с тех пор, как он женился, его шнапс стал отдавать бензином.

Рядом с баденской бутылкой стояла достопримечательная матовая бутылка датского шнапса. Точно не знаю, из чего датчане его делают, из лакрицы или из селедки, или из того и другого вместе. Мне кажется, нечто подобное закапали в ухо отцу

Гамлета, пока он ненадолго соснул в саду. Двух капель было достаточно, чтобы тот отправился в мир иной.

Еще я нашел на шкафу бутылку старого кубинского рома, подаренную одним партийным функционером с острова Свободы. Бутылка якобы из личного подвала Фиделя Кастро, но по поводу нее у меня тоже были сомнения. Кто знает, что за яды могло туда намешать ЦРУ. У Фиделя, должно быть, иммунитет против американской заразы, но кто сказал, что у нас тоже есть этот иммунитет?

Рядом с ромом стоял подарок из Сеула, корейский высокопроцентный эликсир из тигрового хвоста, он же и плавал в бутылке. Этот напиток не только пьянит, но и повышает потенцию, пояснили мне корейские друзья. Вообще корейцы весьма зациклены на своей потенции. Они даже чашки чая не выпьют, если не будут знать, что этот чай способствует потенции. Я же, напротив, побаиваюсь слишком сильной потенции. Читая книги в кровати, я люблю лежать на животе. Поэтому бутылка с тигровым хвостом все эти годы так и оставалась непочатой.

То же и с так называемой Белорусской коньячной компанией, это тоже подарок, контрабандой привезенный в Берлин белорусскими оппозиционерами. В бутылке жидкость густо-черного цвета, на этикетке значится «Монастырская тайна», и на заднем плане изображен монах с озабоченным выражением лица. Если судить по этому выражению лица, в монастыре произошло что-то ужасное. Из уважения к белорусским обстоятельствам, которых я не понимаю, высокопроцентную монастырскую тайну я не открываю.

Еще в моей коллекции есть первая русская водка в стаканчике как из-под йогурта розлива 1991 года. А также восточногерманская водка из Нордхаузена производства времен распада ГДР.

В этих старых, покрытых кухонной пылью бутылках содержится изрядный кусок истории. Полмира в нескольких бутылках; кровь, пот и слезы прошлого столетия, разбавленные спиртом. Но девушкам неведома историческая ценность коллекции, наивная молодежь хочет просто пофоткаться, до и после. Я опасался, что за время нашего отсутствия они отравятся слезами прошлого столетия. С другой стороны, я не люблю воспитательных разговоров, пользы от них мало, а чувствуешь себя самоуверенным идиотом. Но в этом случае речь шла о здоровье детей.

К теме я подошел издалека.

— Дорогая моя дочка, — начал я, — в нашем мире слова значат немного. Люди часто врут, так что не всегда верь тому, что написано на бутылках. Внутри может быть нечто абсолютно другое. Лучше слушай свое сердце. Ты понимаешь, о чем я?

Дочери этот разговор докучал. Она вежливо кивнула, но ее кивок выглядел не особо убедительным. Что я мог еще сказать? Что алкоголь это яд и что напиться можно до коматозного состояния? Это они в школе слышали уже тысячу раз, а все премудрости, исходящие от школы, отдают кошачьим кормом.

Вечером с тяжелым сердцем мы уехали на дискотеку. Девушки уже красились для своей фотосессии и клялись не пробовать ничего крепкого. Я, конечно, постарался спрятать самые дурные бутылки, но в то же время знал, что молодежь ищет лучше, чем старики прячут. В этом корень прогресса.

В четыре утра мы вернулись. В коме никто не лежал, дети и кошки мирно спали. Первым делом я наскоро проинспектировал заначку с бутылками: тигровый хвост, яд отца Гамлета, рябина и белорусская тайна стояли нетронутыми. Только Фидель пострадал на три четверти, однако непохоже, чтобы кому-то он

нанес вред. Кажется, Куба и впрямь оказалась не по зубам ЦРУ.

На арену выходит следующий чемпион

В моем представлении время — это комната со многими дверями. Мы входим в эту темную комнату и не знаем, где выключатель. Мы не осмеливаемся пройти дальше, задерживаемся на пороге, пытаюсь в темноте разглядеть людей, быстро записываем на стене, что мы обо всем этом думаем, снова покидаем комнату и захлопываем дверь. Снаружи, там, где ничто, мы ждем целую вечность, пока нам не откроется следующая дверь. И тогда мы видим на стенах времени наши прежние записи, наши стихи, истории и песни. Может быть, поэтому хорошую музыку и хорошую поэзию люди называют неподвластными времени — они вписываются в любое столетие.

Мой сын долго искал первого рэпера в человеческой истории. Сначала он обнаружил немецких рэперов первого поколения, тех, что пели в Берлине «Все есть секта»; затем раскопал их американских предшественников из тех времен, когда этот жанр еще не стал коммерцией, а считался голосом независимой критики системы. Эта музыка родилась из протеста против угнетения людей. То были громкие и мощные рэперы, в них не было сочувствия к обществу, а для капиталистических рабовладельцев у них всегда были наготове выпростанный средний палец и крепкое ругательство — и только. Но капитал оказался коварнее, чем эти юные наивные души. Капитал взял рэперов в осаду и постепенно их коррумпировал. На средние пальцы рэперам надели золотые кольца, а за каждое крепкое словцо им хорошо платили. Так что и эта мечта о свободе закончилась разочарованием.

Американцы не были первыми, пробовал я убедить Себастьяна. Первых рэперов вообще не было, как не было и первого поэта. Человечество всегда рэперствовало, еще задолго до появления рэп-музыки.

— Чушь, — сказал сын. — Рэпер в дорэперские времена это все равно что электрик до изобретения электричества. Всегда есть первый, второй и третий поэт.

«И не всякий поэт Гёте», — ввернул Себастьян свою любимую присказку.

Вскоре после этого я кое-что нашел на русском YouTube и показал ему видео: Никита Хрущев на сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1960 году по поводу вновь поднятого венгерского вопроса. Еще задолго до того, как молодежь в Америке начала брить головы, носить широкие штаны, висящие под ягодицами, и открыто выступать против западного мироустройства, все это проделал Хрущев на самой важной мировой сцене, но только без музыки. Он бичевал западных сторонников теории заговора — все вы эксплуататоры! секта! — и, сняв ботинок, стучал им по столу. А затем, в лучших традициях жанра, он оскорбил мать всех объединенных наций и пригрозил собравшимся показать альтернативную мать, которая их крепко возьмет в оборот.

Выступление Хрущева особого впечатления на моего сына не произвело, рэп без музыки все же жидковат. Но Себастьяна живо заинтересовали русские страницы YouTube, это такое гигантское кладбище сценок из жизни, моментов, которые проходят скорее, чем их успеваешь заметить, — музыканты, почившие в неизвестности; политики, о которых уже никто не вспоминает; сатирики, чей юмор растворился в темноте времен. Тени былых героев, которые в реальной жизни друг друга ненавидели, здесь, на сайте, мирно сосуществовали. Рядом с клипом с Хрущевым (860

просмотров) стоял клип русской группы а-ля *Modern Talking*, у которой в России верная армия фанатов (1600 просмотров), а на вершине рейтинга, с одиннадцатью миллионами просмотров, красовался клип года под несколько пространственным заголовком «Девушка-диктор пукнула в прямом эфире и упала в обморок от стыда».

— Везде в мире люди одинаковы, — вскипятился критически настроенный сын. — Вечно они выбирают самое гнусное. Я просто не понимаю. Одиннадцать миллионов русских посмотрели эту чушь!

Он покачал головой и нажал на *Play*. Теперь просмотров стало одиннадцать миллионов и два.

В этом клипе не было, однако, ничего особенного. Всего лишь молодая блондинка, которая очень старательно читала вечерние новости и при этом много жестикулировала. Но в какой-то момент был явно слышен звук, который нельзя было однозначно квалифицировать как новость. Дикторша на секунду остановилась. Она сосредоточенно и вопросительно посмотрела в камеру, будто хотела узнать у зрителей, не слышали ли они чего и не унюхали ли. Затем она побледнела и упала.

— Нет для людей ничего милее, чем потешаться над несчастьями других. Не прекрасное и вечное их впечатляет, а неловкое положение, в которое на людях попадают другие! — продолжал кипятиться сын.

— Откуда тебе знать, что люди над этим смеются? — встал я на защиту одиннадцати миллионов. — Быть может, они сочувствуют дикторше, воспитывают в себе смирение; может, в этом кратком эпизоде они видят себя, проекцию собственной жизни. Разве не может подобная неудача подстергать любого на жизненном пути? Человек долго готовился и наконец собрался сообщить миру пару новостей, он видит, как на него устремлены глаза всего мира, набирает воздух в легкие... а дальше следует не ахти что... и уже не

важно что именно. От волнения человек падает в обморок, и на арену выходит следующий чемпион.

Пока Меркель смеется

Раз в четыре года, где-то между летом и осенью, в Берлин приходит так называемый сезон Меркель. Каштаны одеваются в убор из зеленых, желтых и красных предвыборных плакатов с обещаниями лучшей жизни и портретами политиков; политики с каждым разом все менее симпатичные и все более безрадостные, и только Меркель улыбается. Предвыборные словеса сплошь загадка, они просто непонятны. Единственное, что из них можно четко уразуметь, — это то, что политики держат своих сограждан за дураков и лентяев. Хотя, возможно, они в этом и не ошибаются.

Оппозиция выступает за улучшения в стране, а правящие партии считают, что все должно оставаться как есть. Их избиратели, в основном пенсионеры, напротив, знают: раньше все было лучше, в будущем все будет только хуже и ничто не останется таким как есть. Как вообще можно что-то изменить? Люди меняются ежедневно. Нельзя войти дважды в одну и ту же реку, потому что это уже будет другая вода, и человек, что собрался купаться, тоже другой. И человек думает, что, пока он купается, совсем уж плохо не станет, раз Меркель еще улыбается.

Где-то в середине пятого времени года, во вторник было дело, Ангела Меркель намеревалась посетить школу, в которой учатся мои дети — языковую гимназию с углубленным изучением латыни, — чтобы от первого лица рассказать двенадцатиклассникам об ужасах жизни в ГДР. Я спросил детей, будет ли Меркель говорить на латыни? Она будет говорить по-немецки, ответили дети. Меркель уже побывала в школе в Лихтенберге, где учится дочка нашей подруги Ольги.

Ольге пришлось подписать согласие на фотографирование дочери рядом с канцлером Германии и на размножение этих снимков. В Лихтенберге канцлер тоже рассказывала об ужасах ГДР, все на немецком. Вьетнамские ребята, составляющие в той школе большинство, слушали с большим интересом, как-никак эта ужасная ГДР много лет назад дала их родителям работу, жилье и образование.

Меня несколько удивляло, что в рамках предвыборной кампании Меркель решила посетить именно берлинские школы. Возможно, она считала, что конкретно эти выборы у нее уже в кармане, я запросто обыграю своих конкурентов, думала она. Выступлю-ка я лучше перед молодыми людьми, которые придут на выборы через четыре года. Пусть они уже сейчас узнают — и расскажут своим родителям, — какая я милая тетя.

В школе царило сильное волнение, персонал и учащиеся тщательно готовились к визиту. Дети были взбудоражены не столько предстоящей встречей с госпожой Меркель, сколько стараниями школьной дирекции сделать из школы потемкинскую деревню. Дома мои дети в один голос негодовали: директриса обставила новой мебелью только один класс, а именно тот, где Меркель будет выступать, и только на одной стене стерла старые граффити — на той стене, вдоль которой Меркель пройдет. Но правду не скроешь, ибо на всем первом этаже воняет из-за сломанной канализации.

— Мы пригласим Меркель в столовую и угостим нашей жратвой — на этом ее предвыборный день считай пропал. Директриса совсем спятила: вся школа должна построиться во дворе по алфавиту, для Меркель будет играть школьный оркестр, хотя у нас самый плохой школьный оркестр в мире. Все оркестранты, кроме басиста, остались на второй год в десятом

классе. Наш завхоз, господин Меркель (уж не брат ли), отполировал свою лысину и наполовину укоротил бороду, чтобы понравиться канцлерше... Вот здесь ты должен подписать, это согласие на то, чтобы мы разговаривали и фотографировались с Меркель.

Я завидую этому поколению, хотя бы из-за их наивной веры, что мир должен быть лучше и вкуснее, в том числе их столовская стряпня. Я также завидую их храбрости и готовности открыто говорить о том, что им не по душе и не вкусно. В моем детском саду детей заставляли вступать в «общество чистых тарелок». Еда там была ужасной, и тем не менее в тарелках не должно было ничего оставаться. Позднее в школьной столовке кормили тоже чудовищно, а еще менее вкусно было в армии. В принципе, столовская еда мне никогда не нравилась. Но я гнал эти мысли. И у жены моей тот же опыт. Мы и доселе боимся рассердить повара, даже если идем в дорогой ресторан. А если ни в какую несъедобно, то мы еду каким-нибудь образом прячем, главное, чтобы на тарелке ничего не осталось. Однажды, когда мне подали абсолютно несъедобную рыбу, я набил ею рот и пошел в уборную, чтобы выплюнуть, но по дороге она протекла. Какой-то любезный официант поинтересовался, все ли в порядке, но я смог только вытаращить глаза и выдавить из себя звук, ну чисто филин. В другой раз моя жена не смогла осилить рыбное блюдо. Это был шикарный ресторан с хорошей репутацией, еду подавали под крышкой. Жена дождалась, пока исчезнут официанты, поймала рыбку в салфетку, свернула мешочком, пошла в туалет и там выпустила рыбку. Затем она водворила крышку на тарелку, и мы продолжили беседу о влиянии искусства на политику. Официанты подошли с вопросом, все ли нам понравилось, подняли крышку — а под ней ничего, даже костей. Рыба исчезла полностью, включая голову и хвост.

— Нам невероятно понравилось, вы же видите, — соврала жена и сделала невинные глаза.

— Меркель непременно должна попробовать в нашей столовой рыбные палочки, тогда она другими глазами посмотрит на систему образования в Германии! — Мои дети возлагали большие надежды на визит госпожи канцлера. Я подписал родительское согласие, но велел детям не подходить к Меркель слишком близко. От власть имущих лучше в принципе держаться подальше, так, на мой взгляд, полезней для здоровья.

В Советском Союзе юные пионеры должны были залезать на мавзолей, чтобы дарить правителям красные гвоздики. Знавал я одного мальчика, он был нашим соседом, ему довелось однажды, вооружившись гвоздиками, взойти на мавзолей. Он пел в хоре мальчиков, из которого каждый год к большим социалистическим праздникам юных пионеров командировали для хождения на мавзолей. Мой сосед должен был преподнести букет цветов лично генеральному секретарю. Он осторожно поднялся по лестнице, всеми силами стараясь не оступиться, не упасть и не пройти мимо генерального секретаря. Наверху на балконе стояли тринадцать старцев, все в одинаковых серых костюмах и шляпах, и только один из них был самым важным, и именно ему надо было вручить цветы.

Мой друг потел от страха перепутать этого самого Брежнева с другим серым старцем. Его опытные соратники по хору подсказывали, что генеральный секретарь это тот, кто сильнее всех воняет. Брежнев заметил нерешительность пионера и сделал шаг ему навстречу. Он буквально вырвал цветы из рук мальчика и поцеловал его в щеку. Он был очень стар и находился в целовальном периоде, он целовал всех, кто оказывался поблизости. От этого поцелуя моему другу

стало плохо, и он долго болел. Позднее мальчик из хора спился и попусту растратил свою жизнь. Однако я не намереваюсь теперь навесить за это ответственность на генерального секретаря. Мы не должны ставить наши жизненные пути в зависимость от канцлеров и секретарей.

— Не подходите к Меркель слишком близко, — все же предупредил я своих детей. — Для наведения порядка в школе она вам не нужна. И не забудьте мне потом подробно рассказать, как это было! Я хочу непременно об этом написать! — крикнул я им в спину, но дети уже ушли, и никто меня не услышал.

Родословная

Чем взрослее становятся мои дети, тем больше в них интереса к миру и к собственному происхождению. Кто я есть? Где мои корни? Кем были наши предки? Я не готов к подобным вопросам. Мои познания о наших родственных связях невелики, они зиждятся на двух старых потрепанных фотографиях с отцовской стороны и двух старых потрепанных фотографиях с материнской. В каждом комплекте по одному фото с изображением всего семейства и по одному портрету дедушек. Я лишь самую малость знаю о том, что стоит за этими фотографиями.

Одного из дедушек послали из Одессы на Западную Украину для руководства обувной фабрикой в Черновцах, после того как в 1939 году Галицию отделили от Польши и присоединили к нашей родине Советскому Союзу — с согласия народа, разумеется. Мой дедушка был призван перевести уже существующее, хорошо налаженное, но до тех пор еще капиталистическое обувное производство на социалистические рельсы. Нет ничего проще, видимо, думал он поначалу, но эта работа, помимо трудностей, принесла ему и комплексы неполноценности, ведь его сотрудники были лучше одеты, лучше питались и были лучше образованы, чем он. Они владели иностранными языками, и даже обувь, которую они носили, была лучше, что не способствовало авторитету моего дедушки. До того как стать советской, фабрика работала на началах самоуправления, подлаживаясь к рынку и балансируя между спросом и предложением. Однако социалистический директор, то бишь мой дедушка, заботился не о спросе и предложении. Ежемесячно он получал с самого верха четкие указания

в форме хозяйственного плана, в котором ясно и четко было прописано, сколько пар детской, женской и мужской обуви и каких размеров следует произвести в Черновцах.

На хозяйственных планах всегда стояла красным цветом подпись «И. Сталин», по крайней мере так утверждал дедушка. Вероятно, «И. Сталину» и в самом деле до всего было дело. Тот факт, что правитель страны разбирается и в вопросах детской обуви, удивляло даже моего деда. Он много над этим раздумывал, и иногда ему казалось, что его фабрика — это основа сталинского плана, краеугольный камень всей советской плановой экономики. Ведь всякий раз, когда фабрика производила недостаточное количество пар обуви, то владельцев лишних ног ссылали из Черновцов в неизвестном направлении. Если же они делали больше обуви, то происходило переселение на Украину из других советских республик. То есть, возможно, численность населения корректировалась в соответствии с планами обувной фабрики.

От дедушки с материнской стороны осталась только одна фотография и письма, которые он писал бабушке с фронта. В этих письмах тоже много о «И. Сталине» и о будущей победе коммунизма во всем мире. Дед погиб в 1943-м. На фотографии он очень красив — длинные зачесанные назад волосы, огонь в глазах. Это фото мне особенно нравится.

— Смотри, Николь, это твой прадедушка, — знакомил я дочку с семейной историей. — Он был героем и погиб в мировой войне.

— В какой войне — во второй или в первой? — спросила дочь как бы между прочим.

Я только покачал головой. Для этих жителей XXI века вся история прошлых столетий, все бывшие страдания и гибель миллионов, все побоища и расправы — все смешалось в одну кучу. Первая мировая, Вторая

мировая, Битва народов под Лейпцигом — какая разница?

— Твой прадедушка, Николь, — сказал я поучительным тоном, — защищал свою родину Россию до последнего вздоха. В борьбе против Наполеона он собственноручно натянул ему на лицо треуголку, Наполеон затем умер от последствий этого поступка. За это дедушка получил золотую медаль от Сталина, которую я храню в ящике моего стола.

— Да ты как всегда прикалываешься, па, — сказала дочь. — Наполеон был намного старше.

Николь права, Наполеон был старше. Наши семейные фотографии не дают заглянуть так далеко в прошлое. Самым старшим членом семьи, с которым я лично смог познакомиться — случилось это как-то летом в Одессе, — была фрау Шварцман, моя прабабушка. Маленькая как десятилетнее дитя, она была слепа и имела за плечами 96 лет жизни. Она потрогала меня за нос, ощупала уши и голову, проверила, все ли круглое и в порядке, и спросила, есть ли у меня уже подружка. Мне только исполнилось тринадцать, и у меня еще не было подружки. В то время женщины меня еще не интересовали, намного больше меня интересовали тогда вопросы истинного смысла жизни. Не могло же быть случайностью, что так много разных людей появились на свет в одном и том же месте одновременно и не знали, что делать друг с другом и с самими собой. Мне казалось, что человек, проживший почти сто лет, должен больше об этом знать. Полный надежд, я хотел услышать от прабабки истину в последней инстанции. Она немного подумала, а потом сказала, что в общем-то я могу делать что хочу, только никогда в жизни не должен есть грибы и говорить о деньгах с людьми в галстуках.

Эти премудрости показались мне тогда абсолютно бессмысленными. Я еле сдержался, чтобы не

захихикать. Сегодня, спустя тысячу лет, имея за плечами тонны съеденных грибов и годы бесполезных разговоров с носителями галстуков, я иногда думаю, что, возможно, моя прабабка все же была права. Но уже поздно что-либо менять.

С течением жизни я привык к своему компактному родственному кругу. Две фотографии висят в моем кабинете, две стоят на книжной полке. Вот и вся галерея фамильных портретов. Такой она была, пока на меня не вышел специалист по генеалогии из Израиля.

«Вы не знаете меня, но я вас знаю» — так начинался его мейл. Михаилу 36 лет, он из Омска и ребенком приехал в Израиль, изучал там информатику и успешно работает в сфере ИТ. Но его истинное пристрастие это генеалогия. Он начал работать над своим генеалогическим деревом, когда ему было еще двенадцать. Он добился доступа к архивам многих стран, международных организаций и к метрическим книгам в синагогах. «Искать родственников столь же увлекательно, как искать грибы, — писал он. — Чтобы кого-то найти, мне приходилось иногда объездить полмира, а некоторых можно найти прямо у собственного порога».

Вскоре Михаил обнаружил тысячи родственников по всему свету — он нашел их в Америке, Сибири, в Канаде, в Европе и даже на Шри-Ланке. С некоторыми он подружился, иные ничего не хотели знать о новом родственнике. Он ездил в Канаду и в Россию, встречался с какими-то тетями в Нью-Йорке и всюду узнавал новые подробности о своем клане. В принципе его родословное дерево уже походило скорее не на дерево, а на целый сад, в котором бок о бок уживались все самые разные цветы, включая розы и кактусы. Он хотел мне рассказать об одном из закутков своего сада — линии Бялик-Каминер.

Сестра прапрабабушки Михаила приходилась кузиной моей прабабушке, фрау Шварцман. Михаил оказался потомком поэта Хаима Нахмана Бялика, который покинул Россию с личного разрешения Ленина в 1922 году, а позднее стал самым значимым поэтом в Израиле. Он был для этой маленькой страны, как Гёте для Германии или Пушкин для России, мерилom высокой духовности, определявшим уровень этой духовности, подобно тому, как «пояс держит штаны». В каждом израильском городе есть памятник, музей и улица, носящие его имя; его портрет красуется на израильских банкнотах. У Бялика были тысячи родственников, которые, однако, его едва знали. А мы все-таки находились с ним в довольно близком родстве. Мать моей прабабушки, которую звали вовсе не Клара, а Эстер Хайа, носила фамилию Бялик. И выходит, что дедушка великого израильского поэта Хаима Бялика был братом Шимона, дедушки моей прабабушки Клары Эстер Хайа Шварцман.

Вдруг оказалось, что я не одинок в мире. Михаил слал все новые и новые фото, и в мою почту потоком хлынули новые родственники. Эти люди из тех давних времен, когда только-только была изобретена фотография, еще умели ценить это новое искусство. Для съемки они празднично одевались, аккуратно причесывались и сажали детей себе на колени. Мужчины были при очках, тростях и с бородами, женщины предпочитали увековечивать себя в шляпах. Некоторые из них действительно были похожи на моих родителей, другие же больше походили на индусов или африканцев. Были также портреты, на которых просматривалось что-то испанское — эти большие черные женские глаза и гордая осанка мужчин, будто они только что закололи быка. Теперь все они наблюдали из прошлого за мной: мы ведь семья, или ты нас не узнаешь? Разве ты не скучал по нас?

Офигеть, сказали мои дети, с которыми мы вместе рассматривали фотографии. Я только и слышал — офигеть, охренеть, прикольно, класс, круто...

— Ну так откуда же мы исходим изначально? — Моя дочь заблудилась в генеалогических дебрях. Я задумался. Михайловы сады раскинулись широко, но глубоко в прошлое не уходили. Конкретно наш кусочек сада упирался в 1703 год. Тогда наши предки предположительно приехали в Россию, откуда — неизвестно. Царствовал в то время Петр Великий. В русской истории это единственный царь, известный своим дружелюбием к иностранцам.

— В те далекие времена, когда фотографию еще не изобрели и люди вели дикую жизнь, наши праотцы пришли из Африки и Индии в Испанию, — додумал я семейную историю.

— Пешком? — спросил сын.

— Конечно нет, у них же были слоны, — пояснил я. — Так что в Испанию они приехали на слонах, слонов там продали, а дальше перемещались на ослах, а когда испанский король намерился изгнать их из страны, они разъехались верхом на ослах повсюду — в Австрию, Германию, Польшу. Одни позднее переселились в Америку, другие добрались до России.

Многие наши родственники до сих пор в пути. Так что если вы встретите кого-то верхом на осле, то не исключено, что это может быть ваш брат или сестра.

— Офигеть, — только и сказал сын.

— Тоже мне фантазер, — сказала дочь, и она снова была права.

Венгерская рапсодия

Приближались очередные долгие каникулы, и мы, в заботах о воспитании, составили прекрасную программу. Мы планировали вместе с детьми поехать в Бранденбург; там на даче можно ставить гриль, играть в настольный теннис и ходить по грибы. Грибной сезон был как раз в разгаре, солнце перемежалось с дождем, и в бранденбургских лесах пошли белые, маслята и подберезовики.

Многие наши друзья каждый свободный день проводили в лесу и, счастливые, уносили домой полные корзинки. Впрочем, это были только наши русские друзья. Немцы грибов в каком-то смысле боятся, они в них не разбираются и не могут отличить хорошие от плохих. Хотя разница между хорошим и плохим грибом гораздо очевиднее, чем когда речь идет о людях: у ядовитых тонкие ножки и несоразмерно большие шляпки. У хороших грибов толстые ножки, они выглядят крепкими и здоровыми. Если все же есть неуверенность, то подозрительный гриб можно лизнуть. Это верный метод. Плохие грибы на вкус горькие, а хорошие сладковатые. Но местные убеждены, что, лизнув не тот гриб, они непременно откинут ноги.

Собственно говоря, именно русские в большой степени виноваты в страхе немцев перед грибами.

После Чернобыля во всех школах рассказывали о последствиях катастрофы и о том, будто вся русская армия была мобилизована с целью сдуть радиоактивное облако в сторону Германии, и с тех пор местные больше не осмеливаются собирать грибы: в подсознании они все еще ассоциируются с радиоактивностью. Русские же всегда были страстными любителями грибов — до, во время и после Чернобыля. Я вырос на московской

окраине, в километре от нашего дома начинался лес, там уже с сентября были грибы. Но я их в то время не собирал, у меня не получалось. Они казались мне слишком маленькими, и мне хотелось, чтоб они подросли. Я маскировал найденные грибы листвой и травой, помечал места и выжидал. Но найденные грибы больше не росли. Они постепенно портились, оставаясь такими же маленькими. Один сосед, большой знаток лесов, рассказывал, что грибы могут жить только украдкой. Стоит человеку их обнаружить или хотя бы приметить, как они перестают расти. А иногда и люди перестают расти, если они видели слишком много грибов. Магические свойства этих растений меня впечатлили, но из предосторожности в лес я больше не ходил. Ну а теперь, когда мне больше расти не надо, я хотел вместе со своими детьми снова собирать грибы. Однако мой сын предпочитал отправить нас женой вдвоем, а самому остаться дома без родителей. Но зачем же ему это нужно? Все друзья разъехались на каникулы. Друг по имени Тунг, правда, не уехал, но он не может противиться строгим воспитательным методам своих вьетнамских родителей. На время каникул Тунга посадили под домашний арест; по мнению отца, он должен был не разбазаривать драгоценное время, а учить французский и латынь, чтобы после каникул блистать в школе обретенными знаниями. «Чтобы душа не разленилась от избытка свободного времени», — говорил его отец.

Немецкого друга Себастьяна, Борвина, отправили на каникулы к бабушке в Шверин. Борвин, большой оптимист, считал, что это неплохо. Там у него наконец будет много времени дописать роман. Бабушка безвредная, она будет все время смотреть телевизор и не станет докучать вопросами, кем он хочет стать.

Во время каникул мой сын охотнее всего пошел бы работать. Он искал временную хорошо оплачиваемую

работу.

— У тебя нет для меня работы, папа? Может, тебе надо записать новые диски с русской дискотечной музыкой? Твои все поцарапанные и то и дело заедают.

Я и в самом деле годами не обновлял свою папку с музыкальными дисками. Мы устраивали дискотеки еще с прошлого столетия, и вообще-то я уже не мог слышать эту музыку. Звук на дисках скакал, но и люди, приходившие танцевать, тоже скакали, и потому дефекты не были особо заметны.

Матери Себастьян предложил основательно убраться в своей комнате, все вычистить и пропылесосить — разумеется, за небольшой гонорар.

— Я убираю твою комнату безвозмездно, так почему я должна платить тебе за чистоту в твоей же собственной комнате? — отмахнулась мама.

У нас не было работы для Себастьяна. А там, за пределами семьи, на рынке труда, и в помине не было вакансий для юноши четырнадцати с половиной лет. Детский труд в Германии — это табу. Что за трагический возраст! Человек уже почти взрослый, а его держат за маленького; он хочет все, а ничего не дозволено. Никто из друзей Себастьяна не знает, что хочет делать после школы. И я тоже не знаю, где эти люди XXI столетия когда-нибудь будут работать. В Интернете, что ли?

— У меня есть для тебя работа, — сказал я Себастьяну. — Езжай с нами собирать грибы. Десять евро за корзинку. Или играй с бабушкой в шахматы. За каждую выигранную партию или хотя бы за ничью будешь получать от меня по десять евро.

Себастьян со смехом отказался. Грибы он слишком уважает, чтобы их собирать. А играть в шахматы с бабушкой это не сахар. Бабушка играет медленно, она предпочитает оборонительную тактику и ждет, пока противник сделает ошибку. В 1957 году она заняла

четвертое место на московской юношеской олимпиаде по шахматам. Выиграть у нее в общем-то можно, но это требует большого напряжения.

— Это все не работа, а скорее наказание, — сказал сын и остался на время каникул безработным.

У дочери были на каникулы грандиозные планы: она собиралась с двумя лучшими подругами в Будапешт, в свое первое путешествие без родителей. В Будапеште их ждала еще одна подруга, которая поехала туда с отцом, и жили они в пятизвездном отеле с джакузи. Такого барства моя дочь не хотела. Девушки тщательно спланировали путешествие и еще из Берлина нашли молодежный хостел под кичливым названием «Карл IV»; комнаты там, однако, были паршивые. Позднее выяснилось, что к тому же в хостеле был сломан душ, а булочки к завтраку заканчивались к девяти утра.

По непроверенным данным, Карл IV был последним венгерским королем или, кажется, он сначала отказался от трона, а затем безуспешно пытался вернуть себе королевское звание. Он нигде не мог закрепиться и всю жизнь был в пути. И вот теперь в честь него назвали молодежный хостел. Справедливости ради здесь следует упомянуть, что венгерская политика вообще тем и отличается, что венграм трудно определиться. Во время Второй мировой они несколько раз переходили с одной стороны на другую; позднее долго не могли решить, хотят ли они в Европейское сообщество, и по сей день они ведут споры, является ли демократия правильным решением. Вероятно, король Карл ночевал в этом историческом молодежном приюте. Ему не мешал ни сломанный душ, ни отсутствие булочек к завтраку. На его примере можно видеть, что не все европейские короли вели распутный образ жизни, некоторые жили как студенты.

Будапешт девушкам понравился, и прежде всего своим сходством с Берлином. Много туристов, на

каждой улице «макдоналдсы», киоски с шаурмой и «старбаксы». Но, в отличие от Берлина, в венгерских «макдоналдсах» сидели преимущественно бабушки. Вероятно, у будапештских пенсионеров денег еще меньше, чем у молодежи. Небо было ясное, и было на пять градусов теплее, чем в Берлине. Девушки курсировали на речном трамвае между Будой и Пештом, наслаждались свободой, ели вегетарианскую лапшу в самой худшей в мире, по словам дочери, китайской забегаловке; ходили по магазинам и быстро обанкротились, хотя ничего себе не позволяли. На последние деньги они купили у одной милой торговки на рынке бутылочное пиво, нектарины и паприку. Паприку они решили привезти в Германию на сувениры, нектаринами они угостили бездомных возле королевского хостела, а пиво оставили себе.

Чужой мир увлекал девушек непонятным языком. Солнце, безоблачное небо — не то что дома. Магазины открыты круглосуточно, всего и везде вдоволь, только сигареты продаются в Будапеште не как у нас в Германии, а в специально обустроенных маленьких магазинах без окон, похожих на мафиозные притоны.

Часто можно было наблюдать, как в эти табачные притоны заходили усатые мужчины в кожаных пиджаках, но обратно они не выходили. Возможно, борьба с курением вошла в Венгрии в заключительную фазу.

Девушки решили вести здоровый образ жизни и вместо табачных магазинов предпочитали ходить на Дунай, где они лежали на прибрежной траве, наблюдали, как мимо проплывают лодки с туристами, пили пиво и говорили о будущем. Каждая из них обладала каким-либо большим талантом, но они пока не могли определить, каким именно, и потому пребывали в неуверенности, проявятся ли их дарования в нужное время.

— Ну а ты будешь писать рассказы, как твой папа? — спросила Антония у Николь.

— Думаю, да, — ответила Николь. Но, в отличие от папы, она хотела писать только придуманные истории — о несбыточности любви, о жизненных страданиях, о дружбе и смерти.

— Звучит хорошо, — сказала Антония. — Ты можешь уже начинать.

— Итак, — начала Николь свой рассказ, — это случилось однажды в Венгрии. Вследствие ядерной катастрофы Будапешт уничтожен, как и вся страна... а может, и весь мир. Во всяком случае, выжившие не знали, существует ли еще мир. А выживших в катаклизме было всего двое, мужчина и женщина. Катастрофа застала мужчину на стороне Пешта, он как раз пошел за сигаретами в одну из этих мафиозных лавок. А женщина работала в Буде, торговала паприкой на рынке, и пошла в туалет в подвале, когда случился взрыв. Лишь чудо спасло их обоих.

Наверху, на улице, их встретил вымерший мир. Погруженная в раздумья, женщина шла по берегу Дуная в Буде и вдруг увидела на другом берегу мужчину. Они не могли слышать друг друга, не могли ничего рассказать или спросить, но они хорошо видели друг друга. Они виделись каждое утро, но не знали, как встретиться, потому что все мосты были разрушены, течение в Дунае сильное, а мужчина, насколько она поняла, не умел плавать. Они оживленно жестикулировали по-венгерски. Они совсем не были знакомы, но со временем между ними возникло чувство. Вскоре они не могли жить, не видя друг друга.

Однажды, когда мужчина в обычное время не пришел на берег, женщина решила переплыть к нему. Она не боялась ни течения, ни того, что вода может быть заражена, ведь она была мастером спорта по плаванию, прежде чем стала торговать паприкой на

рынке. И вот доплыла она уже до середины реки, как ее охватили сомнения: а что, если мужчина вовсе не так пригож, вдруг он вообще кретин? Они ведь друг друга не знали, только виделись на расстоянии. Вдруг она ему не понравится или он ей? Измученная сомнениями, женщина не смогла проплыть последние двадцать метров и утонула — прямо на глазах мужчины, который лишь ходил за сигаретами, а на обратном пути прихватил из цветочного магазина для нее букет, потому что жизнь без этой женщины потеряла для него смысл. Он бросил букет в воду, затем прыгнул сам и камнем пошел ко дну. Потому что в отличие от подруги, с которой он так толком и не познакомился, мужчина вообще не умел держаться на воде.

Река поглотила обоих, и только букет цветов кружил по Дунаю, следуя за течением. Он прибивался к берегу то в Буде, то в Пеште, но ни там ни там не было никого, кто мог бы вынуть букет из воды и преподнести кому-то в дар...

— Какая печальная история, — вздохнула Антония.

— Запиши ее скорее, но отцу не рассказывай, не то он опять состряпает из нее какой-нибудь рассказ про переходный возраст, — сказала Йоганна.

Уроки французского

Школьные каникулы подходили к концу, как всегда неожиданно. Мы вместе с детьми готовились к новому учебному году. Хотя — что значит вместе? В последний раз я помогал своему сыну с заданиями по математике в начальной школе, позднее пошли такие сложные задачи, что я пасую. То же с химией и физикой, не говоря уже о латыни и, что еще хуже, о французском. Но я стараюсь по мере сил помогать своим отпрыскам. Вот, к примеру, ходил с Себастьяном в салон связи: за лето количество его друзей выросло на целый гигабайт, и нужен был новый тариф, чтобы справляться с этим объемом. Вот так капитализм все обращает в товар. Сначала в социальной сети завязывается дружба, затем эту сеть рекламируют как поле абсолютной свободы, а на третьем этапе с этого поля приходит жирный счет. Безграничность общения и крепость дружбы измеряются гигабайтами и оборачиваются солидными трехзначными цифрами в телефонном счете.

Сотрудники салона связи нас уже знают, у них в основном клиенты вроде нас — те, кто приходит с детьми и просит совета, как уместить в тариф излишек друзей. Но в последний день перед школой я не хотел читать сыну нотации о смысле дружбы. Я просто купил полгигабайта для его мобильного, а он в ответ пригласил меня на фалафель^[8]. На нашей улице есть любимая фалафельная лавка, заменяющая школьникам столовку. Мальчики и девочки из школы Себастьяна любят сидеть там после уроков, иногда к ним присоединяются родители и учителя. Где еще можно найти приемлемую еду за три евро? К тому же лавка отвечает требованиям времени: большая часть блюд

вегетарианские, их здесь качественно готовят и вполне экологично потребляют.

Мой сын питается консервативно: если он что-то единожды попробовал и ему понравилось, он будет это заказывать всегда, согласно старой русской пословице, что лучшее враг хорошего. Вот и на этот раз он заказал хлеб с сыром халуми, и я последовал его примеру. Человек за стойкой казался на грани нервного срыва — была середина Рамадана. Он не сказал ни «добрый день», ни «привет», а поприветствовал нас только взглядом, в котором смешались отвращение и сочувствие, будто мы сами есть фалафели со свининой. Мы отнеслись к нему с пониманием. До захода солнца еще минимум три часа, он не смеет ничего ни есть ни пить, а должен постоянно готовить для иноверцев еду и наливать им чай. Наши бутерброды он готовил не глядя, положил их на поднос и исчез в темной подсобке. А снаружи перед лавкой между тем кипела жизнь; мимо нас то и дело проходили или, соответственно, проезжали детские коляски, собаки, велосипедисты и строительные рабочие.

— Вон моя учительница французского, — сказал Себастьян. Он указал на симпатичную женщину, которая как раз проехала на велосипеде мимо нашего столика, оставив за собой в воздухе шлейф парфюма.

Вспомнив про французский, Себастьян посерьезнел. Ведь это тот предмет, по которому он сильнее всего хромает.

— Знаешь, почему у меня так плохо с французским? — спросил он, в раздумьях разглядывая фалафель. — Здесь есть две причины. Во-первых, это ужасно сложный язык, в нем множество противных правил, и ничего не пишется так, как произносится. А во-вторых, на французском я должен страшно напрягаться, чтобы не выглядеть геем. Во французском много жестикулируют, ты наверняка видел во

французских фильмах. Если это делает Луи де Фюнес, это нормально. Но если это делаю я, то это выглядит ужасно по-гейски, и учительница французского думает, будто я смеюсь над ее любимым языком.

— Но другие-то в твоём классе как-то справляются с французским? — удивился я.

— Нет, — сказал Себастьян. — Все мальчики, у которых голос уже сломался или ломается сейчас, имеют большие проблемы с этим языком. Чем более зрелый мальчик, тем сложнее ему с французским. Когда я говорю по-французски, это на слух страшно гомосексуально. Я выгляжу взрослее всех в классе, поэтому учительница меня преследует. Она всегда возникает якобы случайно там, где я как раз нахожусь. Я даже фалафель не могу спокойно съесть. Вчера я ее встретил в парке. Я был не один, я сидел с девочкой на скамейке. И тут неожиданно из кустов на нас вырывается учительница французского и кричит: «Ах вот ты где, Себастьян! Сидишь здесь в парке на скамейке, вместо того чтобы дома учить французский!» Мы тут как раз занимаемся французским, говорю я ей, но учительница только рассмеялась, покачала головой и поехала дальше. Я думаю, она меня ненавидит.

— Ты преувеличиваешь, она не ненавидит тебя, наоборот. Похоже, ты ей особенно нравишься, и она хочет разговаривать с тобой по-французски, — встал я на защиту француженки.

Конечно, это было слабое утешение, но я больше ничем не мог ему помочь. В нашей семье никто не знает этого языка. Моя мать его боготворит, но исключительно из-за звучания. Она иногда включает какие-то французские телепрограммы, хотя не понимает ни слова. Возможно, под звуки французского она лучше засыпает. Кроме того, она убеждена, что интуитивно понимает французскую душу.

— Только французы могут так заразительно и жизнерадостно смеяться, — полагает она. Хотя знакома с ними только в экранном варианте.

— Ты смотришь коммерческий канал, мама, здесь они обязаны жизнерадостно смеяться, иначе ничего не продадут, — сделал я еще одну попытку разъяснить матери истинные мотивы бодрого французского смеха.

— Ты не веришь, что люди могут искренне радоваться, всюду тебе мерещится обман, — возразила мать. — Даже если эти люди что-то продают, это еще не значит, что они только имитируют хорошее настроение.

— Конечно, нет, — поддакнул я. Я не хочу дискутировать с матерью о телевидении. С тех пор как она подписалась на новый пакет кабельных телепрограмм, ее голова превратилась в зону перманентного потопа. В ее квартире живет целый мир, причем живет на полную громкость, потому что мама плохо слышит. Соседи, наверное, думают, что у нее постоянно гости. Если судить по шумам, там дым стоит коромыслом. Гогочущие французы, хоры арабских мальчиков, японская лотерея и бесконечный русский сериал «Тайны института благородных девиц», который крутят уже столько лет, что никто не в состоянии отследить его содержание.

Моя мать целыми днями сидит на диване, переключает каналы и практически каждую неделю находит что-нибудь новенькое, вызывающее ее восторг. Я однажды путешествовал по телеканалам вместе с матерью и премного удивлялся, насколько разнообразным стало предложение. Есть телевидение для малышей, есть для людей, которые хотят научиться рисовать или собирают марки. Самые порядочные, честные каналы — это каналы для собак и кошек. На первом из них бесконечным циклом летают туда-сюда брошенные шары и палки, а на другом по экрану бегают мыши и по небу пролетают воробышки.

Школьные поездки

В начале девяностых годов прошлого века в нашем районе была заложена основа местного беби-бума. В то время перестали существовать некоторые государства, как, например, моя родина Советский Союз и ГДР, вместе с их идеологиями, пограничными контролями и стенами, и граждане обеих стран, получив краткосрочное освобождение от гнета государственной власти, удирали от нее как могли. Брешью воспользовались прежде всего молодые люди: креативная молодежь Востока мечтала о свободе от надзора восточногерманских идеологов и педагогов, а молодежь с Запада — о том, чтобы наконец сбежать из мещанских городков с их вечными «киндер-кюхенкирхе»^[9]. Обретя свободу, «оссис» и «вессис»^[10] встречались в берлинском районе Пренцлауэр Берг, и там рождались гражданские браки. Молодые стремились к осуществлению своих альтернативных жизненных планов и производили на свет большое количество новых свободных граждан.

Результатом этого исторического воссоединения стало, в частности, то, что в школе моей дочери теперь шесть десятых классов и пять восьмых. Так что в традиционные школьные поездки под конец учебного года собирается целая армия дерзких, самоуверенных и вечно голодных детей. В преддверии поездок они уже получили от своих учителей памятки с призывами к дисциплине. Хоть одна сигарета или хоть глоток алкоголя, не говоря уже о наркотиках, — и за вами тут же придут родители, говорилось там. Школьники над этим лишь посмеивались. Им предстояло ехать в романтические дали — Амстердам, Польша, Северное море, — и такие предупреждения звучали сомнительно.

Какой папа поедет за ребенком в Польшу? или в Амстердам?

На долю класса, где учился мой сын, выпала, на мой взгляд, не столь эффектная цель путешествия: немецкий город Трир. Я там бывал неоднократно и теперь старался заранее настроить Себастьяна соответствующим образом:

— Это скучный маленький городок, возможно, самый старый город в Германии, но это не делает его лучше. От римлян там осталось несколько старых камней, вероятно, сами римляне окаменели в Трире от скуки. Еще там есть собор и музей Карла Маркса.

А мамины рассказы звучали с точностью до наоборот. По ее словам, Трир это прекрасный древний город на берегу моря, с портом, пляжем и белым замком на реке. Давным-давно одна принцесса бросилась вниз из окна этого замка, рассказывала Ольга. Я дивился ее историям, но из вежливости не противоречил. Возможно, мы знали Трир с абсолютно разных сторон, думал я, но помалкивал. И только в 8 утра на вокзале, стоя на платформе и махая вслед уходящему поезду, жена сообразила, что она перепутала Трир с Триестом.

— Прошу тебя, срочно позвони сыну и вели ему никому не рассказывать про принцессу, — попросила она. Я набрал номер.

— Себастьян, — сказал я сыну, — пожалуйста, забудь обо всем, что тебе рассказывала мама.

— Как это — совсем обо всем? — испугался сын. За четырнадцать лет жизни он много чего слышал от мамы.

— Нет-нет, не совсем, только про Трир. Она города перепутала. Карл Маркс там был, а принцесса — нет.

— Да все равно, — сказал Себастьян, — мы так и так не доберемся до Трира. Из-за наводнений.

И в самом деле, прогноз Себастьяна оказался довольно близок к действительности, поезд дважды направляли в объезд. Зато дети получили от железной дороги и Дойче банка бесплатные напитки в компенсацию за то, что к цели их везли круглыми путями.

— Кто знает, — голос Себастьяна в телефоне звучал раздумчиво, — что лучше, жить с напитками и без музея Карла Маркса или с музеем, но без них. Путь это и есть цель, — заключил он философски.

Когда дети наконец добрались до Трира, их разместили в доме инвалидов. Они с неохотой оттуда выходили, играли там в настольный теннис друг с другом и с обитателями дома.

А тем временем десятый класс, где училась моя дочь, продолжал усердно ходить в школу. Это был единственный класс, который остался в Берлине, потому что никто из наставников не был готов взять на себя риск его сопровождать. Поэтому десятиклассники всю последнюю неделю учебного года провели на познавательных семинарах и курсах. Недолго думая, Николь записалась на курс русского языка.

— Зачем тебе это, если ты свободно говоришь по-русски? — удивлялся я.

— Потому что я хочу хоть раз в жизни быть лучшей, — был ответ.

Николь с самого начала удалось завоевать на курсе большой авторитет, чем был у преподавательницы. Уже на второй день она, закатывая глаза, рассказывала нам дома, какое ужасное произношение у учительницы и какие же тупые в группе мальчики, если они годами учат русский и до сих пор знают только «спасибо», «давай», да еще «раздевайся, дура». Читать по-русски они могут, выучили все буквы и страница за страницей преодолевают русские книги. Но вот только не понимают ничего из прочитанного. Николь с ходу научила класс

паре хороших русских ругательств, рассказала о русских обычаях и нравах и развеяла представления учительницы о том, будто все русские любят водку и будто у любого русского в спальне стоят матрешки. Когда учительница узнала, что у нас дома нет даже самовара и что вместо него мы пользуемся китайским чайником, она была близка к отчаянию. Все ее представления о России оказались на грани краха, докладывала Николь.

Одновременно дочь хотела рассказать одноклассникам о русской кухне. Они пошли в большой русский продуктовый магазин в Берлине и там, следуя советам Николь, закупили всякой снеди, чтобы на следующий день принести в школу русские завтраки. Николь выдавала себя за знатную повариху, а дома поставила к плите бабушку, на всякий случай. Вследствие чего слушатели курса русского языка объелись русским завтраком. На закуску у них были блины, в качестве основного блюда пельмени и пирог — короче все, что русские любят лепить из теста.

В Трире же давали лишь макароны с томатным соусом. На обратном пути поезд, где ехал Себастьян, снова стоял, на этот раз из-за вандалов, испортивших пути. Дойче банк вновь одарил молодое поколение бесплатными напитками.

Уже кончался июнь, когда дети получили табели с отметками за год. У них были хорошие средние баллы — 2,7 и 2,9; у Себастьяна была даже одна единица^[11] — по музыке, хотя мы никогда не слышали, чтобы он пел. Довольные собой, дети бегали из комнаты в комнату, из квартиры в квартиру и собирали с бабушек так называемый табельный оброк. И это правильно, трудную работу надо поощрять. Взрослеть — это очень трудно.

Туда-сюда

Переходный возраст — это постоянное хождение взад и вперед, будто какая-то мистическая сила заставляет подростков метаться туда-сюда. Вечно они то встречаются, то снова расстаются. Все, что находят на улице, они тащат домой: друзей и подружек, представления о прекрасном, о добре и зле. Иногда они приносят домой из школы хорошие оценки. И тогда я всякий раз удивляюсь уму и интуиции этих детей.

Так, мой сын неожиданно для всех и для самого себя принес двойку с плюсом^[12] по истории. Он получил задание растолковать сатирический рисунок 1848 года. На картинке можно было распознать морское чудище, нечто среднее между дельфином и угрем, на груди у него табличка со словом «свобода». В опасной близости от этого чудища, в качающейся на беспокойных морских волнах деревянной лодке, были изображены несколько человек с коронами на головах, и они явно боялись зверя. Сын скрупулезно проанализировал картину и узнал в коронованных особах монархов, а в морском чудище — народный протест против жизни и работы под гнетом монархии. Впрочем, короли в лодке выглядели довольно беспомощными, и уже с первого взгляда было ясно, что против «свободы» у них нет никаких шансов. Вместе с тем на картине угадывалось, как опасна и неуправляема эта «свобода». Парочкой королей она наверняка не насытит. И это тоже мой сын углядел, за что заслужил похвалу от учительницы.

Однако процесс анализа его сильно утомил.

— Я больше не могу, — сказал Себастьян, — этот переходный возраст, этот бесконечный процесс роста меня уже порядком достал. Нет ли какого-нибудь

средства или лекарства, которое позволило бы за секунду вырасти до нужного размера?

— Я не знаю такого лекарства, — ответил я. — Максимум, что могу сделать, это потянуть тебя за уши. В Советском Союзе был такой метод — начиная с четырнадцати лет старшие товарищи то и дело тянули нас за уши, и это сработало, мы быстро выросли. Но не могу на сто процентов гарантировать, что с тобой это тоже получится.

Сын отклонил советский метод быстрого роста.

— Мне нужно идти, — решил он вместо этого.

— Ты же только что сказался уставшим и без задних ног?

— Мне уже лучше, — объяснил он. Вообще его нынешняя жизнь — это сплошная тайна, нет ему покоя, он постоянно колеблется, курсирует, сует то туда, то сюда, то на улицу, то обратно домой.

— Пойду навещу Тунга, его родители ушли, он один-одинешенек дома и не справляется с заданием по математике.

— Привет ему от меня! — сказал я. Тунгу, вьетнамскому другу Себастьяна, приходится туго. У него очень строгие родители, которые хотят сделать из него лучшего ученика.

Спустя полчаса зазвонил телефон:

— Это Тунг. Можно Себастьяна?

— Он пошел к тебе... он что, так и не пришел? — удивился я.

— Да что вы... Ах да, вот я вижу его, — обрадовался Тунг. — Спасибо, что вы мне это сказали. Здесь он, конечно. Привет, Себастьян! — прокричал Тунг и быстро повесил трубку.

Одновременно раздался звонок в дверь, на пороге возник Себастьян и, в глубокой задумчивости, сел в коридоре на пол.

— Думаю, теперь я пойду к Тунгу, — сказал он.

— Ты уже у Тунга, он тебя только что громко приветствовал, я слышал это собственными ушами. Ты не можешь одновременно быть у Тунга и идти к Тунгу, — заметил я с неоспоримой логикой.

— Нет, могу, — возразил сын, — я уже почти был у Тунга, да вспомнил, что забыл для него подарок, его подарок, которого он так ждет. Так что я быстро вернулся, возьму подарок и вот теперь пойду к Тунгу.

— Доброго пути и передай от меня сердечный привет другому Себастьяну, — напутствовал я его.

В течение дня мой сын трижды уходил к Тунгу, но, по всей вероятности, так до него и не добрался. Зато его видели в парке со светловолосой девочкой.

— Как на самом деле зовут Тунга? — деликатно спросил я.

— Тебе не обязательно это знать, — был ответ.

Вкусы нового поколения

Самая большая забота подростков — это их самость. Чем я отличаюсь от моих друзей, от врагов и негодяев со школьного двора и, главное, что меня отличает от родителей? Чем я могу похвастаться?

В прошлом веке мы хвастались в основном своими сверхчеловеческими качествами и способностями. У каждого был уникальный талант. Кто-то мог ездить на велосипеде без рук, даже по лесу. Одна девочка из нашего класса умела невероятно далеко и метко плевать. Она могла попасть в голубя, сидевшего над ее головой на двухметровом дереве. Один мой друг умел классно ругаться. Весь класс замолкал, когда он начинал ругань. Еще один друг хорошо знал химию и мог из любого мусора смастерить бомбу. Еще у нас был один правдоискатель, который всегда и всем говорил правду в лицо, и один «умник», который вечно подвергал сомнению наши способности и всех критиковал. Двух последних скорее терпели, чем признавали. Правдоискатели и «умники» всегда во всем виноваты, именно они своим недоверием и всезнайством сделали мир таким, каков он есть. Разумеется, таких тянет в политику, а там и еще дальше — в правительство. Если бы у власти были идиоты и фантазеры, возможно, мир страдал бы меньше.

Во всяком случае, у нас была увлекательная молодость. Мы не могли дифференцировать себя внешними атрибутами, как то шмотки, еда или коллекции пластинок. Советский Союз был страной магического реализма, производящей в основном идеи и идеологии. С любыми видами материи у этого государства были проблемы. Вместо того чтобы шить

одежду или доить коров, советские граждане либо летали к звездам, либо из любопытства сверлили глубокие скважины в земле. В промежутках они пили, спали или мечтали. Удивительно, как это государство с его огромным населением вообще просуществовало семьдесят лет, а не улетело в полном составе в космос или не оказалось под землей. В молодости мы не могли себе представить другого общества, считалось само собой разумеющимся, что космические исследования важнее содержимого универмагов. Так что все мы носили одинаковые шмотки, пили и ели одинаковое и слушали одну и ту же музыку, если вообще ее слушали.

Для нынешнего подрастающего поколения основой самовыражения стали методы потребительского выбора. И опять-таки одежда здесь играет определяющую роль, важно, где она куплена: есть магазины, в которые молодежь ходит, иные же чуть ли не табу. И здесь чрезвычайно важно, в каком стиле ты одеваешься, скажем, в хипстерском или индохипповском. Затем идут музыкальные пристрастия. В айфон можно в среднем загрузить около 3000 треков, и они должны составлять индивидуальную, сугубо личную коллекцию, отражающую желания, мечты и предпочтения исключительно владельца данного айфона. То же и с прическами; молодежь красится в бесчисленное количество оттенков. Цветовая гамма на голове это как пароль, дающий доступ к пониманию внутреннего содержания человека.

Но несмотря на все старания, в конечном итоге все они всё же слушают одну и ту же музыку, носят одинаковые шмотки и прически, да и вообще их друг от друга не отличить. Непостижимо, как это капитализму удастся водить за нос целое поколение: молодые люди думают, что делают выбор добровольно, а на самом деле все выбирают одно и то же. Это старая известная уловка. Ведь основа капиталистической экономики это

создание концепций образа жизни — тоже своего рода производство. Некая маленькая неприметная фабрика грез выпускает и бесплатно распространяет эти концепции. Следом на рынок массово, и уже не бесплатно, выбрасываются товары, необходимые для того, чтобы соответствовать этим грезам. То же ясно прослеживается в отношении продуктов питания. И вот, в поисках своего «я» целое поколение в момент стало вегетарианским. Некоторые даже обратились в веганство, потому что животных они любят намного больше, чем растения.

Меня впечатляет этот неожиданный всплеск любви к животным. В кругу знакомых моей дочки осталось лишь два человека, кто ест мясо. Оба юноши и оба аутсайдеры. Девочки, понятное дело, животных не едят, они их любят. Да, девочки и раньше любили животных, обычно эта любовь развивалась в традиционной последовательности: лошадь, собака, друг. Нынче любовь к животным находит выражение в вегетарианской диете: мюсли, салат, еще один салат, друг. Вот такой теперь лозунг. Уже две недели как моя дочь питается вегетариански.

— Ведь у нас с животными так много общего, — вещает она нам каждый вечер.

Мне кажется, у нас гораздо больше общего с растениями, но я лучше промолчу. По дороге в школу, там, где раньше на каждом шагу были закусочные, теперь чуть ли не ежедневно появляются новые лавки, предлагающие только салаты, суть зелень под забавными названиями: «салат счастья» или «салат мирный» — по 7,5 евро за полную тарелку.

Подружка моей дочери Йоганна провела пропаганду вегетарианского образа жизни среди своих десятилетних братьев-близнецов. Одного успешно сагитировала, другого не удалось. Теперь один из них любит животных и не желает есть ничего кроме салата,

а у другого вырос аппетит к мясу, что стало большой проблемой для мамы, которая уже и не знает, что готовить. Кажется, вегетарианцы победно шествуют по всему миру. Вооруженные любовью к животным, они станут авангардом в борьбе против главного врага современного человека — ожирения. Фабрика грез трубит тревогу, что мы-де в разгаре эпидемии ожирения. Уже давно эмпирически доказано: не только люди, но и звери, и птицы, и даже лабораторные мыши в научных институтах — а их держат на строгой диете — всё прибавляют и прибавляют в весе. Не говоря уже о лаборантах. Уже есть первые смерти от ожирения.

Как могло дойти до того, что мы погибаем в борьбе против собственных животов? Никто не знает наверняка, есть разные теории на этот счет. Теологи полагают, что все дело в атеистах, которые ищут новые грехи. Современные люди отказались от своих церквей и религий и вообще-то могут прекрасно обойтись без бога и богослужений, но человек все еще мыслит в рамках христианских представлений о морали. Чтобы быть счастливыми, люди должны уметь самих себя прощать. А без греха нет прощения, без исповеди нет спасения. Заповеди Ветхого Завета — не укради и не убий — тривиальны и стали само собой разумеющимися, и к тому же следование этим заветам теперь гарантировано уголовным кодексом. Новые времена диктуют новые заветы, и все для того, чтобы каждый из нас в любое время и перманентно мог иметь нечистую совесть. Ты не должен курить и пить, ты должен быть в форме, ты не должен есть мяса, и вообще нельзя есть после семи вечера — вот они, новые лозунги.

А марксисты видят эту проблему совсем в другом свете. Они говорят: всеобщее ожирение это новый вид эксплуатации. Почему даже перуанские и эквадорские крестьяне, чья худощавость традиционно вызывала удивление у американцев и европейцев, — почему даже

они стали поправляться? Их традиционная пища — зерна киноа — пользуется растущим спросом среди веганов и вегетарианцев из богатых стран. В зернах высокое содержание протеина, и они нравятся всем этим избалованным щеголям, которые не едят мяса из любви к животным. И перуанским крестьянам стало выгоднее экспортировать зерна, чем самим их употреблять. Они продают свою традиционную пищу в богатые страны, а сами переходят на мясо и кукурузу и год за годом прибавляют в весе. Марксисты говорят: мания красоты, одолевающая богатых, ведет к ожирению бедных, они всегда вынуждены платить за удовольствия богачей. Раньше богатые ели пшеничный хлеб, пили много алкоголя, мало двигались и толстели. А у бедных, наоборот, были большие физические нагрузки, они ели сырую растительную пищу, потребляли мало калорий и оставались стройными.

Иногда история разворачивается на 180 градусов. Не случайно человек появляется на свет головой вперед, а на кладбище его уносят вперед ногами. Сегодня богатые едят сырую растительную пищу, потребляют мало калорий и много жидкости, подвергают себя, хотя и бесполезно, нагрузкам на беговых дорожках в фитнес-клубах. Они становятся стройными и сильными. А бедные же пьют алкоголь, едят пшеничный хлеб и мало двигаются, потому что всюду безработица, а днем по телевидению увлекательные программы. Вот бедные и толстеют.

Русские не верят ни в капитализм, ни в Бога, они фаталисты. Так что съедается все, что попадает на стол. Здесь в любом меню сплошь компромиссы. Говядину представляют как молочный продукт (корова ведь!), арбуз считается ягодой, салат здесь иногда жирнее колбасы, а на вопрос «что едят веганы-людоеды?» анекдот дает ответ — «активистов Гринписа».

Глобальное потепление

Еще мой отец, и его отец тоже, любил в свободное время сидеть на кухне и со стаканом в руке излагать свои взгляды друзьям и домочадцам, порой против воли оных. Такое было хобби — кухонная философия. Возможно, это фамильная черта — оба моих чада тоже склонны философствовать! Но только дочь привержена философии наблюдательной, той, что не ищет ответов, а лишь вносит еще больше неясности в картину мира, в то время как философия моего сына состоит в постоянном поиске ясных, недвусмысленных концепций и универсальных истин, призванных раскрывать все жизненные тайны. Моя же философия — это волшебные вымыслы и фантазерство.

— Пап, а ты веришь в глобальное потепление? — как-то за завтраком спросил меня сын.

За окном шел дождь, невзирая на который радиоведущий вещал о том, что климат с каждым годом становится теплее, что лед тает, что повышение температуры всего на два градуса будет означать конец Карибским островам, большая часть Земли окажется под водой и многие островные государства придется эвакуировать. К этому можно добавить, что в Японии уже несколько лет как в море стекает радиоактивно зараженная вода из поврежденного атомного реактора, рыбы массово лишают себя жизни, выбрасываясь на берег, и никто не знает, как помочь рыбам и японцам. Даже американцы, которые обычно всё знают лучше всех, помалкивают. Кажется, весь мир сошел с рельс.

— Я считаю этот переполох паникерством, — сказал Себастьян. — Я без всяких проблем выдержу глобальное потепление на два градуса.

Это так. В прошлом году мы были с ним в русской сауне за городом, а с точки зрения европейца, это никакая не сауна, а устройство для сжигания людей. Русские часто не знают меры. Смысл русской бани и все ее удовольствие не в последнюю очередь состоит в том, чтобы выскакивать из нее с громким криком, как пробки от шампанского, и прыгать в снег. Себастьян храбро продолжал сидеть при 99 градусах по Цельсию. Я тоже жару переношу лучше, чем холод. И все же мы, разумеется, волновались за судьбу Карибов и других островных государств.

— Люди должны научиться регулировать температуру на Земле, — размышлял сын. Дескать, проблема в том, что люди никогда ничему не учатся. Даже уже обретенные знания они часто используют себе во вред.

— Мы постоянно уничтожаем друг друга, мы представляем опасность для этой планеты, — вмешалась в разговор дочь. — Независимо от того, насколько сознательные меры предпринимает каждый из нас — будь то активист Гринписа, подобно Дон Кихоту вступающий в битву с русскими буровыми платформами в Арктике, или Брижит Бардо, запросившая русское гражданство для всех французских слонов, чтобы они, будучи российскими гражданами в российском зоопарке, не умерли во Франции от шприца с ядом, — все эти безумные добрые поползновения только заводят нас глубже в тупик. Общая тенденция говорит о том, что человек — это бомба с часовым механизмом, он наносит ущерб природе. Численность населения постоянно растет, а значит, человеку скоро конец. Так что расслабьтесь и наслаждайтесь последними днями, пока еще можно жить, — так примерно дочь изложила свои упаднические взгляды.

— А ты, папа? — повторил свой вопрос Себастьян. — Что ты думаешь о глобальном потеплении?

— Я вырос в государстве с плановой экономикой, — сказал я, — и я верю в план. У социализма был план, природа развивается по плану, и у Бога наверняка тоже есть план. Проблема в том, что мы его плана не знаем, мы не знаем, что он делает, мы можем лишь гадать. Возможно, мы все ингредиенты супа или закуски на тарелке Бога — теплой закуски, разумеется. Один пастух из Южной Франции однажды рассказал мне, как правильно готовить виноградных улиток. А именно — их нельзя сразу кидать в кипящую воду. От этого у улитки будет шок, мышцы сократятся, и улитка станет как камешек еще до того, как умрет. И тогда она будет испорчена, ее уже не отварить до мягкого состояния. Поэтому улиток кладут в чуть теплую воду и очень медленно подогревают на маленьком огне. Поначалу они счастливы. Они думают, что попали на пляж или наконец в рай, полностью расслабляются и наслаждаются теплом. Со временем температура в кастрюле поднимается, и расслабленные улитки даже не успевают задаться вопросом, что же пошло не так, как они уже сварены, поданы к столу и съедены за бокалом хорошего белого вина.

На кухне воцарилось растерянное молчание.

— Хорошо, что я вегетарианка, — убежденно сказала дочь.

— С овощами тоже часто поступают вероломно, — парировал я. — Например, русские обдают огурцы ледяной водой, прежде чем залить их кипящим маринадом. Под холодной водой огурцы напрягают свои огуречные мышцы, они чувствуют себя здоровыми и спортивными и становятся такими хрустящими. А потом они быстро попадают в кипящий маринад, сохраняя эту свою хрусткость. Если нас и вправду создали по образу Бога, то и готовить мы, должно быть, научились у

нашего Создателя, — продолжал я развивать свою теорию. — Мы готовим коварно. Абсолютные чемпионы в коварной гастрономии это японцы. У них есть такое блюдо, где они пускают маленьких рыбок плавать в большой чашке, куда наподобие одинокого острова кладут большой кусок тофу. Чашку медленно нагревают над огнем, и чем теплее вода в чашке, тем беспокойнее становятся рыбки. В отчаянии они пытаются запрыгнуть на остров из тофу и в конечном итоге выглядят как пельмени, то есть как рыбки, которые сами себя запекли в тофу. Впрочем, японцы называют это блюдо Диакоку, что переводится на немецкий как «ад». Знатоки высоко ценят этот деликатес! Так что же говорит против того, что мы тоже своего рода деликатесы для нашего Создателя? Может быть, он гурман? Может быть, наш мир это волшебный небесный ресторан, в котором блюда готовят сами себя?

Детей напугала такая кулинарная концепция мироустройства. И только моя жена пренебрежительно усмехнулась, ей не по душе любая кухонная философия.

— Не забудь сам себя посолить, как до того дойдет дело, — сострила она.

Путешествие в Египет

Еще с детства, самое позднее с детского сада, каждый человек начинает задаваться вопросом — почему у меня нет чего-то, что есть у других? Человек чувствует себя несчастным и обделенным, винит весь мир и ищет выход. Он верит, что стоит ему поменять окружение и связаться с правильными людьми, как неудачи закончатся. Он меняет друзей, переезжает с места на место, но лучше ему не становится, и он чувствует себя еще более несчастным, чем раньше. Быть может, дело во мне? — сомневается человек и начинает улучшать себя. Он учит японский, записывается на курсы йоги, делает дыхательную гимнастику, практикует скалолазание по высоким стенам, но мир так и не может оценить его старания. Мир не хочет меняться, и человек тоже не хочет, так они и сосуществуют в поисках равновесия и не приходя в согласие.

На День святого Валентина, когда влюбленные мужчины дарят своим возлюбленным цветы, одиночество одиночек особенно бросается в глаза. У моего сына пока не было возлюбленной, и цветы дарить было некому. Та же ситуация и у его друзей. Мне он объяснил это тем, что все они «холостые», причем по убеждению. Моя дочь пришла домой тоже без цветов. Мне не нужны цветы, сказала она, мне вообще в жизни ничего не нужно, кроме хороших книг и музыки.

В приступе аскетизма Николь еще месяц назад раз и навсегда отказалась от телевизора. Я его пока отнес в подвал. Стол, кресло, компьютер, часть снятых со стен плакатов последовали за телевизором, и вскоре наш подвал стал похож на хорошо меблированную детскую комнату, в то время как комната Николь походила на

монастырскую келью. Аскеза развивалась дальше. Однажды дочь попросила разрешения свинтить лампу с потолка, она-де хочет жить естественно, вставать вместе с солнцем и ложиться спать, как стемнеет. Это я ей сделать запретил — не выношу, когда из потолка торчит пустой крюк. Это дало моей дочери еще один повод почувствовать, что мир ее не понимает. Больше всего ей хотелось бы улететь далеко-далеко, туда, где люди живут в согласии с природой, встают вместе с солнцем... ну и так далее, и это прозвучало как угроза.

Такая возможность не заставила себя долго ждать. В классе объявили, что в конце февраля состоится поездка в Луксор. Мы сказали «нет». Из Египта приходили плохие вести, там обстреливали автобусы с туристами и взрывали караульные посты. Мы каждый вечер говорили «нет», и чем чаще мы это говорили, тем сильнее дочь хотела туда поехать. Ей представлялось, будто именно в Египте можно найти общечеловеческое счастье, и ей нужно попасть туда любой ценой.

— Доченька, на свете много прекрасных мест, где закопано счастье, — пытались мы переубедить ребенка, — мест, где люди живут в согласии с природой и по солнцу. Например, Майорка или Ибица...

Все было тщетно. Цель поездки не подвергалась обсуждению, она была для Николь незыблема, как египетская пирамида. В ответ на каждое возражение ребенок рыдал.

— Что вы имеете против Египта? Вы просто мещане, вы попались на удочку европейской пропаганды. Жизнь всюду опасна, а в Египте менее всего!

Это им говорил учитель латыни, он летает туда каждый год. Египтяне самые дружелюбные люди на свете, путешествовать туда дешево, там богатая история и масса всего полезного для уроков латыни. К тому же, говорил учитель, в Луксоре революции не было. Это на другом конце страны тысячи людей вышли

на улицы с протестами против коррумпированного правительства, они бесчинствовали и грабили музеи и магазины. Но жители Луксора миролюбивы, они не хотят отпугивать туристов. Они не мародерствовали и не выступали с протестами. А глупые туристы все же не едут к ним, наверное, они не знают страны и не понимают, что там есть разные города, вот и отказываются от поездок в Египет вообще. Получается, что остальные египтяне показали луксорцам что-то типа «красной карточки» — и вот у них ни революции, ни туристов. И выжить они могут только за счет школьников, приезжающих из Берлина. Так примерно говорил учитель, насколько я понял со слов Николь.

И вот я в школе на информационной встрече по поводу поездки в Египет. Прежде всего я поразился, насколько некоторые родители похожи на своих детей. Рыжеволосая женщина в пестром платье и с огромными накладными ногтями — просто точная копия своей дочери Ирены. Она так же громко смеется и даже пользуется такой же помадой, никак стянула у дочери. Отец беспечного всезнайки Яна произвел впечатление человека тоже беспечного и всезнающего. В узком кругу он рассказывал, что уже много раз бывал в Египте, залезал там во все пирамиды, а с одной мумией познакомился лично. Мать задумчивой Дорис оказалась такой же вдумчивой и серьезной, как и ее дочь; она беспокоилась больше всех и выпрашивала учителя латыни, ответственного за поездку, про меры безопасности. Учитель латыни, казалось, не особо над этими мерами задумывался и производил впечатление несколько неуверенного человека. Как-то не верилось, что он в паре с преподавательницей немецкого фрау Фрекенбок сможет дать подобающий отпор террористам «Аль-Каиды», если те возьмут в осаду молодежный приют.

И все же учителя, как и школьники, были полны решимости ехать в Луксор. Мероприятие занесли в программу дополнительных занятий по латыни. Каждый участник путешествия получил задание подготовить доклад о каком-либо из луксорских храмов. Уже был составлен план с ежедневными экскурсиями; в программе значились прогулки верхом на верблюдах, туры на ослах, трапеза в местной семье и посещение немецкой школы.

Я не хотел омрачать своими сомнениями безмятежную радость школьников, предвкушавших настоящее путешествие, и потому ничего не говорил. Каждое поколение имеет право самостоятельно открывать для себя мир, оно не обязано верить всему, что написано в книгах по истории. В конце информационного собрания всем раздали списки, что следует взять с собой в Египет. Там значились: туалетная бумага, головные уборы, скрывающая фигуру одежда, чистое постельное белье, медикаменты и подарки типа шариковых ручек, цветных карандашей, жвачки и конфет. Ночью я плохо спал. В кошмарах мне снилась дочь, как она идет по пустыне, целиком завернутая в туалетную бумагу, и раздает шариковые ручки ослам и верблюдам.

В последовавшие за этим дни список все разрастался: добавились солнцезащитный крем, полотенца, парацетамол, а также 150 евро на карманные расходы. В день отлета в новостях вещали о новой волне беспорядков в Египте: разгневанные граждане вышли на улицы, чтобы еще раз заявить о своем недовольстве, их снова не устраивали властители. Бросали камни, стреляли — но в Каире, не в Луксоре! В Луксоре, заверял учитель латыни, люди слишком добродушны и ленивы, чтобы ходить на демонстрации. Если им что-то не нравится, они-де

молятся и надеются, что со временем проблема рассосется сама собой.

В возбуждении, с огромными чемоданами, набитыми конфетами и шариковыми ручками, класс моей дочери вылетел по направлению к Каиру. Там они должны были пересесть в маленький самолет рейсом в Луксор — десять девушек, четыре юноши и два учителя. Каждый день мы смотрели новости из Египта. Теракты, бомбы на автозаправке, перестрелки на границе с Израилем. Каждый день приходила sms от Николь: «Светит солнце, страна классная, фантастически дружелюбные люди, расслабленные и спокойные, это лучшие каникулы в моей жизни!»

И еще она писала: «Туристов здесь и на самом деле мало. Массовые туристы трусили и наложили в штаны от страха перед революцией. Сюда еще ездят только русские, а также немецкие школьники». Русские выросли вместе с революцией, а немецкие школьники слышали о ней только хорошее.

Класс моей дочери разместился в симпатичном отеле под названием «Венера». Судя по названию, это был, возможно, бывший бордель, который после революции быстро переоборудовали под запросы школьников из Европы. Комнаты на четверых; душ на этаже работал, хотя и привередливо. Вода текла либо холодная, либо горячая, совместить их было невозможно. «Но мы прилетели в Египет не для того, чтобы принимать душ», — невозмутимо писала дочь, и, разумеется, как всегда была права. Впрочем, школьники практически не проводили время в гостинице, все же официально они находились на уроках латыни. Пункт за пунктом выполнялась программа: осмотр мечети, поездка на верблюдах, поездка в Город мертвых, тур на ослах по другой стороне Нила... С утра класс выезжал верхом исследовать Египет, днем девушки сидели в чайной

лавке Ибрагима, что напротив отеля, и разговаривали с хозяином лавки о жизни. Видимо, девушки быстро научились арабскому, вскоре они уже знали в лицо всех жителей города и приветствовали их по имени. Имена запоминались легко. Всех верблюдов звали Боб Марли, все ослы были Алибаба или Фатима, а торговцы — Ибрагим или Мустафа.

Ослы, величавшиеся Алибабами, были без тормозов, то есть с места их было сдвинуть трудно, но если сдвинуть, то уже не остановить. А еще у них не было задней передачи. Зато ослицы, звавшиеся Фатимами, останавливались через каждые пять метров. Моей дочери достался Алибаба, и она чуть ли не влюбилась в этого осла. Она считала его идеальным транспортным средством в деле исследования мира. Осел все время шел не слишком быстро, но и не слишком медленно, главное, что не останавливался. А ведь великие первооткрыватели Магеллан и Колумб писали, что в путешествии самое сложное — это выдерживать остановки в пути. Во время простоя путешественников начинают одолевать сомнения в самих себе и в своей затее, они слабеют духом и впадают в пессимистические раздумья. Но пока ветер дует в паруса, пока вращаются колеса, пока идет Алибаба, путешественник может спокойно смотреть на горизонт и двигаться своим путем, вослед солнцу. Не зря врачи говорят, что движение лечит. А вот Бобы Марли, эти короли пустыни, моей дочери совсем не понравились. Они слишком большие и, возможно, вообще не замечают, сидит ли кто у них на спине, да и двигаются они куда хотят.

Неделя в пустыне пролетела быстро, и встреча была радостной. В день возвращения взволнованные родители стояли в аэропорту Шёнефельд, принимая в объятия своих невымытых, но счастливых детей. Дома дочь приняла основательный душ, вытрясла из

карманов штанов песок пустыни и заявила, что все мы непременно и немедленно должны отправиться в Египет, а лучше вообще туда переселиться. Она была в восторге от тамошних людей, они там полностью расслабленные и даже все немного говорят по-немецки. Шестиклассники в немецкой школе в Луксоре говорили на прекрасном классическом немецком лучше, чем некоторые берлинцы. Школьники рассказывали гостям, что хотели бы продолжить свое образование в Германии. Конечно, торговцы на рынке, в порту и на берегу Нила были несколько навязчивы, продолжала Николь. С ними лучше не встречаться взглядом, и если не смотреть им в глаза и быстро проходить мимо, они оставят тебя в покое и ничего тебе не сделают.

Больше всего египтяне любили подарки. Все люди, с которыми девушки вступали там в контакт, просили «бакшиш» — немного денег или конфеты. А лучше всего шариковую ручку. Ручки разошлись быстро.

— Наверное, египтяне должны все записывать, как ты, папа, — сказала дочка.

Ну а ко всем этим европейским свободам — ночным дискотекам, сексу до свадьбы, алкоголю — египтяне не стремились. Все это грехи, которые никуда не приводят, пустая трата времени. Нам не нужен секс до свадьбы, говорили египетские школьники. Нам нужны только шариковые ручки! Шариковые ручки и конфеты, акцентировали они, выразительно поднимая брови.

— Какая славная молодежь в этой стране! — сказал я, хотя многое в рассказе Николь мне казалось неправдоподобным.

Уже несколько дней как я безуспешно ищу в нашей квартире хоть одну шариковую ручку. Они все исчезли, будто их верблюд проглотил. Есть подозрение, что кто-то готовится к следующему путешествию.

Матриархат

В классе моего сына царит матриархат. Там девятнадцать учеников: тринадцать девочек и шесть мальчиков. Когда классу дают возможность на демократической основе принимать решение по материалам для уроков, у мальчиков нет шансов. Особенно страдают их интересы в области гуманитарных предметов. Например, на уроках немецкого школьники могут сами решать, какие произведения мировой литературы они хотели бы проходить. Было много предложений, и в конце концов выбор ограничился двумя драмами: «Коварство и любовь» Шиллера и «Фауст» Гёте. И тут ребята никак не могли прийти к компромиссу. Все мальчики были за «Фауста», как-никак там речь идет о творце, о человеке творческом, желающем изменить мир. Но девочкам это скучно. Не хватает любовной сентиментальности, недостаточно феминистично, а некоторым «Фауст» казался и вовсе женоненавистническим. Девочки хотели «Коварство и любовь», они считали это произведение прототипом сериала «Отчаянные домохозяйки» — сплошь любовные переживания и интриги! Мальчики были крайне недовольны, но, находясь в меньшинстве, вынуждены были уступить. Теперь они все вместе усердно штудируют «Коварство и любовь».

На уроках этики класс разделили на группы, каждая из которых должна была подготовить доклад об одном из философских учений. Группа, куда попал мой сын и где помимо него были три девочки, выбрала конфуцианство, хотя Себастьян был за даосизм. Но он оказался в меньшинстве. Разумеется, девочки выбрали себе самые простые темы: возникновение учения, его

распространение и жизненный путь Конфуция. Себастьяну поручили самое сложное: Мэн-Цзы. Он родился позже Конфуция и считается своего рода подражателем его философии. Еще в детстве Мэн-Цзы был странным мальчиком, он любил играть на кладбище; Мэн-Цзы считал, что люди от природы хорошие, но только те, что живут и трудятся в сильном государстве под властью белого императора. Жизнь без императора, на свою ответственность, человека погубит, так он думал.

Себастьян основательно готовился к докладу и по ходу дела рассказывал мне о мудрых советах, которые Мэн-Цзы давал императору. Собственно говоря, этот философ постоянно всех поучал — своих учеников, родственников и самого императора. Типичный всезнайка. Он всегда твердил о том, что сочувствие и смирение есть самые важные добродетели человека.

Честно говоря, меня этот Мэн-Цзы вместе с Конфуцием и всеми их представлениями о справедливом государстве не особо интересовал. В душе я анархист, я считаю государство механизмом угнетения. Допустим, человеку нужен круг его друзей, сообщества по интересам, футбольные команды и всякое такое, но все же не государство. Мэн-Цзы напомнил мне о Руссо, который также утверждал, что человек существо хорошее и если он все же творит зло, то в этом виновато общество, и поэтому государство должно заботиться о том, чтобы в человеке проявлялись его хорошие качества. Именно от представлений Руссо, считавшего, что государство должно создавать для всех хороших людей необходимые «условия» — за счет их не столь хороших современников, — и берут начало все тотальные диктатуры прошлого века. Миллионы поплатились жизнями за то, что государство хотело их во что бы то ни стало улучшить.

При этом никто еще не дал окончательного определения, кого считать хорошим человеком. На этот счет были разные мнения. Скажем, для героев Французской революции хорошим человеком был тот, кто лишился головы, пусть даже он уже — увы — не мог высказывать радость по поводу правильного общественного устройства. Русские коммунисты думали, что человек мал и слаб и потому озабочен повседневными мелочами и не может понять диалектики общественного развития. И чтобы человек понял диалектику, его надо тянуть за уши. И здесь человеческий материал подвел. Уши отваливались, а людей без ушей не убедить в необходимости коммунистического строительства. Они ничего не слышат. Нацисты в Германии думали, что правильный человек должен быть светловолосым, носить униформу и, исполненный гордости и чести, завоевывать мир. А мир не захотел принять это якобы очевидное превосходство арийской расы, и нацисты утопили его в крови. В той войне погибло 50 миллионов человек. Трудно даже представить, что может натворить под соответствующим руководством такой вот от природы хороший человек. А тут еще Мэн-Цзы со своими назойливыми утверждениями, будто государство может сделать людей лучше. Мао к нему прислушивался, я — нет.

Чтобы отвлечься от Мэн-Цзы, Себастьян установил на своей игровой приставке новую версию Джи-Ти-Эй. В этой игре можно выполнять задачи в разных образах: в образе мафиози на пенсии, в образе придурочного чернокожего рэпера или в образе боевой собаки.

Боевая собака оказалась нам вполне надежной, ей можно было доверить практически все задачи. Но вот только если пес видел суку, он тут же забывал про задание и увязывался за ней. В этот момент игрок полностью терял контроль над персонажем, боевой пес

становился неуправляемым. Мы дали ему кличку Руссо, за его искреннюю убежденность. Когда Руссо, влекомый инстинктами, зависал на пуделице, нам, игрокам, оставалось только ждать, пока он закончит и сможет вернуться к своему заданию. Некоторые эпизоды разворачивались в лучших кварталах Лос-Анджелеса, там, где живут состоятельные люди и на улицах особенно много пуделиных сук, так вот там с Руссо лучше было вообще не появляться. В рабочих кварталах он проявлял себя надежнее.

Чернокожий рэпер также спекулировал на человеческой природе. Всякий раз, как его арестовывали или задерживали, он начинал причитать, что все кругом расисты и должны оставить его наконец в покое. Он был хитер, но слишком ленив для настоящего задания. По-настоящему можно было положиться только на бывшего мафиозного босса, ныне вышедшего на пенсию, главную фигуру игры: этот неустанно воспитывал своего сына, этакого жирдяя, что вечно зависал перед телеящиком; освобождал свою дочь из лап порнопродюсеров и уговаривал политиков действовать разумно. У него было много крупнокалиберного оружия, оно помогало бывшему мафиози вносить вклад в дело мира и бороться за хорошее в человеке. Его мы называли Мэн-Цзы.

Он всегда вмешивался, если, скажем, кто-то хотел изнасиловать женщину. Женщине угрожают оружием, и она не может сопротивляться. Мэн-Цзы тут как тут. Сначала он пытается действовать убеждением, призывая насильников глубже заглянуть в себя и найти там что-то хорошее. В ответ на это хороший, но заблудший человек стреляет в Мэн-Цзы. А тот все же держится своей теории и верит в то, что любые преступные деяния могут и должны заканчиваться без насилия. Но тут у бывшего мафиозного босса Мэн-Цзы срабатывают старые рефлексy. Нападающий

неожиданно оказывается изрешеченным, спасенная женщина в благодарности исчезает, появляется полиция. Мэн-Цзы хочет объяснить служителям порядка, что он на их стороне и своими действиями способствовал правосудию, но полицейские не хотят его слушать. «Бросить оружие, лежать лицом к земле!» — кричат они. К сожалению, Мэн-Цзы не может выполнить этот приказ, ибо как он из лежачего положения объяснит полицейским, что они ошибаются. Не дожидаясь продолжения разговора с Мэн-Цзы, полицейские открывают по нему стрельбу. Мэн-Цзы не остается ничего другого, как вынуть крупнокалиберное оружие. Он прячется на крыше небоскреба и выпускает ракету по полицейскому вертолету, но вслед за ним прилетают еще два. Мэн-Цзы скрывается от них в спортивном автомобиле, переезжает случайного прохожего, пристреливает водителя какого-то грузовика, таранит этим грузовиком полицейское заграждение, разворачивает грузовик, выпрыгивает из него, убегает, попадает в расставленную фараонами ловушку, и вот он лежит в красной луже с тремя пулями в голове. Рядом возникают жирные буквы: «Задание провалено».

Себастьян выключил приставку и, подумав, дополнил свой доклад еще одним предложением:

«Мэн-Цзы, китайский учитель и философ, прожил недолгую, но бурную жизнь. Поставив перед собой задачу оказать влияние на государство, чтобы сделать его справедливым и ненасильственным, он вследствие цепи злополучных обстоятельств потерпел фиаско».

Блестим!

Сейчас, когда я пишу этот текст, я свечусь как новогодняя елка — блески повсюду. Наша кухня похожа на место посадки инопланетного звездолета, кошки носятся по всей квартире как очумевшие метеориты, и все сверкает — моя кровать, мой рабочий стол, я сам. Эту катастрофу устроила дочь, хотя теперь задним числом она находит ее не столь уж страшной. К своему семнадцатилетию Николь получила от незнакомого друга банку с блестящим порошком. «Чтобы твоя жизнь оставалась яркой!» — написал незнакомец на приложенной к подарку открытке. За это мы от имени родителей всего мира телепатируем ему — да чтоб тебя! Поначалу дочка предполагала, что блеснуть будет только она сама с подружками, но, поскольку подружки блеснуть не хотели, бегали от Николь и прятались по всей квартире, теперь блестим и сверкаем мы все.

А ведь празднование задумывалось созерцательным, как Рождество, не в пример прошлогодней буйной вечеринке с друзьями из Фейсбука. Этот день рождения собирались отмечать в узком кругу лучших друзей в приличном молодежном клубе, что зовется «Чумовой» и находится в районе Франкфуртер Тор. Николь не хотела видеть на своем дне рождения полужнакомых людей и потому пригласила только тех, с кем действительно дружна, всего пятьдесят два человека. На каждого гостя было предусмотрено по три бесплатных напитка, остальное друзья оплачивали из своего кошелька.

У нынешнего поколения совсем иное представление о дружбе. Если верить мировой литературе, раньше три друга это был максимум. Соответственно, и книги про

дружбу назывались — «Трое в лодке», «Три мушкетера», «Три танкиста и собака». Или танкистов было четверо? Даже Иисус, далеко не мизантроп, имел двенадцать близких друзей, которым он раздавал бесплатные напитки, и был там еще один лже-друг. У Николь друзей пятьдесят два, и ни один из них не опоздал. Все явились без десяти восемь, праздновали до часу, пили бесплатные напитки и то, что принесли с собой, а затем разошлись по домам. После этого трех подружек Николь пригласила домой на посошок, предварительно она так мило попросила у нас разрешения на поздний визит.

— Тебе понадобится грузовик, чтобы довести до дома пятьдесят два подарка, — предположил я. Но все подарки уместились в одну обувную коробку: большей частью это были жвачки, леденцы и наклейки. В обувной коробке оказалось лишь три, на мой взгляд, настоящих подарка, именно от тех трех подруг, что попали на посошок: белые наушники Sony, матерчатая сумка с оттиском модного молодежного словечка и картина в импрессионистском духе, продукт собственного творчества, под названием «Николь в ее природном окружении». И вот еще этот троянский подарок с блестками (да чтоб тебя еще раз, о незнакомый остряк!). Только те, кто сверкает сообщая, могут стать настоящими друзьями, решила Николь. А остальные — они, наверное, нужны как фон, чтобы настоящие выделялись.

— Даже солнечному лучу нужна темнота, чтобы светить, — мудро заметила дочь.

В этом возрасте жизнь кажется бесконечной вереницей дней рождений. Пока мы бегали с пылесосами за кошками, Николь уже ковала планы на свой следующий, восемнадцатый день рождения, который она уже определила как окончательное прощание с юностью. Восемнадцатилетие Николь

хотела отметить вместе с подругами в Париже. Они все туда должны поехать, найти могилу своего кумира Джима Моррисона и проститься с ним навсегда. Ведь с восемнадцати начинается взрослая жизнь, в этой жизни больше не будет места для Джима Моррисона и его прекрасной музыки, так размышляла моя дочь. Так что они постоят над могилой Моррисона в минуте молчания и положат ему на могилу пластинки вместо цветов.

В каких бы мрачных тонах она ни живописала свое будущее восемнадцатилетие, у меня в голове сразу возникла другая картинка: я видел могилу Моррисона, посыпанную блестящим порошком, сверкающее кладбище и светящийся Париж. У французской столицы бурная история, она пережила свои революции, чужеземные оккупации и студенческие баррикады, так что Париж поблестит как нечего делать. Затем я представил себе, как Джим Моррисон встает из могилы и бежит за девушками. Вот он кричит им, что отказываться от любимой музыки с восемнадцати лет это ребячество. И здесь я могу с Моррисоном только согласиться. Мне вот 46, и я до сих пор с удовольствием слушаю «*Cote on Baby Light My Fire*», К сожалению, я не в состоянии объяснить подрастающему поколению, что хорошая музыка подходит для любого возраста. Моррисону, если он воскреснет, лучше удастся это объяснить. Девушки с криками будут разбегаться в разные стороны, попутно рассыпая блески по всему городу. Это будет замечательная вечеринка по поводу дня рождения, она навсегда останется в памяти.

Однако дочь беспокоится. Она не знает, что будет через год. Не испортятся ли блески до тех пор? Выдержит ли дружба испытание временем? У девушек слишком разные жизненные планы, которые могут развести их во все стороны света. Ведь все планируют путешествовать, никто не хочет надолго оставаться в Берлине. Моя дочь хочет продолжать усиленно учить

испанский и отправиться в Колумбию, чтобы внести вклад в борьбу с тамошней наркомафией. Она твердо убеждена, что если колумбийские крестьяне получат нормальную работу, оплачиваемую по европейским тарифам, то они прекратят выращивать сырье для наркотиков. Когда Николь окончательно одолеет наркомафию, она хочет на год уехать во Францию и изучать там историю. А в конечном счете она хочет вернуться в Германию, чтобы размышлять об увиденном и пережитом. Ее подруга Антония собирается в Индию, потому что папа много рассказывал ей об Индии, а затем в Америку, чтобы учиться. А Мария поедет со своим другом в Нижнюю Саксонию в полицейскую академию. Будем ли мы тогда вообще видеться? — задается вопросом Николь.

Меня же она спросила, имела ли вообще философия когда-то свое начало. Когда люди начали осмысливать окружающий мир и свое существование в нем? Она хочет читать только философские книги. Всю эту так называемую мировую литературу она уже в общем и целом освоила, все самое важное давно прочитала: Сартр, Гёте, Ник Хорнби, «Дневники мотоциклиста» Че Гевары, «Анну Каренину» и «Братьев Карамазовых». Но философия — с чего ей начинать? Ну да, книгу про Будду она однажды прихватила из какого-то отеля и дома еще раз ее пролистала. Книга показалась ей интересной, хотя и не совсем убедительной. Потому что ведь буддийское учение утверждает, будто вся жизнь есть страдание и нужно сдерживать любые свои желания, чтобы потом больше не возрождаться. А Николь хочет жить и как можно чаще возрождаться. Она хочет хотеть и хочет бороться, и вновь и вновь справлять свое восемнадцатилетие, желательно всякий раз в другом городе. Жить приятнее, чем не жить, даже если человек при этом страдает. Лучше страдать на этом свете и помогать другим, чем вообще не родиться.

Поэтому буддизм моя дочь пренебрежительно называет учением равнодушия.

Намного больше ей нравится Фихте, немецкий философ, который преподавал в университете имени Гумбольдта. Фихте был чем-то вроде немецкого Будды. Он считал, что человеческие желания и устремления есть движущая сила мирового порядка. По мнению Фихте, человек всегда разрывался между двумя желаниями: желанием свободы и желанием удовольствия. Но стоит только человеку начать наслаждаться, как он тут же становится рабом удовольствий. Если он выбирает свободу, то жена начинает ворчать. В этой борьбе против самого себя человек развивает невероятно мощную креативную энергию. Он начинает писать стихи, смеяться, плакать или... блеснуть, даже если никто не посыпал его блестящим порошком.

Жизнь как супермаркет знаний

После того как канцлер Германии посетила гимназию, где учатся мои дети, многие девочки из класса Николь задумались, не пойти ли им все же в политику. Наш город сразу стал бы краше, если с предвыборных плакатов улыбались бы молодые женщины всех крашенных мастей, а не кривились бы натянутыми улыбками мужчины в костюмах. Я поддерживал девушек в их стремлении. Я считаю, что политика больше в крови у женщин, чем у мужчин. Они лучше умеют планировать и организовывать. И есть ли такая женщина, какую не захочется выбрать? Будь то выборы мисс земли Гессен, или королевы праздника спаржи, или кандидата на пост канцлера? Но как стать федеральной канцлершей, какой для этого нужно выбрать школьный профильный курс, а от какого можно отказаться? Этого я не знал. В одиннадцатом классе мир представлялся огромным супермаркетом, таким магазином самообслуживания, где можно подобрать детали для построения планов на жизнь. Надо только правильно выстроить программу обучения, не учить лишнего, читать нужные книги, контактировать с правильными людьми, и тогда все получится. Ангела Меркель наверняка так делала, и только посмотрите, как далеко это ее завело.

По следам визита Меркель в школу политически ангажированные ученики устроили в рамках урока по искусству конкурс на лучший плакат, позорящий Меркель. Победил художник из девятого класса, креативно переделавший плакат ХДС^[13] «Вместе к успеху»: на голову Меркель художник водрузил корону,

в руку ей дал карту Европейского сообщества, а надпись «вместе к успеху» превратилась путем простого стирания лишних букв в «мой рейх».

Моя дочь, однако, сильно сомневалась, будет ли она иметь успех как политик. Политики это люди, которые всегда всё знают лучше всех. Она чувствовала себя еще слишком юной, чтобы принимать политические решения. Она вообще ни на чем не хотела останавливать свой выбор. Она только что отпраздновала свое семнадцатилетие супервечеринкой и призналась мне, что после этого ничего хорошего от взрослой жизни уже не ждет. Она хотела бы оставаться семнадцатилетней и каждый год по новой отмечать все тот же день рождения.

Впрочем, Николь продолжала усердно корректировать свой учебный план. Она точно не знала, кем хочет быть, но определенно знала, кем она быть не хочет. Она вложила много усилий в то, чтобы определить и вычеркнуть из плана предметы, где у нее не было шансов. Первым делом она вычеркнула музыку под тем предлогом, что совершенно не умеет петь.

— Знаешь, папа, как выстраивают наш хор? — спросила она. — В первом ряду поют те, кто хорошо попадает во все ноты, за ними те, кто не очень, а в третьем ряду стоят те, кто вообще не умеет петь. За ними прячут юношей с ломающимися голосами, а уж за ними, в самом последнем ряду, пою я.

Будучи школьником, я тоже пел фальшиво и слишком громко, но получал от этого большое удовольствие. На уроках музыки мы должны были петь патриотические песни о вечно живом Ленине и о героях, отдавших свои жизни за то, чтобы у нас было все. Мы вовсю орали эти тексты и одновременно задавались вопросом, куда же делось все то, что мы должны были иметь. Нынешняя немецкая программа по пению восторгов у дочери тоже не вызывала. Правда,

дома она слушает музыку много и с удовольствием, но на уроках школьники вынуждены ориентироваться на вкусы преподавателя. Первая учительница музыки у Николь была о'кей, она любила «Нирвану» и Джима Моррисона, но абсолютно неожиданно забеременела, ушла в декрет и больше не вернулась. Вторая учительница любила только классическую музыку, третья же увлекалась народными песнями. Точнее говоря, она доставала учеников одной и той же немецкой народной песней, звавшейся «Мысли свободны». Школьников заставляли каждую неделю ораторствовать хором про свободные мысли. Некоторые классы даже жаловались в дирекцию, что их терроризируют этой народной песней. И главное, они недоумевали, как эту песню мог сочинить весь народ.

Как вообще возникает народная песня, спрашивали меня дети. Народ садится к костру и половина пишет текст, а другая половина слова? Я этого тоже не знал и предположил, что за этим стоит какой-нибудь средневековый Драфи Дойчер^[14]: «Не плачь, если идет дождь, все в жизни проходит, главное, что твои мысли свободны...» В благодарность народ его повесил, зато песню включили в программу уроков музыки.

Николь на певческой сцене я тоже себе не представлял, так что занятия по музыке мы вычеркнули. И от актерства она отказалась — не обессудь, о актерское мастерство! Мы не имеем ничего против тебя лично, но этот школьный театр — он такой неловкий, нарочито современный, неубедительный и абсолютно декадентский. Одета в паранджу Джульетта и Ромео с ведром на голове — это должно символизировать бесперспективность их отношений? Спасибо, не надо! Физику дочка тоже отмела, потому что не испытывала интереса к законам материального мира. Она считала, что физики тратят силы впустую,

стремясь найти научные обоснования всему тому, что и так очевидно. Математику она бы тоже охотно вычеркнула, потому что в природе цифры вообще не встречаются. Цифры это всего лишь изобретение человеческого ума, выдуманные как подспорье в деле накопления запасов, подсчета долгов и уплаты налогов. Если человек живет сегодняшним днем, то цифры ему не нужны. Географию Николь вычеркнула, потому что абсолютно неважно знать, на каком плато сейчас находишься. Достаточно выучить наизусть все столицы, а значение всего остального в географии сильно переоценено, считала Николь. Биологию она отклонила, потому что это ужасно противно — учить, какие бактерии живут в твоём животе, что они там творят и из какой мокрой дряни возникли по сути все живые существа. Химию моя дочка тоже бы вычеркнула, да не посмела.

Осталось не очень много предметов. Зато остались предметы у любимых учителей — учителей, которые ей интересны. Лучше меньше знаний, но из хороших рук. Не случайно древние индийцы говорили: лучше быть безработным и вообще ничего не делать, чем делать чужую работу, то есть ту, к которой не пригоден. Дочь с восторгом доложила мне о результатах своего отбора; остались иностранные языки, для того чтобы болтать с людьми со всего мира о смысле жизни; история, чтобы знать, какими были люди в прошлом и что у них там происходило. И философия, чтобы уметь к месту ссылаться на Канта, Гегеля и Маркса, когда хочешь донести до людей мысль, что мир на самом деле непостижим и полон чудес.

Я думаю, моя дочь станет писателем.

Нулевой урок

В нашей семье первым всегда вставал мой отец. Он должен был прийти на работу к восьми утра, два часа тратил на дорогу, так что на пять он ставил будильник и в темноте делал зарядку. Просыпаясь, я слышал, как в темной гостиной катаются по полу папины гантели. Когда в шесть из радио раздавался гимн Советского Союза, служивший всей стране сигналом к пробуждению, папа уже заканчивал с гимнастикой и завтраком. Чтобы не попасть под гантели, моя мать вставала, когда отец уже уходил. Она подбирала за ним треники, рубашку, ботинки, чашки и тарелки, приводила себя в порядок, пила кофе и тоже уходила на работу.

Я вставал последним. От двери дома до школы минут десять пешком, а занятия начинались только в половине девятого. Спокойный как Будда, я собирал учебники и тетрадки, надевал синюю школьную форму, спускался вниз и там поджидал школьных товарищей. К школе мы всегда шли небольшой группой, втроем или вчетвером, чтобы уберечься от приставаний старших школьников. К вечеру родители выглядели уставшими и вымотанными, ну а я спал много и хорошо.

Сегодня мы живем в перевернутом мире. Дети вынуждены вставать первыми, в полседьмого, а когда им надо к нулевому уроку, то и в шесть. Но вечерами, как правило, они не могут заставить себя лечь спать раньше полуночи. Они подолгу сидят в Интернете или в Фейсбуке или же смотрят онлайн сериалы про зомби. Наутро в шесть они сами похожи на зомби. С белыми как мел лицами, они шатаются по коридору на кухню и обратно, забывают вынуть хлеб из тостера и не могут доесть очищенный банан. Родители этих детей, то бишь мы, тоже, разумеется, встают, провожают детей до

двери, желают им хороших оценок и всяческих успехов и снова падают в кровать. Мы — люди свободной профессии, мы можем каждый день спать, пока подушка не треснет.

Чисто теоретически, естественно. Потому что по понедельникам и по пятницам в десять часов звонит телефон и строгий женский голос из школьного секретариата говорит, что я должен незамедлительно забрать сына из школы, ибо тот выглядит нездоровым, у него ужасно болит голова или расстройство желудка. Его мучает необъяснимая болезнь, у которой нет названия и постоянно разные симптомы. Будет лучше, если ребенок вернется домой. А к вечеру того же дня все недуги, к счастью, проходят, ребенок в прекрасном настроении и хочет гулять. Иногда страшные боли начинаются прямо с утра, еще до того, как ребенок отправится в школу, но они резко заканчиваются после моего звонка в школьный секретариат с уведомлением о неожиданном заболевании. Ребенок тут же чувствует себя лучше, он с аппетитом ест горячий суп и с наслаждением бьет баклуши.

Сердце мне подсказывает, что в этом нет ничего особенного. Типичные детские болезни, которым современная наука пока не нашла разумного объяснения: три дня температуры, один день головной боли, расстройство желудка на полдня. В молодых организмах все происходит быстрыми темпами; дети быстро заболевают, но и выздоравливают тоже быстро.

Но тут сердцу начинает возражать голос совести. Что это за таинственные болезни, которые возникают всякий раз по понедельникам и пятницам? — спрашивает совесть. Ведь заболевают не по календарю, а в зависимости от количества контактов с носителями вируса. Но ребенок в эти дни и на самом деле выглядит жалко, он не врет. И все же, я бы на твоём месте сверилась бы с учебным расписанием, настаивает

совесть. Ну я и заглянул в расписание. По понедельникам и пятницам у них латынь, один раз первым уроком, в другой раз аж нулевым, то есть ну очень рано. Возможно, этот замечательный древний язык и есть причина наших однодневных болячек. Ведь ребенок всегда честен со мной. Много раз он говорил, что ненавидит латынь, не хочет иметь с ней дела, латынь это гадость. А если человека перманентно заставлять делать то, чего он не любит, то ему действительно становится плохо.

Я попал в воспитательный тупик. Что я мог сделать, как помочь? Ведь нет никакой возможности получить освобождение от уроков из-за аллергии к латыни. Кроме того, обидно за предмет. Как бы мне хотелось иметь сына, изъясняющегося на латыни! Но стоило нам только приблизиться к этой теме, как у ребенка начинали дрожать губы.

— Я и так учу незнамо сколько всякой дури! — жаловался он недавно. — Меня постоянно пичкают знаниями, которые мне никогда в жизни не потребуются! Учю вот математику, хотя у всех давно уже есть калькуляторы в мобильниках. Или, например, географию, несмотря на то что изобретены навигаторы. Учю иностранные языки, хотя Гугл может перевести что угодно. Но так и быть, я это учу, я понимаю логику преподавателей — что будет, если калькулятор сломается, или навигатор откажет, или Гугл окажется в руках террористов и начнет выдавать неправильный перевод? Я учу всю эту ненужную ерунду как пчелка Майя и даже не жужжу. Но латынь?! Латынь мне ни к чему!

Ребенок решительно защищал свое право на бескультурье.

— Латынь, сын мой, это корень всей европейской культуры, мать всех языков, — попробовал я убедить его.

— Это, конечно, замечательно, я это признаю, — кивнул ребенок. — Но пусть мать всех языков идет туда, где ей место, а именно — в музей языков. Зачем втягивать меня в противоестественные любовные отношения с мертвым языком? Это ненормально! Это надругательство!

Ребенок все больше выходил из себя. Он встал в центре кухни, воздел руку с бутербродом и произнес патетически вибрирующим голосом:

— Будь так добр, объясни, где, в какой жизненной ситуации, на какой планете мне может понадобиться латынь?

— На нашей планете и в очень многих ситуациях, — начал я, — например...

Тут на кухне повисла пауза.

— Скажем, ты идешь в музей и хочешь прочитать надписи на экспонатах, но не можешь их понять, потому что все они на латыни, — неуверенно продолжил я.

— Там рядом будет перевод на немецкий или английский, — ребенок, смеясь, разделался с моим слабым аргументом.

— Зная латынь, ты можешь читать рецепты и таким образом контролировать, что тебе прописывает врач.

— Не могу! — осадил меня Себастьян. — У врачей такой почерк, что они и сами не могут разобрать, что написано в рецептах.

Ох уж эта молодежь! Она твердолоба и меркантильна. Самоирония не относится к числу их добродетелей, они мыслят рационально и во всем хотят видеть пользу. Учить старый язык просто так, только из-за того, что он прекрасен, — об этом не может быть и речи. Но я все же ни в коем случае не хотел проигрывать безнадежную битву за латынь и перешел к последнему аргументу:

— Представь себе, — сказал я многозначительно, — что летишь в далекую страну и познакомишься там с прекрасной девушкой, и ты ей тоже нравишься, но, к сожалению, она понимает только латынь. И что ты будешь делать?

Ребенок рассмеялся и миролюбиво уставился в потолок. Он даже не стал напрягаться, чтобы разбить такой аргумент в защиту латыни, настолько это было легко. Достаточно лишь сказать, что давно уже нет далеких стран и не существует симпатичных девушек, которые понимают лишь латынь. Но ему хотелось, чтобы такая нашлась, я прочитал это в его глазах. Как бы то ни было, но на следующий день, а это был понедельник, он превозмог головную боль и пошел в школу — к нулевому уроку.

Роль телевизора в жизни детей

Взрослые склонны приписывать детям собственные слабости. Ох уж эта молодежь, телевидение ее испортило, они больше не читают книг, — сетуют родители, которые сами часами просиживают перед телеящиком. На самом же деле телевидение как медианоситель больше не играет роли для подрастающего поколения. Своих героев и врагов молодые находят на улице или в Сети. Мои дети и раньше не много времени проводили перед телевизором, и никакие передачи надолго их не увлекали. В три года они смеялись над телепузиками, в десять они открыли для себя музыкальные клипы на MTV, затем в двенадцать лет они время от времени смотрели научно-познавательные передачи, в которых обсуждались жизненно важные вопросы: кто сильнее — кит или медведь? можно ли растворить стальную иглу в кока-коле? почему у человека нет глаз сзади и почему у него пять пальцев, а не шесть? Сам по себе телевизионный формат скорее нагонял на детей скуку, чем портил их. Продолжительный интерес они проявили только к Тому и Джерри. Из-за этих мультиков дочка даже захотела свой собственный маленький телевизор. Стоило коту и мышке исчезнуть с телеэкранов, как ее интерес к аппарату испарился.

Я думаю, что причина непопулярности телевидения среди берлинских детей в том, что у них слишком яркая, полная приключений жизнь, с которой телепрограммы конкурировать не могут. Самые заядлые и восторженные телезрители там, где жизнь за окном печальна и ничем не знаменательна. Как было,

например, в Советском Союзе или в Норвегии. Судя по рассказам моих норвежских друзей, у них было чуть ли не хуже, чем в моем социалистическом отечестве. Все ж таки в Советском Союзе вещали целых четыре канала, а у норвежцев первый собственный канал появился вообще только в 1982 году, и он долгое время оставался единственным. Тома и Джерри если и крутили, то лишь раз в неделю и не дольше пяти минут — в шесть утра. А потом часами шли новости сельского хозяйства и прогнозы погоды для нужд рыболовного флота. Днем на норвежском телеканале был перерыв, ибо телевидение не должно отвлекать людей от работы. Вместо передач на экране возникал большой белый круг, туго набитый черными и белыми квадратиками.

Вечерние программы норвежского телевидения составлял парламент, а утверждал их сам король. Вечерами по вторникам играла народная музыка. По средам передавали финскую телеигру, это самое печальное и душераздирающее зрелище, какое только можно себе представить. По четвергам и пятницам шли политические дискуссии о будущем страны и документальные фильмы из жизни лосей. В субботу вечером шла очень интересная медицинская передача о заболеваниях овец, которая в общем-то интересовала лишь овцеводов, но смотрело ее полстраны. Другая половина тихо возмущалась. Воскресенье принадлежало церкви. Приход цветного телевидения вызвал горячие парламентские дебаты.

— Уже одно то плохо, что этот грех существует, и нельзя допустить, чтобы он заманивал еще и цветом, — бушевали консерваторы.

Терзания норвежского телевидения резко закончились с открытием второго канала, на этот раз частного. Там не было перерывов в вещании. Круглые сутки на Землю являлись инопланетяне, морское чудовище уничтожало Японию, ковбои непринужденно

стреляли на скаку, а Том и Джерри гонялись друг за другом до глубокой ночи. Юная Норвегия застыла перед телеэкраном.

— Это закат нашего Старого Света, — полагали старики.

Как ни странно, страна отнюдь не пошла ко дну, а вовсе даже наоборот. Норвегия превратилась в прогрессивное новаторское общество. Том и Джерри заслуживают благодарности в виде памятника в Осло.

Похожим образом развивались события и на моей родине. Телевидением злоупотребляли, сделав из него орудие социалистического строительства. Если уж социализм не получался в реальной жизни, то на худой конец он должен был существовать в телевизоре. Но даже в телевизоре социализм не шибко функционировал. Телевизионное время текло гораздо медленнее, чем настоящая жизнь. Советские актеры и дикторы делали в текстах долгие паузы, а действие некоторых советских многосерийных фильмов годами не сдвигалось с мертвой точки. Это должно было успокаивать граждан, давать им понять, что все идет по плану и все будет хорошо — в свое время. Почти в каждой передаче картинку украшали маленькие или большие часы, они тикали, отсчитывая время. Весь Советский Союз отсчитывал время вместе с ними. Самые большие часы были на кремлевской башне, во всех других местах висели часы поменьше. Главная новостная передача страны называлась соответственно — «Время» — и выходила всегда ровно в 21:00. Лишь один раз она началась с трехминутным опозданием, и граждане уже чуть не прыгали с балконов, думая, что началась третья мировая.

Размеры Советского Союза вкупе со множеством часовых поясов усложняли соотношение времени и пространства. Ежедневно в 15:00 по Москве радио

передавало показания времени по всей стране, уже одно оповещение занимало пять минут:

«Внимание, вы слушаете показания точного времени, — докладывал серьезный женский голос. — В Москве 15:00, в Ашхабаде 19:00, в Новосибирске 18:00, в Хабаровске 22:00, в Пензе 17:30, на Сахалине 23:00, а в Петропавловске-Камчатском — полночь».

Будучи ребенком, я всегда пугался этого объявления. Очень меня беспокоила ситуация в Петропавловске-Камчатском, городе вечной полуночи.

В промежутках между новостями и сообщениями о времени по нашему телевидению шли спортивные передачи, фильмы о животных и балетные спектакли. Советские граждане могли выбирать между тремя каналами, а на четвертом за дикторским столом якобы сидел человек в форме и грозил пальцем. «Хватит переключать кнопки», — гласила надпись внизу. Когда умирал кто-то из членов политбюро, по всем каналам по нескольку дней передавали «Лебединое озеро», и так до тех пор, пока следующий старец не занимал место усопшего. После этого давали «Щелкунчика».

Недавно я читал интервью с одним американским дипломатом, десять лет прослужившим послом в Советском Союзе. По его словам, за десять лет, проведенных в России, он смотрел «Лебединое озеро» раз триста как минимум. Он мог во сне воспроизвести любой пируэт. А если это мог он, то советские граждане уж тем более. Поэтому мои соотечественники даже в преклонном возрасте хорошо танцуют и по-прежнему на первом месте в области балета. Если бы все советские люди в те времена вышли на улицы и в знак протеста против повседневного идиотизма исполнили бы танец маленьких лебедей, то режим точно пал бы раньше. Но они так и не осмелились, а все ждали, пока все пройдет и так, пока социализм сам по себе сойдет

на нет, и вот тогда все часы одновременно встанут или придут Том и Джерри.

Ничего из этого не сбылось, кроме, пожалуй, Тома и Джерри. Но, в отличие от Норвегии, в России они мало на что смогли повлиять. Вот уже почти тридцать лет они бегают по постсоветским экранам, но, увы, большого воздействия на российскую реальность не оказывают. Многие в стране теряют надежду. Они говорят, что Том и Джерри якобы американские агенты и что они несут ответственность за происходящее в стране — дескать, по поручению иностранных правительств и крупных концернов мышь и кот загипнотизировали всю страну. Пока Тома с Джерри не поймают, Россия вперед не продвинется.

Как уже говорилось, в Германии телевидение уже не играет роли в жизни детей. Себастьян использует телящик исключительно для того, чтобы подключать игровую приставку Sony, а Николь пожертвовала свой маленький телевизор голодающим детям Африки. Теперь Том и Джерри будут нести удачу в Африку.

I can't get no satisfaction

Бывают такие песни, что увязываются за человеком на всю жизнь. С самого детства меня преследует вечный плач британской молодежи «*I Can't Get No Satisfaction*». В Советском Союзе это была одна из первых песен, пришедших с Запада и не попавших под прямой запрет. Возможно, советская цензура посчитала, что раз уж английская молодежь, обладающая столь сладкими голосами, не находит удовлетворения в Англии, это можно рассматривать как явный случай антикапиталистической критики. Позднее в армии у нас была пластинка с этой песней, ее ставили вместо будильника. Мой сосед в Берлине играет эту мелодию на кларнете, удочки она в смартфоне, а если я включаю радио, то велика вероятность, что там будут передавать именно «*Satisfaction*».

Подозреваю, что эта песня будет преследовать меня до последнего вздоха. «Роллинг стоунз» пели ее, когда меня еще вообще не было на свете. В то время отец как раз познакомился с моей матерью, и они подумывали о женитьбе. Вообще-то они не хотели жениться. Оба были в высшей степени недовольны своей жизнью и не верили, что свадьба принесет им удовлетворение. Тем временем мне уже почти полсотни лет, папы давно нет на свете, а «Роллинги» так и не смогли найти удовлетворения. Я задаюсь вопросом — если поиск длится так долго, то есть ли в нем вообще смысл?

Один из моих друзей, который, будучи по профессии фотографом, имел возможность неоднократно фотографировать «Роллингов», рассказывал мне, что они все же выглядели весьма довольными, а недовольными лишь притворялись. Потому что в музыкальном бизнесе долгожительство возможно

только в случае, если ты недоволен, воспеваешь несовершенство и славословишь недостатки. В этой области деятельности довольные идут ко дну, как мрамор, камень или железо. Святоши, таскающие в рюкзаках вечные ценности, живут недолго, потому что удовлетворение это тупик. Все друг друга любят, держатся за ручки, бегают по утрам — а вечером они мертвы. Я уверен, что «Роллинги» здравствуют, пока они поют и любят эту одну-единственную песню. Это их молитва, их средство защиты самих себя и нас всех от слишком скорого удовлетворения.

С некоторых пор обнаружилось еще одно музыкальное произведение, которое меня преследует, на сей раз это «Раммштайн». Начиналось все вполне безобидно. Сначала, еще в России, эту мелодию мне пропел в самое ухо директор одного музея; потом полицейский насвистывал ее в ресторане, а мой сын злословил на тот счет. Кульминационный момент моего знакомства с творчеством «Раммштайна» случился на нашей даче в Бранденбурге. С бутылкой вина, я ходил туда-сюда под вишней моего соседа Гельмута. Я только что прочитал книгу о гностиках и об их влиянии на развитие христианства и вообще всей религиозной мысли в Европе. Гностики исходили из того, что все время мира — это время, взятое взаймы. Его невозможно ни воспроизвести, ни оставить про запас, и заканчивается оно быстрее, чем человек предполагает, и ни один бог тебе не поможет. Я усиленно размышлял над этой увлекательной темой.

— Ты! — раздалось вдруг откуда-то с неба. — Ты ненавидишь меня!

— Нет! — сказал я настолько истово, насколько смог, остановился и посмотрел вверх. На солнце напозло темное облако.

— И все же — ты ненавидишь, ненавидишь меня, — сказала облако.

— Никого я не ненавижу, — ответил я, — это полный вздор.

В этот момент я заметил, что голос идет не с неба, а раздаётся из кроны вишневого дерева, а точнее из небольшого плеера, закрепленного на вишне. Слава богу, я не сошел с ума. Но я все же не был готов к беседе с говорящими вишнями. Быстрыми шагами я вернулся в дом и для начала выпил рюмку коньяка. Чтобы нервы успокоить. Некоторое время спустя пришел сосед и принес в подарок ведерко, полное вишни. Я рассказал ему о своих акустических галлюцинациях. Гельмут рассмеялся и рассказал, что только благодаря «Раммштайну» он смог сохранить урожай вишен. Он давно искал способ отгонять птиц от дерева. Ничто не помогало. Пока не возникла мысль использовать старый CD-плеер в качестве своего рода акустического огородного пугала. Гельмут закрепил плеер на дереве и потом долго экспериментировал с музыкой всяких жанров, пока не нашел верную. Рок-н-ролл не оправдал ожиданий. Хеви-метал отпугивал птиц только в первые минуты. Народная музыка птицам даже понравилась. На шлягеры они слетались отовсюду, а при звуках песни «Мрамор, камень и железо» они гадили как ненормальные. В общем и целом музыка не шибко впечатляла птиц, и уж тем более не пугала. Гельмут уж готов был сдаться, и тут сын принес ему диск «Раммштайна». С тех пор ни одна птица больше не подлетала к дереву. Так Гельмут, пенсионер со стажем, стал страстным фанатом «Раммштайна».

Мы сидели на дачной веранде, с вишнями и коньяком, и слушали «Раммштайн» прямо с дерева. Затем я позвонил детям в Берлин. Если верить Николь и Себастьяну, дома бесились кошки. Но дочь уверяла, что все в порядке, что они с подругой Анитой сидят на кухне и завтракают. На заднем фоне было слышно, как

кто-то кашляет и бурчит низким голосом, и явно не голосом Аниты. Или все же ее? Может, девочка подавилась мюсли?

— Все хорошо, папа, — повторила дочка с интонацией гипнотизера, — нет причин волноваться, и не надо приезжать, это наши кошки кашляют. Теперь они все быстро съедят и уйдут.

Это множественное число, это вечная неизвестность!

— Кто это — они? — настаивал я. — Скажи правду, кто там у тебя?

— Анита и кошки, — упорно повторяла дочь. На заднем фоне раздалось громкое доверительное «мяу». — Если соседи будут жаловаться на громкую музыку, то это были кошки, они играли с компьютерной мышкой и случайно прибавили громкость звука. Ведь такое может случиться, не так ли?

— Разумеется! — подтвердил я.

— Мы заметили это слишком поздно, — продолжила дочь. — Большой горшок с цветком, что на холодильнике, опрокинулся и лежит на полу. Это не мы, это, к сожалению, опять кошки натворили.

После этого разговора я был сильно зол на кошек. В последнее время они что-то совсем распоясались. Они вылакали бутылку хорошего коньяка, что была дома, выкурили мои сигареты и загрузили на мой лэптоп идиотские игры. И еще, кажется, они научились открывать и закрывать дверь холодильника. Кошкам нравится пицца Дьяболо, но вот только им не по вкусу вяленые помидоры и они их с пиццы предварительно скovyривают.

Я думаю, нам всем пора к ветеринару.

Старый мормон всегда прав

Мне кажется, что сегодняшний Берлин это нечто вроде современного Вавилона, но без башни. Здесь собираются люди со всей Европы, чтобы не делать ничего. По городу слоняются толпы молодежи, причем не только в выходные дни. На многочисленных стройках остановились работы. Возможно, когда-нибудь все здешние котлованы превратят в дискотеки или в кафе. К Вавилону начинают готовить уже со школы. Мои дети учат по пять языков, и когда они вырастут, то смогут уболтать всю Европу. Школьное руководство посылает учеников начиная уже с девятого класса в другие страны, дабы жизни они учились на чужбине.

Вот и три подружки моей дочери летали в прошлом году во Францию в рамках немецко-французского школьного обмена. Они посетили город Лион, а точнее — специальную школу, где юных французов уже с начальных классов потчуют немецким языком. По мнению преподавателя, моя дочь недостаточно хороша во французском, в поездку ее не взяли, и она всей душой завидовала подругам. Девушки вернулись через две недели несколько разочарованными. Французы знают немецкий лучше, чем немцы французский, рассказывали подружки, но по сути они сильно отстали и в пятнадцать лет выглядят как двенадцатилетние берлинцы. Кроме того, у французов нет никакого представления о хорошей музыке, они слушают Шакиру и Бритни Спирс и не переносят ни капли алкоголя. Двадцать гостей на молодежной тусовке в Лионе обошлись пятью банками пива, через час все, наклюкавшись, лежали под столом.

Неудивительно, что они так отстают в развитии, хором утверждали девушки. Ведь, в отличие от

Берлина, в Лионе у молодежи практически нет возможности тренировать устойчивость к алкоголю, у них вообще практически нет доступа к сигаретам и спиртному. В Берлине немецкий школьник желанный гость в любом дежурном магазине, где можно купить пиво в поздние часы, а в Лионе вообще нет ни одной круглосуточной лавки. Там запрещено эксплуатировать труд человека вне рамок рабочего времени. Это неудивительно: в XIX веке Лион стал колыбелью европейского рабочего движения. Знаменитое восстание рабочих шелкоткацкой мануфактуры в 1831 году даже вошло в советские учебники по европейской истории, где ему отведена целая глава. Лионские ткачи боролись против гнета работодателей, за лучшую оплату труда и разумное рабочее время. Их борьба оказалась успешной хотя бы уже потому, что ни одна капиталистическая свинья больше не хотела связываться с лионским рабочим движением. Фабрики закрылись, производство шелка эмигрировало, должно быть, в Китай. С XX столетия в Лионе и не ткут, и ночами не торгуют. Ткачи, вероятно, еще как-то приноравливались, а их потомки уже не выносят алкоголь. Без необходимости ежедневно бороться против угнетения и отстаивать свои права, как это делают берлинские школьники, лионцы, видимо, изнежились.

Хотя мою дочь удивляло, что французы столь по-детски наивны, она все же догадывалась, что не все, что рассказывали подруги, есть чистая правда. А правда рано или поздно обязательно себя проявит.

Школьный обмен предполагает, что хозяин дома с принимающей стороны через какое-то время приедет в гости к тебе. И не прошло и года, как пять французов из Лиона прибыли в Берлин. Днем у них была напряженная экскурсионная программа по городу, их, в частности, таскали к Берлинской стене и в музей «Топография

террора». А вечерами девушки показывали зарубежным гостям настоящую берлинскую ночную жизнь. Хотя подружки — девушки рослые, но шестнадцати им еще не было и им нужна была моя маленькая дочка. Только она обладала волшебным удостоверением и имела право покупать в молодежных клубах пиво на всю шайку. Молодежный клуб, что в нашем районе, стар и уродлив. Именно здесь еще родители нынешней молодежи, а в некоторых случаях и бабушки с дедушками, выпили свое первое пиво и впервые целовались. Они и сегодня время от времени туда заходят, ибо в глубине души не хотят верить, что постарели. Конечно, вслух они этого не произносят, прибегают к отговоркам. Говорят, к примеру, что им нужно в молодежный клуб, чтобы проконтролировать детей или внуков или, скажем, потому что они хотят знать, какая музыка нынче в моде.

А в клубе звучит, по сути дела, саундтрек будущего. Эта музыка пуглива как серна. Она не светится в хит-парадах, ее не пестуют крупные музыкальные концерны, ее не играют на стадионах и на больших дискотеках. Настоящую музыку не услышать по радио и по телевидению. Она возникает только в головах юных посетителей клуба в тот момент, когда на сцену выходит любимая школьная группа. В клубе бурлит завтрашний мир, и школьные музыканты идут на сцену не для того, чтобы зарабатывать деньги, не для того, чтобы повышать свой рейтинг или нравиться бабушкам. Они идут на сцену, чтобы показать миру: мы здесь! Мы те, что надо, а все, что были до нас, — не те.

В каждой школе есть своя крутая группа, пользующаяся любовью, хотя музыканты не имеют целью кому-то понравиться, и носят группы обычно сверхдлинные, высокопарные, многозначительные и при этом непонятные названия. В моей школе, например, пели «Танки индийского султана», а мой друг

Юрий основал группу, которая называлась «Нелегальный переход государственной границы». В школе моей дочери самая крутая на данный момент группа носит название «Старый мормон всегда прав». Дочка практически лично знакома со всеми ее участниками. Бас-гитарист «мормонов» крутил роман с бывшей подругой подруги моей дочери по начальной школе.

Французам повезло. Когда их впервые привели в молодежный клуб, там играли «Старые мормоны» и контора трещала по всем швам. Во время концерта лионские школьники повстречались с другой группой из Франции, тоже приехавшей по обмену; та, вторая, группа состояла в основном из девушек. Берлинские ребята хотели их между собой свести, на что «наши» французы сказали: «Нет! Мы приехали в Германию и хотим общаться с немецкими телками. Француженки нам безразличны».

Затем французы быстро устали. «Старый мормон» играл ну очень громко, и к тому же французы уже выпили одно пиво на пятерых. Молодежные тусовки заканчиваются быстро — молодые люди, как золушки нашего общества, должны отгулять до полуночи. После полуночи все шестнадцатилетние, не улегшиеся в постель, увы, превращаются в тыквы. Это доказано эмпирическим путем. Поэтому без десяти двенадцать клуб опустел, девушки унесли французов домой, а персонал собирал по углам запрещенные крепкие напитки. И только «Старые мормоны» продолжали отрываться на сцене, пусть даже без звука и света. Им определенно не хватило короткого вечера. Персонал снисходительно наблюдал за ужимками группы, ибо «Старые мормоны», как это здесь всем известно, всегда правы.

Ода глупости

«Книга — источник мудрости», — гласила надпись возле двери в нашем классе. Учительница литературы поначалу меня любила. Во-первых, потому что она когда-то работала вместе с моей мамой в одном институте, а во-вторых, потому что я много и охотно читал. Делал я это исключительно со скуки, я отнюдь не собирался таким образом умнеть. Люди, считающие себя умными, в моих глазах были идиотами. Это они привели мир в плачевное состояние, да так, что немногочисленные умные теперь и не знают уже, что делать. Если мир и можно еще спасти, то только силами глупцов, так я себе тогда нафантазировал. И находил этому подтверждение в русской классической литературе.

Уроки литературы в нашей школе были, разумеется, организованы в соответствии с принципами планового хозяйства. Все мы дома читали одну и ту же книгу, примерно в течение месяца учительница нам разъясняла, что на самом деле имел в виду автор, а в конце месяца мы писали сочинение на тему этого произведения. Если верить учителям, то в каждой русской книге речь велась об угнетении. Тема сочинения по роману Достоевского «Преступление и наказание» звучала так: «Дилемма бедного студента: тварь ли я дрожащая или право имею?» В своем романе Достоевский показал, как в царской России угнетают одаренных студентов из бедных семей. Студенты жаждали знаний, но не могли платить за обучение. Чтобы финансировать учебу, в этой безвыходной ситуации некоторые из них были вынуждены убивать старух. И только социалистическая революция принесла людям равноправие и освободила бедных студентов от

горькой необходимости рубить старых женщин. Начиная с 1917 года образование у нас бесплатное. Студентов учат безвозмездно, а старушки получают пенсию.

За Достоевским следовал Толстой с его «Войной и миром». Одноклассниц интересовали преимущественно любовные интриги мирной части. Меня и моих друзей интересовала прежде всего война. Кого колышет, кто в итоге завоюет сердце Наташи? Нас привлекали великие битвы ушедших времен, пушки в пороховом дыму и все такое. Тема сочинения гласила: «Освободительная борьба русских партизан против французской армии». Учительница выдвигала тезис, что победа над Наполеоном укрепила самосознание русского народа. Справившись с чужеземным императором, народ направил вилы против собственного царя и освободился от ига монархии. Это подтвердил Ленин в своей статье «Лев Толстой как зеркало русской революции».

В конце учебного года мы коротко коснулись чеховского рассказа «Толстый и тонкий». Здесь речь шла об угнетении царским режимом маленького человека, а затем неминуемо следовало его освобождение революционными солдатами, рабочими и крестьянами; Чехов, правда, этого не описывал, но наверняка подразумевал. Потом мы перешли к советской литературе. Я перестал читать книги по плану и бойкотировал все, что предлагалось на уроках. Я сильно сомневался, были ли во всей этой русско-советской литературе вообще хоть какие-то произведения, не описывающие угнетение маленького человека и его освобождение благодаря рабочим и крестьянам. Моя дружба с учительницей литературы на этом закончилась. Даже то, что она хорошо знала мою мать, ничего изменить не могло. И хотя уже тридцать лет как я закончил школу и с тех пор прочитал много

книг, я до сих пор подсознательно в каждой русской книге ищу следы рабочих и крестьян.

В капиталистической Америке, бывшей в те времена нашим противником, уроки литературы наверняка были организованы подобным же образом, но только наоборот. Может быть, там маленький человек и бедный студент постоянно подвергались террору со стороны рабочих и крестьян. К сожалению, я никого не знал в Америке, чтобы проверить свою теорию. Когда я, будучи уже взрослым, поехал с семьей в Америку, американские тинейджеры рассказывали моей дочери про их школьные уроки чтения: раз в полгода они получали список из десяти книг для обязательного чтения, а еще десять должны были прочитать по собственному выбору. Все равно, когда и где они читают эти книги, главное, чтобы смогли на уроке рассказать содержание. Киноверсии, к сожалению, не засчитывались, чтобы школьники вместо чтения не ходили в кино. Я думаю, это были все пустые хлопоты. Современного человека все равно никак не заставить читать, если он не хочет. Каждый может быстро найти в Интернете содержание десяти обязательных книг, а десять книг по выбору выдумать во время урока.

В Германии на уроках литературы никто не жульничает. Литературу там читают громко и четко вслух, дабы никто не филонил. По крайней мере, в школе моей дочери это происходит именно так. Один год — одна книга. Весь год класс читает только «Фауста», историю человека, который хотел выглядеть тем умнее, чем больше глупостей совершал. По словам дочери, в начале каждого урока учительница каким-то особо визгливым голосом вызывала одного из учеников, и он должен был в течение первого часа занятий читать отрывки из драмы. На втором часе учительница устраивала дискуссию о прочитанном.

— Что вы запомнили из только что зачитанного отрывка? — бодро спрашивала учительница. — Вам ничего не напоминает история соблазнения Гретхен и убийство ее брата Валентина? Нет? Но это же точно как случай из последнего «Таторта»^[15], где действие происходит в Сааре, когда этот афганский студент оказывается во внеурочное время не в том месте и видит свою сестру в объятиях незнакомца. Он вмешивается, и его убивают. Вы не находите, что эта последняя серия имеет удивительное сходство с только что зачитанным актом из «Фауста»?

В классе сокрушенное молчание. В непонимании школьники качают головами. Они давно знают учительницу, и им известно, что у нее заскок на «Таторте». Она фанатеет от этого бесконечного сериала, не пропускает ни одного выпуска и знает следователей и комиссаров со всей Германии по именам и фамилиям. «Таторт» передают по воскресеньям. Первым уроком в понедельник немецкий. Так что неудивительно, что любой акт из «Фауста» напоминает учительнице о любимом сериале. Ученики же не смотрят «Таторт», это не круто. И разумеется, они не в состоянии осмыслить терзания Фауста. Я так думаю, что в их воспоминаниях Фауст навсегда останется неотесанным комиссаром из «Таторта», который вечно опаздывает и оказывается не в том месте, от которого безнадежно ускользают преступники и который всегда стремится делать добро, а выходит все наоборот.

Жизнь есть жизнь

Особенности русского бытия породили ряд странных и забавных явлений, ныне считающихся фольклором, как, например, бесконечно долгие сибирские походные песни. Одной такой песни может хватить, чтобы под нее пересечь полмира. К прочим странным изобретениям можно отнести деревянные ложки и свистульки, их виртуозно используют в качестве музыкальных инструментов. Или огромные деревянные беременные куклы, в которых прячутся беременные куклы поменьше размером. Но мне кажется, самым ненормальным изобретением, откровенно выбивающимся из этого ряда, является водка под названием «Белочка». Здесь нужно знать, что белую горячку в народе называют белочкой. Водку марки «Белочка» с ухмыляющимся грызуном на этикетке и надписью «Я пришла» давным-давно я получил в подарок от одного моего соотечественника. Бутылка полгода стояла на кухонном шкафу, торжественно и угрожающе взирая на нас сверху. Из уважения к грызуну я эту водку не пил и гостям не предлагал. Однако в прошедшую Пасху бутылка опустела за одну ночь. На Пасху мы намеревались поехать на дачу под Бранденбургом, но дети не хотели ехать с нами.

— Только картофельные дети уезжают на Пасху из города, — просветил меня всезнающий сын. И для пущего убеждения добавил: — Все нормальные люди остаются в Берлине.

Благодаря сыну я в курсе современных веяний в немецком языке, он хорошо и терпеливо объясняет. От него я узнал, что картофельные дети — это кровные чада немецких родителей и все они на Пасху уезжают к своим бабушкам в Нижнюю Саксонию. Так называемые

рисовые дети, то есть дети из вьетнамских семей, и водочные дети, то бишь русские, остаются дома, из-за чего город становится небезопасным. Мне было также любопытно, как на этом урбанистическом сленге называют негритянских детей, но я не решился спросить. Из-за одного только вопроса сын с ходу обвинил бы меня в расизме. Из всей семьи только моя теща имеет право говорить на подобные щекотливые темы. Она из другого мира, из российской сельской местности, там люди еще могут питать иллюзии. К тому же она говорит только по-русски, так что не может обидеть тех, кто этим языком не владеет.

Темнокожие друзья сына очень любят русскую стряпню моей тещи и часто у нас столуются. Особенно они любят блинчики.

— Ну что, вкусно? — радовалась недавно теща.

И добавила задумчиво:

— Теперь вы можете рассказать всей Африке, каковы на вкус русские блины.

Сын чуть не уронил блинчик с вилки. Он подавился и стал красным как помидор. Но, по счастью, его друзья русского не знали, вот почему у тещи карт-бланш и она может говорить что хочет.

Во время пасхальных каникул дети полностью перешли на ночной режим жизни, спать ложились всё позже и всё позже вставали — и так до тех пор, пока день и ночь не поменялись местами, как у графа Дракулы и ему подобных. Днем они спали, ночью одевались, прихорашивались и расходились по вечеринкам. В пасхальный понедельник мы, наконец, оставили их одних и под свою ответственность уехали в Бранденбург. Первое, что я увидел, вернувшись на следующий день, была пустая бутылка из-под «Белочки». Точнее говоря, полупустая; она стояла на шкафу, а грызун нагло подмигивал. При мысли о том,

что мои водочные чада выпустили белочку из бутылки, мне стало дурно.

— Что вы волнуетесь по таким пустякам! — удивилась дочь. — Не пили мы вашу водку, у нас гости были.

Итак, в гостях здесь побывали семеро картофельных детей, вернувшихся от бабушек из Нижней Саксонии. Христос воскрес, так что они посмели вернуться. У нас дома они смешали легкий коктейль по рецепту из закона о защите молодежи. Мои дети забавы ради просто стояли рядом, а спать пошли даже раньше обычного, то есть еще четырех утра не было. Николь собиралась прямо на следующий день пойти и купить нам бутылку водки.

— Здесь в любом магазине продадут несовершеннолетнему, — заверила она, — надо только правильно попросить.

Но по пути ей стало ясно, что такого странного продукта, как водка «Белочка», в Германии вообще не купить. А другой сорт она не хотела переливать в нашу бутылку. Я мог лишь дивиться дерзости молодого поколения. Эти дети по опыту знают, что в оборонительной войне против родителей при определенных обстоятельствах правда это лучшее оружие, чем ложь.

— А в общем, не пугайтесь вы так, — сказала Николь, взирая на нас пристально и строго. — Разве, когда вам было по шестнадцать, вы никогда не заимствовали бутылки у родителей, а? В этом возрасте такое все делают! Разве не ты, папа, рассказывал, как ты однажды наполнил отцовскую бутылку из-под водки водой?

Неуклюжая правда молодого человека не менее убедительна, чем умная ложь взрослого, я так думаю. И ничто так не окрыляет молодых людей, как правда.

— Содержимое вашей бутылки не разбавлено, и она все еще наполовину полная. Вы можете гордиться своими детьми! — добавила Николь с глубоким убеждением.

После долгого дня на даче мне не хотелось вести глубокомысленные беседы о том, была ли бутылка наполовину полной или наполовину пустой, и я отступил. Вечером дочка выглядела сильно уставшей.

— Сегодня ночью опять вечеринка, — сказала она, — а я в последние три дня почти не спала. Каждой ночью что-то происходит.

— Ну иди тогда сразу спать, — велела ей мать.

— Может, ты и права, — задумалась Николь, зевнула и принялась краситься. Десять минут спустя она надела свои мартенсы и красный кожаный пиджак — и вот она готова к выходу.

— Ты же хотела спать, — удивилась мама.

— Ах, мама, — сказала Николь. — Я хочу жить.

К вопросу о том, что хотел сказать автор

Нелегко приходится детям, если их папа писатель. Что бы они ни сказали и ни сделали, все может быть записано, а затем прочитано друзьями и знакомыми. Особо любопытные друзья часто желают знать, так ли было на самом деле. «У тебя и правда была плюшевая игрушка по имени Дино?»

Был в России один знаменитый детский писатель. Однажды он написал смешной рассказ о том, как сын выбросил из окна кашу; это была гениальная придумка, чтобы обмануть родителей, сделав вид, будто он ее всю съел. Родители и в самом деле ничего не заметили и радовались хорошему аппетиту ребенка. Но только радость длилась минут пять. Затем в дверь постучал милиционер: оказывается, каша попала на голову дяденьке, который как раз шел фотографироваться.

Рассказ имел на моей родине огромный успех. Сын писателя подрастал, то и дело менял школы, и в каждом новом классе товарищи и учителя интересовались, действительно ли он выбросил кашу из окна. Позже он пошел учиться в Литературный институт — он хотел стать писателем, серьезным писателем для взрослых. На вступительном экзамене председатель комиссии смеялся:

— Так это вы, значит, тот, кто выкинул кашу из окна!

Первая любовь не говорила ему «да» до тех пор, пока он не рассказал ей всю правду, как это на самом деле было с кашей. Шли годы, у него появились дети, а затем внуки. Отец-писатель давно умер. Но книги его продолжали жить, и даже правнуки того писателя

продолжали спрашивать своего отца про проклятую кашу. Каша к завтраку стала для него злым роком. А ведь на самом деле он ее вовсе не выбрасывал, а спустил в унитаз. Но для хорошего рассказа папе этого было недостаточно.

Мои бедные дети вынуждены даже в школе учить рассказы своего папы. Я тут ни при чем. Много лет назад одна абсолютно непримечательная новелла из моей книги о Шёнхаузер-Аллее^[16] попала в учебник по немецкому языку для 8-го класса, а конкретно в главу «Учимся читать. Интерпретации коротких рассказов». В новелле все время идет дождь. Вьетнамская девочка стоит в глубокой луже и молчит. Один за другим подходят люди и останавливаются возле лужи. Они гадают, не заблудилась ли она и не нуждается ли в помощи. В рассказе долго ничего не происходит. Но в конце повествования девочка высоко подпрыгивает в луже и обрызгивает всех, кто стоит возле нее, дьявольски смеется и убегает. Граждане в растерянности. Возможно, есть в этом сюжете что-то общечеловеческое, потому что похожая история рассказывалась в знаменитом детском киножурнале «Ералаш», тогда как я лично наблюдал ее на берлинской улице.

«Резюмируйте краткое содержание рассказа и обсудите между собой, какое предложение точнее всего передает его суть. Напишите одним предложением, что именно хотел сказать автор».

Мой сын пришел домой сердитым. Битых два часа класс мучили интерпретацией моего рассказа.

— Мальчикам твой рассказ не нравится, — сказал он. — Они любят читать Мураками или Терри Пратчетта. У этих легко найти ключевое предложение, суть повествования ясна. Ну а ты? Ты можешь мне объяснить, с чего бы это девочка выпрыгивает из лужи?

Мальчики поручили мне спросить у тебя, какую мысль ты хотел донести этим рассказом и вообще есть ли в нем какая-то мысль?

Вопрос застал меня врасплох. Полночи я раздумывал над мыслью этого и вообще всех своих рассказов. Признаюсь — она мне тоже недоступна. Виноваты в том Адам и Ева. После того как они позавтракали под деревом познания, человек больше не может толком различать добро и зло, смысл и бессмысленность. После того грехопадения добра в чистом виде на свете больше не существует. Хорошее и плохое перемешались между собой. Пока Адам и Ева не вкусили плода с дерева познания, они жили в мире, где все было четко определено. Раньше Бог давал им ясные указания, что хорошо, а что плохо. Слева находится хорошее, справа — плохое. Но яблоко внесло сомнения, действительно ли зло это всегда плохо или оно иногда может способствовать добру. А насколько добро хорошо само по себе, это тоже еще надо проверить. Теперь всем нам стоит больших хлопот отделять зерна от плевел, смысл от бессмыслицы.

Трудно понять, какова ключевая мысль рассказа. В нынешние времена ясных ответов можно ожидать только от мошенников и дураков. Учебник немецкого языка для 8-го класса ставит вопрос, хорошо или плохо поступила вьетнамская девочка, выпрыгнув из лужи. Дорогой учебник немецкого языка для 8-го класса! Не спрашивай меня об этом. Я всего лишь описал сценку, что наблюдал однажды на Шёнхаузер-Аллее. Я не думал о том, что вскоре восьмиклассники будут мучиться вопросом, что девочка хотела этим сказать. И никто этого не узнает, пока сама девочка не расскажет.

Похитители

— Завтра мне исполняется пятнадцать, — вздохнул Себастьян, — я чувствую себя ужасно старым. Что нового может еще со мной произойти? С этого момента все пойдет под гору. Что может предложить мне жизнь, чего у меня еще не было?

Я слушал его, но не мог постичь его тревоги. Я в три с половиной раза старше его, и со мной каждый день происходит что-то новенькое.

— Начни писать мемуары, — посоветовал я, — мемуарная литература всегда пользуется спросом. У меня уже есть хорошее название для твоей книги — «Когда мир еще был в порядке: 1999. Рожденный на излете тысячелетия».

Ребенок казался действительно расстроенным, прямо накануне своего дня рождения. У меня иногда тоже такое бывает — вдруг после ужина на какой-то момент теряется смысл жизни. Но родители в конце концов для того и существуют, чтобы пичкать подрастающее поколение всякими умностями.

— Мой дорогой сын, — сделал я заход и посмотрел Себастьяну в глаза. — Люди, которые думают, что мир должен постоянно предлагать им какие-нибудь приключения, рано стареют. Но если для них главное в жизни это давать, а не брать, они остаются вечно молодыми. Почему ты думаешь, что мир должен тебе что-то предоставлять? Предложи ты что-нибудь миру. И ты увидишь, как твоя жизнь неожиданно приобретет новые краски!

— Не могу больше слушать твои псевдомудрости, — отозвался сын.

В общем-то мы никогда не ссоримся. У нас взаимопонимание, мы вместе ходим в кино и даже

музыку слушаем вместе.

— Все эти русские песенки, — продолжал ворчать Себастьян, — их слушают только двинутые головой и сильно выпившие люди.

Мне тоже не очень нравится его любимый рэпер Пинкельпринц. У него дебильно-хамский детский голос, и он не может толком срифмовать даже две строчки. А воспевает все время одно и то же; все его песни это жалобы торчков на любовные неудачи, будто в мире нет ничего более увлекательного. Я Себастьяну уже много раз говорил, что его рэп с бородой.

— С какой еще бородой? — взвизгивает он. — Слушай, па, хватит употреблять эти устаревшие выражения! Борода! Так теперь никто не говорит.

«Никто» — для него это никто из тех, кому четырнадцать. Те, кто взрослее, не в счет.

— Я сам хорошо знаю, что можно говорить, а что нет, — возразил я. — В конце концов, я известный писатель.

— Никакой ты не известный писатель, тебя никто не знает, — разошелся сын. Под «никто» здесь опять подразумевались те, кому по четырнадцать.

— И все же я писатель, — защищался я. — На мои выступления приходит много молодых людей, школьники приходят, и даже маленькие дети, младенцы и собаки!

— Но большинство из них вскоре уходит, самое позднее в четверть одиннадцатого, потому что в 23:00 в домах престарелых закрывают двери, — упражнялся в остроумии сынуля.

У нас нередко случаются подобные бодрящие перепалки, но они не наносят ущерба нашей большой любви, даже наоборот. Молодое поколение нуждается в родителях зачастую именно для того, чтобы доказывать миру и самим себе, что родители им вовсе не нужны. Дети каждые пять минут заглядывают в мой кабинет,

чтобы поспорить, посмеяться, показать свои музыкальные новинки или похвалиться мускулами, полистать старые книги на полке или просто чтобы им пощекотали пятки. Присутствие па и ма очень важно, даже если порой они ведут себя неуместно или бесчувственно. С па лучше не шутить, когда речь идет о его так называемой литературе, а ма может быть не шутку строга, если кто-то усомнится в ее музыкальном вкусе. Но без ма вообще никак. «Где ма?» — кричат дети, стоит им вернуться из школы. Где она? Маме нигде не спрятаться, ее вытащат из кухни, оторвут от цветов на балконе, выудят из ванны. И все усилия ради одного лишь вопроса — «Можно я возьму твое зеркало?»

Отношения детей и родителей амбивалентны. С одной стороны, подрастающее поколение смотрит на родителей критическим взглядом и мечтает о свободной квартире, где нет родительского надзора. С другой же, дети хотят, чтобы родители были где-то рядом все 24 часа в сутки, в качестве своего рода гигантского светильника в тылу, который летом дает тень, а зимой дарит теплый свет. Дети ориентированы на семейные ценности. Однажды, после того как мой сын совершил серьезный проступок и получил за это серьезный нагоняй от ма и па, он сказал, что никогда так больше не будет поступать, потому что это «разрушает нашу семью». Мы были очень тронуты. От друзей я знаю, что дети в разведенных семьях особенно остро реагируют на обоих родителей. Мне рассказывали, как ребенок от прежнего брака своей ревностью доводил нового друга матери до белого каления. Другого моего знакомого, трижды папу, старший сын от первого брака при каждой попытке повоспитывать посылал к его новому чаду. А еще один папа рассказывал, что с тех пор, как он какое-то время

не спал дома, дочь стала перекладывать на него ответственность за свои неудачные романы.

Самая нелепая история из этого ряда случилась в семье моих знакомых с их почти совершеннолетним сыном Бирком. Родителям не хватало взаимной любви и уважения, и они разошлись. Задним числом всегда трудно сказать, что было причиной разрыва, возможно, у них были слишком высокие ожидания? Сыну очень подходило его имя^[17]. Сначала я даже подумал, что ослышался и его на самом деле зовут Дирк, а не Бирк. Но нет. Не знаю, что дернуло родителей дать сыну такое деревянное имя... впрочем, почти все модные ныне имена режут мне слух. В классе моего сына есть, например, один Борвин, один Тор и один мальчик по имени Друг^[18].

Бирк учился в одиннадцатом классе, когда его родители развелись. Пока они были вместе, воспитанию Бирка они уделяли мало времени. Но стоило им разойтись, как началась самая настоящая битва на поле воспитания. Бирк должен был в выходные ночевать то у одного, то у другого родителя. При этом ему в общем-то жилось неплохо, он получал на карманные расходы в двойном размере, а за плохие отметки родители возлагали ответственность не на него, а друг на друга.

— Лень он унаследовал от тебя! — утверждала мать.

— А плохим характером он в тебя, — парировал отец.

Умного дитя, что был двухметрового роста, но тощим как жердь, родительская схватка раззадоривала, но он отнюдь не принимал родительское внимание за чистую монету. В глубине души он понимал, что родители его используют, чтобы сделать больно друг другу.

Однажды во время отцовских выходных Бирк не пришел ночевать к папе. Тот был чуть ли не в бешенстве, он подозревал, что мама Бирка удержала сына каким-либо вероломным трюком. Папа весь кипел, но из гордости не хотел звонить маме. Зато на следующий день позвонила мама с вопросом, где застрял Бирк и почему не явился домой. Ребенок исчез. Родители тут же пошли в полицию и заявили о пропаже. Полиция опубликовала два фото — одно от папы, одно от мамы. Полицейские настраивали родителей на оптимистический лад и всячески обнадеживали. Такой большой юноша уж не потеряется, ободряюще говорил полицейский. Однако целых два дня Бирка никто не видел и не слышал. На третий день после исчезновения у папы раздался звонок и низкий мужской голос со славянским акцентом сообщил, что сына похитили и если родители срочно не оставят 30 000 евро мелкими купюрами в контейнере для старых вещей возле парковки у супермаркета Алди, то его убьют.

— А если заявите в полицию, то вашего сына убьют незамедлительно, — добавил незнакомец.

Родители Бирка пообещали похитителю достать до воскресенья деньги, а сами тут же пошли в полицию, хотя и не без страха.

— Правильно сделали! — сказал комиссар. — Идите домой, расслабьтесь, не беспокойтесь, мы займемся этим делом.

Все же родители жутко дрожали, как-никак похищен единственный сын. А в воскресенье с утра полиция сообщила, что Бирк спасен, он в хорошем настроении, цел и невредим.

— Слава богу! — радовался отец.

— А похитителя вы схватили? — допытывалась мать.

— Об этом мы с вами лучше поговорим в понедельник в 10 утра в моем офисе с глазу на глаз, только мы трое, — сухо ответил комиссар.

Ребенок вернулся домой, еще более тощий, чем прежде, съел огромную порцию макарон и завалился спать. На следующий день родители явились в полицейский участок. Как следовало из рассказа комиссара, сын похитил себя сам, чтобы с помощью школьного друга шантажировать родителей.

— Это не первый случай такого рода, — говорил комиссар, — в нашей практике время от времени происходит подобное — подростки в этом возрасте страдают от дефицита внимания и, случается, похищают сами себя.

До этого места было все понятно.

— Загвоздка, однако, в том, — продолжал комиссар, — что, похитив сам себя, ваш сын, согласно параграфу такому-то, уголовно наказуем и теоретически может быть судим. Но поскольку он еще несовершеннолетний, то светят ему воспитательные меры по линии ведомства по делам молодежи. В течение пяти недель он должен будет отработать по три часа каждые выходные.

После этого разговора родители пошли в кафе. Они долго молчали и даже заказа не делали, все еще были в шоке от всей этой истории.

— Может, этим он пошел в меня. Мне тоже часто хочется похитить самого себя, — сказал папа Бирка.

— Да тебя никакая собака искать не станет, — заметила на это мама Бирка.

Лорелея

«Не знаю, что значит такое»^[19] — похоже, что моему сыну не хватает базовых знаний по немецкому, у него проблемы на занятиях, он не может концентрироваться, выглядит невыспавшимся, и мы должны об этом поговорить.

Письмо от фрау Фрекенбок, учительницы моего сына по немецкому, я перечитал много раз, но ничего не понял. В моем понимании, понятия «проблемы» и «уроки немецкого» не имеют между собой ничего общего. Что это за, простите, базовые знания по немецкому, которых кому-то может не хватать? Я могу представить проблемным предметом, скажем, математику, может, еще физику и химию, ну латынь на худой конец, но не немецкий же. В сомнениях я обратился к Николь. Основываясь на опыте, который довел ее до одиннадцатого класса, она могла дать мне разъяснения, что происходит в девятом. Сейчас у Николь любимый предмет философия, так что на любой вопрос у нее готов философский ответ. Она полагала, что «иметь проблемы» или «быть проблемой» — это типично человеческие свойства, которые нередко зависят от возраста, и они не имеют отношения к немецкому языку как к школьному предмету. У нее тоже были проблемы в девятом классе, она спорила с учителями и постоянно подвергала сомнению релевантность предлагаемых знаний. Теперь, в одиннадцатом классе, ей лишь смешно. Теперь у нее никаких проблем, и она не задается вопросом, почему, скажем, на уроках по искусству весь класс должен давать толкование дурацкому фото какого-то художника, который фотографировал исключительно воду, будь то океан или лужа. И почему на уроках

испанского они должны придумывать рекламные лозунги для парфюма с портретом Че Гевары. С годами вырабатывается терпимость к школьной программе, пояснила она.

Свои задания она выполняла блестяще и получала наивысшие отметки. О водном фотографе она написала доклад на четырех страницах — о том, как он хорошо владеет вопросом, что он наверняка омывался всеми возможными водами и как никто другой может передать огромную важность разумного обращения человечества с водными ресурсами, и в то же время он запечатлевал безграничную индивидуальность воды, ибо в любой луже можно увидеть целый мир... и так далее и тому подобное. Что касается парфюма с портретом Че Гевары, то она написала, что это должен быть запах классовой борьбы, революции и угнетенного народа Боливии. Я бы не считал это успешной концепцией, ибо кто же захочет пахнуть угнетенным боливийцем, но Николь получила высший балл. Так что, по ее мнению, мне не стоило беспокоиться. Ну и с уроками немецкого у Себастьяна мы справимся, подумал я и договорился о встрече с учительницей.

— Если она тебя спросит, говорим ли мы дома по-русски, скажи, пожалуйста, что да. Для нее это будет хорошей отмазкой, почему у меня трудности с правописанием, — напутствовал меня Себастьян. — И ни в коем случае не говори, что я не читаю книг. Скажи, что я читаю только по-русски! И не забудь забрать мой мобильник, запертый в секретариате.

Я все пообещал. Возможно, правописание у Себастьяна хромало и вправду оттого, что он мало читал. С другой стороны, двое моих лучших друзей в юности день и ночь зачитывались толстыми советскими романами-фэнтези и все же не имели никакого понятия о правописании. Или они читали не те книги? Может, в советских фантастических романах вообще не было

запятых и точек и из экономии их печатали, не проверив орфографию? В конце концов, бунт против правописания всего лишь часть юношеского протеста. Почему я должен писать все существительные с большой буквы, если их можно понять, будь они написаны и с маленькой?^[20] Наверное, на уроках немецкого языка приходится отвечать на эти и на сотню подобных дурацких вопросов.

Фрау Фрекенбок предложила встретиться после уроков. По дороге в школу я чуть не попал под колеса автомобиля, накануне я проводил дискотеку, не выспался и не мог сконцентрироваться. И, честно говоря, я немного побаивался фрау Фрекенбок. Себастьян рассказывал, что она очень строгая и отобрала у него мобильник, как только он неожиданно зазвонил во время урока, прямо посередине разбора лирической поэзии. Все объяснения Себастьяна, что это был чрезвычайный случай, не принесли никаких плодов. Учительница считала, что Себастьян не отключал телефон нарочно, чтобы позабавиться на уроке. На самом же деле звонил папа Тунга. Он беспокоился о своем сыне, которому неожиданно перед уроком немецкого стало плохо. Тунг пошел домой, но туда не дошел.

— Здравствуйте, господин Каминер, — сказала фрау Фрекенбок. — С телефоном вашего сына все в порядке, он лежит в секретариате. Вы можете его забрать после нашего разговора. Поэзия не терпит именно рингтонов, — строго добавила она.

Этот телефонный театр, предупреждал Себастьян, якобы и был истинной причиной, почему учительница на него рассердилась. При чем тут какие-то базовые знания немецкого!

— Мы немного запутались в материале, — признался он. Каждый ученик должен был сделать доклад об

определенном литературном течении. Темы разыгрывались по типу лотереи. Борвин вытащил «Бурю и натиск»^[21], которую он должен был раскрыть на примере «Прометея» Гёте. Тунг должен был проанализировать литературу ГДР на примере стихотворения Фолькера Брауна «Карл Маркс». Себастьян вытянул билет с немецкой романтикой — «Лорелеей» Генриха Гейне.

— Но тебе ж повезло, парень! Прекрасное стихотворение! — бросил я.

«Лорелея» мне всегда напоминает о моем друге и коллеге корейского происхождения, Мартине. Мартин временно работал в колл-центре отдела претензий. Он должен был по телефону умиротворять недовольных и нервных клиентов. Чтобы не выдавать свою корейскую фамилию, он присвоил себе литературное имя и представлялся Генрихом Гейне. Он считал, что если он будет представляться таким образом, то люди будут меньше раздражаться. В том колл-центре трудились в основном дети мигрантов, так называемые иностранцы во втором поколении. Немецкий их родной язык, но фамилии часто звучат как иностранные. Почти все коллеги Мартина брали себе для работы старые немецкие фамилии, потому что они получали оценку после разговора с клиентами, а те пощады не знают и склонны занижать оценки иностранцам, будто они виноваты во всех проблемах. А Генрих Гейне всегда получал наивысшую оценку. У него покупали любые страховки и договоры на телефонное обслуживание, чувствуя, по-видимому, свои невыполненные обязательства перед немецкой романтикой.

— К сожалению, у меня мало времени для разговора с вами, — сказала фрау Фрекенбок, — а у Себастьяна еще меньше времени для того, чтобы улучшить свои показатели в немецком. Если так пойдет дальше, то

ваш сын, чего доброго, не сможет быть переведен в следующий класс. Его тетрадь похожа на свинарник. Его представления о грамматике очень далеки от действительности, и во время уроков ему постоянно звонят. Так дело не пойдет, как писатель вы должны это понимать. Если бы во время ваших выступлений звонили телефоны, вы бы тоже не радовались.

— Конечно, нет! Но мальчик старается. Готовность учиться у Себастьяна есть, — бормотал я, — возможно, мы должны лишь немного помочь дополнительными занятиями...

— Готовность обучаться это увертка, на деле же у него нет никакого интереса к уроку. Он не интересуется литературой! — Фрау Фрекенбок сделала большие глаза. — Скоро он должен делать доклад по немецкой романтике на основе «Лорелеи»; интересно, осилит ли он это задание. Ученики очень интересуются лирикой. Многие известные поэты и мыслители ходили в нашу школу. Сама Нина Хаген здесь училась!

При упоминании Нины Хаген я кивнул, ведь Нина Хаген была известна даже у нас в Советском Союзе. Она удостоилась чести войти в список запрещенных иностранных музыкантов и тем самым вызывала большой интерес публики. Я чуть не вылетел из школы, после того как на школьной дискотеке поставил песню запрещенной Нины Хаген. Ну и каковы были успехи Нины Хаген в школе по немецкому, хотел я спросить фрау Фрекенбок. Какие у нее были оценки, хорошие или плохие? И знала ли Нина Хаген «Лоре-лею» наизусть?

— Мы хотим, чтобы Себастьян остался в этом классе во что бы то ни стало, так что прошу вас принять меры, — завершила разговор фрау Фрекенбок.

Я пообещал, что ситуация скоро улучшится, и поспешил в секретариат. Там надрывался телефон Себастьяна. Даже будучи запертым в ящике стола, он звонил так, что было слышно на всем этаже. Прежде

чем пойти домой, я зашел в школьный туалет на втором этаже. Увлечь юношей немецкой романтикой — это не такая простая задача, размышлял я, особенно «Лорелеей», где все про тьму да пламя. В школьном туалете жутко воняло. Стены были украшены лозунгами с критикой капитализма и доморощенной школьной поэзией: «три вещи, которые я ненавижу», «капитализм мертв» и «да здравствует революция». Одна стрелка показывала на унитаз, рядом с ней цитата, возможно заимствованная из «Л орел ей»: не знаю, что значит такое... На внутренней стороне двери кабинки я обнаружил аж целое стихотворение, роскошный образец туалетной лирики, которую, будь я учителем, тут же включил бы в школьную программу как современное продолжение стихотворения про Лорелю:

«У белоснежки задница и сиськи, она дает всем гномам, от первого и до шестого, и только г(н)омика седьмого имеет Гансик за горою».

Может, это написала здесь сто лет назад Нина Хаген? — подумал я.

«Держись, толстуха Лореляй^[22], за это свинство не пеняй, а потерпи годок-другой, и школа будет за спиной», — досочинил я по дороге домой.

Мы ничего не заметили

С каждым годом Рождество приходит все раньше и раньше. Рождественские календари начинают продавать уже летом, елки в магазинах украшают в сентябре, а развешивают гирлянды и сооружают рождественские базары еще до того, как выпадет снег. Аттракционы становятся все пафоснее и внушительнее в размерах. И вот возле Александерплатц неожиданно вознесся в небо гигантский осьминог, справа от него ракета, а слева лабиринт ужасов — излюбленные развлечения молодежи. В то время как мудрый пенсионер сознательно выбирает для себя на этом празднике столь милые сердцу и жизнеутверждающие аттракционы, как глинтвейн и жареные сосиски, подростки направляются к щупальцам осьминога. Там молодежь попадает в клешни, ее подбрасывают вверх и швыряют на землю, трясут и вертят. Уже от одного этого зрелища может поплохеть. Осьминог разрешен с восемнадцати, ракета — с шестнадцати, а лабиринт ужасов — с двенадцати лет.

Я слышал из первых уст, как важно в этом возрасте доказывать свою взрослость. Один мой знакомый когда-то работал на гонорарной основе привидением в лабиринте ужасов и то и дело приходил с работы с тяжелыми увечьями. Он рассказывал, что некоторые двенадцатилетние только за тем ходят в лабиринт ужасов, чтобы подразнить привидение, стукнуть его по голове и тем самым покичиться перед старшими приятелями своим мужеством. И более того — в моего друга-призрака молодые люди кидались камнями.

Моя дочка не пошла в лабиринт ужасов, посчитав, что в свои шестнадцать она его переросла. Она предпочла осьминога. Я волновался за дочь. За год до

этого в газете писали, как один аптекарь на рождественской ярмаке дал девушке попить из какой-то бутылки, после чего девушка без сознания упала прямо в клещи осьминога. Да и сами по себе аттракционы могут довести девушек до потери сознания. Покрутившись несколько циклов в осьминоге, легко стать жертвой коварных людей.

— Не пей из чужих бутылок! Не садись в осьминога! Не летай на ракете! — всякий раз советовал я дочери с самыми добрыми намерениями. Но все советы были напрасны.

— Вспомни себя в моем возрасте, — отвечала дочь, — разве тогда не захотел бы ты покататься на осьминоге?

Это неуместное сравнение. Аттракционы моей юности были прямой противоположностью нынешним. Осьминог хоть и выглядел устрашающе, но в действительности он был чудом техники, обеспечивающим надежность до последней детали. Наши же аттракционы производили на стороннего наблюдателя безобидное впечатление, а на самом деле это были орудия пыток, созданные по наущению дьявола. До конца жизни не забуду, как девятилетним гулял с мамой в парке культуры и отдыха — дело было в моем родном городе Москве, — где меня «угостили» аттракционом «Лодочка». Это были большие качели в форме гондолы на двух человек, которые приводились в движение и раскачивались электромотором. Мы с мамой прошли мимо казавшегося пустым аттракциона.

Только маленькая девочка с печальными глазами сидела в одной из гондол. Мама девочки стояла рядом с лодочкой и высматривала, кто бы мог составить компанию ее дочке.

— Молодой человек! — обратилась она ко мне. — Не хотите ли прокатиться на лодочке с моей Наташей? Билет я уже оплатила.

Мне в принципе совсем не хотелось, и я снизу вверх посмотрел на маму в надежде, что та не позволит. Но она согласно кивнула. Со странным ощущением в животе я залез в лодочку. Чужая мама крикнула в темноту «Давай!», кто-то невидимый нажал кнопку, и гондола взлетела в небо. Я сел, встал, снова сел. Какую бы позу я ни принимал, лучше не становилось. Девочка, плюс к воздействию электромотора, всем телом старалась усилить раскачивание, она смеялась при этом и смотрела мне прямо в душу таким взглядом, будто, одержимая дьяволом, сбежала из фильма ужасов.

Мне стало ясно, что меня заманили в ловушку. Девочка-убийца использовала мать как приманку, дабы заполучать все новых мальчиков для дьявольских забав в лодочке. Мои ноги были как пластилиновые; деревья, дома, автобусы и мамы раскачивались вокруг меня. Я лихорадочно пытался рассчитать, куда улечу, если отпущу трос лодочки. Я приземлился бы где-нибудь в кустах за будкой с кассами, там, где предположительно уже лежат искалеченные тела других мальчиков, до меня катавшихся с дьявольской Наташей. Собрав в кулак всю свою силу воли, уже тогда нешуточную, я запретил себе делать в штаны. Девочка демонически смеялась.

Через пять минут, которые показались мне вечностью, развлекуха закончилась. Я на четвереньках выполз из лодочки и, шатаясь, пошел за кассовую будку.

— Вы летали как два сладких ангела, — заметила мама, и тут меня вырвало.

Как раз недавно, гуляя с женой по так называемому парку культуры в одном провинциальном кавказском городе, я снова вспомнил о том случае. В парке в большом количестве стояли аттракционы из советских времен. Они казались старыми и заброшенными, будто их лет двадцать не использовали. На дорожке позади

проржавевшего чертова колеса моя жена заметила старый аттракцион из своего детства.

— Цепочка! Смотри, цепочка! — закричала она. — Я должна это непременно попробовать!

«Цепочка» — это вращающаяся платформа, к которой на длинных железных цепях подвешены маленькие стульчики, типа летающих качелей. Усатый служитель был готов запустить свой аттракцион, как только наберется минимум трое пассажиров. Для меньшего количества качели крутить не будут, объяснил он нам, электроэнергия подорожала. Двое полупьяных уже ждали в кустах, моя жена стала третьей. Я разума не потерял и остался на земле.

— Все готовы? Ну, поехали! — сказал усатый и, прежде чем нажать кнопку, странным образом перекрестился. Из нутра устройства раздался загадочный свист, и в тот же миг все цепочки вытянулись под прямым углом к поворотной колонне. Не знаю, что за двигатель они встроили в эту старую штуку, но жена носилась над моей головой как высокоскоростной метеорит. На каждом кругу Ольга кричала с неба: «Ска! жи! это! му! придур! ку! чтоб! оста! новил!»

Я вежливо попросил усатого, чтобы он был так добр и немедленно остановил «цепочку».

— Не имеет смысла, через две минуты это произойдет автоматически, — сказал он.

Моя жена выстояла. Не на шутку плохо ей стало лишь позже, когда она увидела чертовое колесо вблизи — оно крутилось будто вентилятор. Несмотря на скорость, почти все кабинки вентилятора были заполнены. Люди в этой стране всегда охотно двигались кругами. Наш мир был похож на этот вентилятор с сиденьями, на аттракцион, который внешне выглядит пристойно и мило, но от которого сидящих в нем людей часто тошнит. Мы кричали, но

внешний мир нас не слышал. Или он думал, что мы кричим от удовольствия.

А зато мир моих детей похож на осьминога. Наблюдать противно, зрители качают головами, они видят, что с пассажирами что-то не так. Точнее говоря, все не так с теми, кто в осьминоге. Операторы осьминога сидят тихо на скамейке и сосредоточенно ждут, пока рейс не закончится и ремни безопасности не расстегнутся сами собой. Наблюдатели с облегчением вздыхают, пассажиры осьминога удивляются. И что, это все? — спрашивают они себя. Или будет что-то еще? Мы ничего не заметили.

Спутники времени

У нашей маленькой племянницы Сони день рождения. Она достигла возраста, выражающегося двухзначным числом. Нам не верилось, что крошка Соня, которая еще вчера ползала под столом как котенок, теперь самостоятельно ходит за покупками. Мы обожали Соню и хотели найти для нее пару прекрасных подарков, однако я точно не знал, что в нынешнее время может порадовать десятилетнюю девочку.

Но вместо размышлений о подходящих подарках я предался философствованиям о течении времени. А именно о том, что оно с недавних пор бежит как сумасшедшее. Кажется, раньше оно не было в такой хорошей спортивной форме. Я думаю, что до тех пор, пока на свете не появился первый человек, оно и вовсе стояло. Время было некоей точкой, которая не двигалась. Луна и солнце мирно соседствовали друг с другом на небе, облака висели на специально отведенных для них местах, а все деревья вечно зеленели. И только люди привели время в движение. Поначалу оно двигалось кругами, и люди вместе с ним — от урожая к урожаю, от зимы к осени. Они жили по циклам. В определенные промежутки времени они молились по обстоятельствам разным богам — тем, которых считали авторитетными на данном витке времени. И только христиане впервые разорвали круг и вытянули время в линию, берущую начало с рождения Христа и заканчивающуюся, как предполагалось, его возвращением. Атеисты радикальным образом сократили этот отрезок, их время начиналось с рождения и заканчивалось смертью. Все, что было до

меня и особенно после меня, — все это к моей жизни отношения не имеет, думали они.

Казусы атеистического сознания на этом не заканчиваются, время становится все короче и быстрее. Современные люди круглосуточно заняты тем, что реагируют на всякую чепуху. Каждые пять минут они получают какое-нибудь «сообщение» или «информацию» или проверяют свою «почту». Они думают, что участвуют в мировых событиях, у них большие планы, но абсолютно нет времени. Они потеряли уважение ко времени и ведут себя так, будто время — это их маленькая племянница, которая как котенок ползает под стол и с которой можно всячески развлекаться.

Люди разбазаривают свое время или делят его с другими, будто время это пирог. Иногда они даже убивают время, особенно это свойственно подросткам. В тот самый момент, когда подростки готовы расстаться с детством, они стараются как можно быстрее избавиться от прошлого, чтобы не оставлять свидетелей. Интересно, где сейчас восемнадцать Барби моей дочери? Может, они стали бы хорошим подарком для Сони? — размышлял я. Моя дочь и две ее подружки сидели на кухне, расслаблялись.

— Дорогая, не могла бы ты мне сказать, где твои восемнадцать Барби? — спросил я деликатно. Дочка глянула на меня так, будто я с луны свалился.

— Для начала, папа, их никогда не было восемнадцать, а только двенадцать. Ты как всегда сильно преувеличиваешь. А во-вторых, куклы здесь, в кладовке, в большом мешке, на нем написано «детская хрень», но их уже нельзя использовать как игрушки. Ибо они сломаны. Всем известно, папа, что куклы должны ломаться, чтобы дети выросли. Поэтому старые игрушки никогда нельзя дарить другим детям, — просветила меня Николь.

Ее подружка Йоганна тут же подтвердила этот по сути смелый тезис. Когда она была маленькой, она очень любила свою куклу-пупса. Эта кукла могла как настоящий человек ходить в туалет, при условии, что ее предварительно покормили. Так что Йоганна в первый же день скормила пупсу все запасы кукольной еды. После этого пупс переселился из детской комнаты в ванную. Родителям это вовсе не понравилось. Во-первых, туалет был теперь все время занят, а во-вторых, они должны были постоянно за большие деньги докупать специальный корм для пупсов. Родители Йоганны хотели когда-нибудь выйти из этой игры. Затем Йоганна начала кормить любимую куклу собственным завтраком, позднее просто брала продукты из холодильника. Ей казалось, что пупс все время голоден. В результате у пупса случился запор, и он начал внутри плесневеть. В конце концов Йоганна отнесла куклу в кладовку — и выросла.

У Николь была любимая Барби, которая могла менять цвет волос: если положить ее в воду, то блондинка Барби станет брюнеткой, так гласила реклама. Николь много раз это пробовала, но ее Барби становилась не брюнеткой, а серо-желтой. Дочка либо слишком долго держала куклу в воде, либо, наоборот, слишком быстро вынимала. Николь пыталась исправить ошибку: она окунала Барби в кипяток, в молоко, под конец даже в кока-колу. Ничто не помогало. Барби меняла цвет, но не в том направлении, как хотелось Николь. Наконец, близкая к отчаянию, Николь обрезала Барби волосы, отнесла ее в кладовку — и выросла.

Подобное было и у подруги Леа, с ее плюшевым медвежонком. У медведя были прекрасные человеческие способности, он умел говорить. Если посадить его прямо, он говорил «привет, я медведь». Если положить на спину, он говорил «я тебя люблю», а если уронить, то говорил «дурак». С этой

коммуникативной игрушкой можно было играть все дни напролет, но у Леи с мишкой что-то не сложилось: однажды он неудачно упал со шкафа и с тех пор говорил только «дурак» в ответ на все, что бы с ним ни делали — сажали или укладывали. Леа делала все возможное, чтобы перенастроить медведя. Она даже женила его на плюшевой козе, но ничто не помогало. В конце концов она закинула медведя обратно на шкаф, зверь затих, а Леа выросла.

— Старыми игрушками ты никого не осчастливишь, — сказала Николь, — их нельзя передаривать, так же как человек не может подарить свое детство. Их время закончилось, оно ушло навсегда, и по старым игрушкам уже никто не льет слезы. Только бритые Барби и плесневелые пупсы с грустью смотрят нам вслед из кладовок.

— И что же мы тогда подарим Соне на день рождения? — вернулся я к своему вопросу.

— Мы подарим ей то, что дети ее возраста больше всего хотят. Например, новый айпад с USB-разъемом, — прагматично решила Николь и тем самым положила конец моим дальнейшим философствованиям.

Сочинение на тему свободы

Мой сын пришел из школы в плохом настроении, он получил домашнее задание написать сочинение на тему «Свобода».

— Жуткая тема, — жаловался он, — ничего мне в голову не приходит.

Я был озадачен и вспомнил, как это было в моей юности. В восьмом классе нас тоже мучили сочинением о свободе. В то время я воспринимал это задание в увязке с концепцией тоталитарного воспитания: войну называли миссией мира, тупик назывался переходным периодом, а подневольные писали сочинения о свободе. Кажется, ничего не изменилось. Что при тоталитаризме, что при демократии — школьников заставляют писать сочинения на самые горячие жизненные темы.

И что еще более цинично — о свободе смеют размышлять именно школьники, то есть самые несвободные члены общества, порабощенные предписаниями, запретами и рамками. Нагружать несовершеннолетних такими вопросами — это бесцеремонно. Откуда Себастьян может знать, что такое свобода? У мальчика вся жизнь — это сплошные обязательства; его против воли заставляют каждый день вставать в полседьмого, вне зависимости от того, досмотрел ли он свои сны до конца, быстро одеваться, чистить зубы, бежать через холодный мокрый город затем, чтобы он потом в течение восьми часов выслушивал разглагольствования психически неустойчивых, душевнобольных личностей, которые называют себя учителями; а потом вечером он даже не сможет для разрядки пойти в кино, потому что на фильм можно только с шестнадцати, а ему всего пятнадцать с половиной. По той же причине он не

имеет права слушать свою любимую музыку, принимать самостоятельные решения, и любой полу-взрослый указывает, что ему следует делать. И этот измученный человек должен писать сочинение о свободе в современном мире — в мире, где если кто и может знать, что такое свобода, то только пенсионеры. Но они молчат и давно уже не пишут сочинений.

На моей родине люди лишь сейчас, четверть века спустя после падения социалистической диктатуры, начинают представлять себе, что такое свобода. Недавно по поручению Кремля социологи провели исследование на эту тему; у них была задача выяснить, чего люди в России на самом деле хотят. Им не хватает прав человека? Если да, то каких? Боятся ли они хаоса? Насколько им важна стабильность? Хватает ли им свободы выбора, нуждаются ли они в новых идеалах? Жалуют ли они об отсутствии прежних ценностей? Или они благоразумно соглашаются с тем, что свобода есть необходимость, как когда-то утверждал Гегель, а марксистское учение переняло этот постулат?

Простоты ради и чтобы не слишком нервировать людей, социологи упаковали все, что они хотели узнать, в два вопроса. Первый звучал так: «Когда вы чувствуете себя свободными?» Ответы оказались заурядными, почти разочаровывающими. Большинство опрошенных чувствуют себя свободными, когда их оставляют в покое: в отпуске, в выходные или вот, кстати, на пенсии. Женатые мужчины признавались, что чувствовали бы себя свободными, если бы жена с детьми уехала к теще за город; школьники отвечали, что свободными ощутили бы себя, если родители уйдут или школу закроют из-за морозов. Все прочие результаты, полученные в ходе этого опроса, затрагивали лишь мелкие детали, не говорящие ничего нового: например, на природе люди чувствуют себя свободнее, чем в городе; вечерами свободнее, чем по

утрам. А в собственной квартире свободнее, чем в съемной. У пенсионеров степень свободы сильно зависит от размера пенсии. Чем выше пенсия, тем свободнее пенсионер — таков был скромный вывод, вытекающий из этого исследования.

Сын поискал в Интернете, что другие писали о свободе. Интернет кишмя кишит сочинениями на тему свободы, будто всему миру нечего больше делать, чем размышлять на эту тему.

— Не списывай, — посоветовал я ему, — используй свою свободу составить собственное мнение!

— Я думаю, люди просто слишком глупы, чтобы быть свободными, — сказал сын. И продолжил свою философскую мысль: — Ведь вся жизнь — это цепочка случайностей и зависимостей. И жизненный путь любого человека — это чистой воды лишение свободы. Может, когда-нибудь в будущем люди изобретут таблетку, которая делает умным и счастливым, освобождает от всех обязанностей, но тогда люди станут рабами этой таблетки. Как только ее действие пройдет, человек снова поглупеет.

— Я думаю, что истинная свобода — это жить в ладу с важными жизненными вопросами и не испытывать необходимости постоянно на них отвечать, — сказал я.

Когда ты молод, все важные вопросы жизни кажутся безотлагательными. Вопросы о смысле и об истине, о том, чем истинная жизнь отличается от выдуманной, — все это должно быть решено срочно и немедленно. Жить с нерешенными вопросами кажется невозможным. Но проходят годы, ничто не проясняется, даже пенсия. У нас до сих пор нет ответов на проклятые вопросы, но, несмотря на это, у нас все хорошо. Человек учится жить и умирать, так и не найдя на них ответа. Люди уходят, вопросы остаются — *so what?* (Ну и что? / англ./). Вот почему пенсионеры — это самые свободные люди на Земле. Они могут делать что хотят, и главное

— им больше не надо писать сочинений о том, что такое свобода.

Постскриптум. Второй вопрос, заданный российскими социологами народу, звучал так: верите ли вы, что можете влиять на собственную судьбу? 86 % ответили «нет». Русские — неисправимые фаталисты.

Вундеркинд

Точные науки на моей родине считались второстепенными для развития человечества. Обществоведение было важнее математики. Мы держали курс на идеальное коммунистическое общество, где каждый будет жить по своим возможностям и все будут жить в соответствии со своими желаниями, так что подсчитывать будет нечего. Государства при коммунизме больше не будет, ну а до тех пор мы должны слушаться власть имущих, ибо только они знают короткий путь, что приведет нас к этому великому будущему.

Так что русские прокладывали собственный путь развития своей страны, у них были иные, отличные от соседей, представления о добре и зле. В то время как американцы изобретали все более портативные компьютеры, а немцы производили все более надежные автомобили, мои соотечественники летали в космос, пели и танцевали. Сегодня они торчат перед американскими компьютерами и водят немецкие автомобили, зато умеют громко петь. В моей школе вундеркиндами называли тех, кто умел хорошо считать, в то время как другие пели. В Германии к вундеркиндам относят тех, кто все подвергает сомнению. Я знаю только одного вундеркинда, это друг моего сына. Разговор с ним для меня всегда испытание, через десять минут я начинаю потеть.

Недавно класс, где учится Себастьян, ходил на прогулку, во время которой ученики посетили музей современного искусства «Гамбургский вокзал». Все мероприятие проходило под лозунгом «Это искусство или долой его?». Современное искусство не тронуло сердца вундеркинда. Днем он пил чай у нас на кухне и

говорил о том, что, по его мнению, пошло не так с искусством в Германии. Новое искусство, считал вундеркинд, выполняет важную задачу, оно открывает людям иной взгляд на общепринятые и знакомые явления. Оно пробивает барьеры человеческой косности! — вещал, сидя у нас на кухне, четырнадцатилетний умник, «каждой бочке затычка». Ван Гог у этого фокус удался, и русскому художнику Малевичу тоже. Но немцы на этом поприще оплошали, и виноват в этом вундеркинд Йозеф Бойс^[23]. Свои инсталляции он делал исключительно ради собственных амбиций. Вся история о том, как его самолет был сбит на фронте в Крыму, а сам он чудесным образом спасен — конечно, выдумка, чтобы вызвать интерес у соотечественников. Может быть, он вообще не летал на самолетах во время войны, а если и летал, то никто его не сбивал, а он просто совершил вынужденную посадку. И уж точно не поставили его татары на ноги с помощью войлока и жира. Единственным из современных немецких художников, кто пользовался его уважением, был Ансельм Кифер, и то лишь благодаря его инсталляциям, высмеивающим прекраснодушных людей, которые творят зло с самыми добрыми намерениями, как это делают нынче американцы.

Я потер нос и попробовал защитить Бойса: по крайней мере, он был честен в своих политических взглядах. При этом я то и дело называл мальчика по имени, чтобы самому себе напоминать, что разговариваю с девятиклассником. До этого мы с ним уже подискутировали об истории, литературе и философии, ведь вундеркинд разбирается в любой теме, и у него на каждый чих есть собственное, хорошо обоснованное мнение. Он никогда не соглашается с тем, что говорят другие, а любит противоречить.

Иногда из упрямства, иногда из необходимости. Его ненавидит половина учителей, другая половина любит. Но все ждут не дождутся, когда вундеркинд наконец отвалит из школы. Ему многократно предлагали досрочно сдать выпускные, но он чувствует себя вполне комфортно в девятом классе.

С беспокойством я смотрю в будущее этого вундеркинда. Что будет, когда детство пройдет? Станет ли он таким как все? Или же сможет сохранить эту свою «шкатулку с сюрпризами», где хранит собственные суждения и взгляды?

Русские, индейцы, африканцы и мы

Зимние каникулы — это огромное испытание для всей семьи. Они слишком короткие, чтобы куда-то уезжать, однако достаточно длинные для того, чтобы нарушить привычный распорядок жизни подрастающего поколения. Все сидят дома на кухне и друг у друга на голове. Дети ведут себя как вампиры. Днем они спят, поздно вечером просыпаются и шатаются между Фейсбуком, телевизором, музыкальным центром и холодильником, где хранится целая коллекция всякого рода чипсов. И только когда приходит друг Себастьяна, тот, который вундеркинд, женщины и кошки уходят с кухни, ибо кухня превращается в зал заседаний ООН.

Мы горячо спорим, вундеркинд и я. Он хочет спасти мир, а я призываю оставить мир в покое. Спасение мира не для женщин и кошек, это дело чисто мужское, так что на какое-то время кухня принадлежит нам. Вундеркинд полемизирует громко, хорошо смазанным голосом врожденного классного старосты, я оказываю сопротивление, Себастьян играет роль третейского судьи и готовит для всех миро-спасательные спагетти.

— Повсюду в мире политика буксует, люди должны наконец послать политических лидеров к черту и взять дело спасения в свои руки! — заявляет вундеркинд. Сам он не правый и не левый. «Зеленых» он тоже терпеть не может. Он придерживается мнения, что на Западе навязывается ложное чувство долга, которое ограничивает людей в действиях, ставит их в зависимость от политиков, позволяя им собой манипулировать. И вообще, это самое чувство долга

вундеркинд считает источником всех невзгод на свете. Мол, именно на нем построена экономика Запада, его религия, его мораль и даже межличностные отношения. Но долг — это разрушающее чувство, долг разделяет людей, делает их несчастными и, главное, агрессивными. Именно подлежащие оплате долги были причиной колониальных войн. Ведь все колонизаторы сидели по уши в долгах, и, чтобы платить по счетам, им приходилось убивать и брать в рабство африканцев и индейцев. Правда, у африканцев и индейцев тоже была своя валюта — например, молодые люди платили выкуп за невесту, — но такая их валюта представляла собой, скажем, красивые ракушки, а их полно на любом берегу. Подобные платежи были скорее выражением уважения по отношению к невесте, а не долгом перед родителями. Будучи хроническим должником, Запад изобрел рабство, он низвел людей до роли товара, утверждал вундеркинд.

Дальше — больше: западные ростовщики превратили в товар время, время нашей жизни, которым, согласно христианству, может распоряжаться один лишь Бог. И из природных ресурсов Запад тоже сделал товар, заложив таким образом три основные идеи современного капитализма: время — деньги, человек — раб, а природа — магазин самообслуживания.

— И лишь индейцы и африканцы сопротивлялись этому, да еще, пожалуй, русские с их грандиозно провалившейся революцией! — раскочегарился вундеркинд. — Для русских, африканцев и индейцев человек и время не были предметами торговли. Вчера было время, завтра снова будет время, и каждый день приносит нам пищу и удовольствие. Поэтому африканцы, индейцы и русские работают, только когда припрет крайняя нужда, их не интересуют страховки, они стремятся наслаждаться каждым часом своей

жизни. Они никого не колонизировали и не порабощали, это алчный Запад их всегда потрошил!

Подошли спагетти. Мы с Себастьяном ели, вундеркинд продолжал вещать:

— К тому же только африканцы, индейцы и русские делали попытки строить коммунизм. Жаль, что этого у них не получилось. Спекулянты со своими финансовыми рынками виноваты в том, что любая мечта о социальной справедливости оказывается выхолощенной. Маркс должен был это предусмотреть и написать продолжение своего «Капитала» — том IV, «Что делать, если призрак коммунизма заблудится в трех соснах»

— Да ешь, пожалуйста! — сказали мы вундеркинду. — Спагетти стынут.

Он согласился — «только, пожалуйста, без этого острого соуса».

Он не любит острого. По счастью, у нас в холодильнике с десятком других соусов на все мыслимые вкусы. Вундеркинд остановился на сладком кетчупе со вкусом манго.

— И все же люди не смогут продолжительное время жить в обществе, построенном исключительно на постоянно растущем потреблении. Долги должны быть упразднены, и новая мораль выведет людей на свет из капиталистического тупика! — продолжал он.

О'кей, сказали мы, но если твои африканцы и индейцы были и остаются такими классными людьми и во всех вопросах превосходят западный мир, то почему тогда они так легко позволили себя колонизировать? И что они делали до того, как стали колониями? Разве они прежде не сидели без штанов под кустом и не ели друг друга? Что принесла им их невинная мораль? Где их ученые, философы, люди искусства? Разве в колониальные времена эти страны не переживали расцвет? Стоило только колонизаторам уйти из завоеванных регионов, как твои супергерои снова

оказались под кустом. А русские лишь потому бесстрашно держали курс на революцию, что ортодоксальное толкование христианства внушает меньше страха перед Богом, чем его европейские варианты. Европейцы с детства были в конфронтации с адом, сатаной и его рогатыми чертями. Они при всякой непогоде делали в штаны от страха перед Всемирным потопом, в огромном количестве сжигали ведьм и должны были каждую неделю исповедоваться; европейцы и по сей день платят большие церковные налоги. В русском же ортодоксальном вероисповедании черти выглядят как маленькие мышки. Они могут присесть на плечо выпившему человеку и сбить его с пути домой, но они не Мефистофели и не столь опасны. Да и сам ад на русских картинах выглядит как хорошо разогретая сауна, где сатана маячит где-то с краю в образе истопника. Русские не сжигали своих ведьм, а женились на них, и если и должны были исповедоваться, то только лишь единожды, на смертном одре.

Несмотря на эти аргументы, вундеркинд настаивал на своих взглядах. Разумеется, были у индейцев и африканцев свои художники, ученые и поэты, говорил он. Просто белому человеку их открытия казались бесполезными, и их искусство он не понимал. Только от одного загорались глаза белого — от золота! А русские, эти индейцы Востока, эти африканцы в снегах, они по крайней мере попытались, устроив революцию, противостоять западной морали долга. К сожалению, они потерпели поражение, но еще не все потеряно, схватка продолжается, — выкрикивал вундеркинд и стучал ложкой по столу.

— Если вы сейчас же не прекратите, я вызову скорую, — пригрозила из соседней комнаты жена.

В молчании мы доедали холодные спагетти, каждый со своим любимым соусом, а мир пока так и не был

спасен.

Ночью я видел странный сон. Мне снилось, будто вместе с вундеркиндом мы основали Пятый интернационал, прямо у нас на кухне. Здесь собрались индейцы, африканцы и русские, и все они были в решимости спасти мир, и все хотели есть. Я поставил на плиту большую кастрюлю и тут обнаружил: спагетти-то закончились.

Под рождество отмерзают пальцы

Незадолго до Рождества жизнь большого города замирает, и жизнь школы, где учатся мои дети, тоже едва теплится. Огонь знаний переведен в режим экономии, и вместо учебы у детей сплошные завтраки. В школе наметили провести латинский завтрак, французский завтрак, немецкий завтрак и русский — за просто так, безвозмездно. К каждому завтраку ученики должны были принести что-нибудь в тему, хоть по мелочи. Никто точно не знал, что может сгодиться для латинского завтрака. Моя дочь на всякий случай прихватила банку огурцов и пачку салфеток. На французский завтрак подавали круассаны с сыром и мармеладом, а на немецком подъедали все, что оставалось от французского. За организацию русского завтрака в качестве консультанта отвечала моя дочь.

— Ну, Николь, — подкалывали одноклассники, бескультурные неучи, подразумевая: «Чем питаются твои русские зимой, или они впадают в зимнюю спячку?»

— Как поживают твои соотечественники в Сибири? Пальцы себе не отморозили?

Поскольку географию они прогуливали, то им кажется, будто все русские живут в Сибири. Моя дочь охотно давала компетентные консультации о Сибири, хотя сама там еще не бывала.

— Ну да, — говорила Николь, — русские на зиму замораживают пальцы. Они отламывают замороженные пальцы, заворачивают их в тесто и делают пельмени. Так они могут пережить холодное время года. По весне недостающие пальцы отрастают вновь. Но зимой у всех русских по четыре пальца на руке, только у Путина их

по пять круглый год, это как в Симпсонах. В мультике только у бога пять пальцев, потому что он хочет как-то от Симпсонов отличаться. В России бог — это Путин.

Описание сибирской действительности произвело на одноклассников большое впечатление, но аппетит к русской кухне у них пропал. После завтрака старшим классам предстояли консультации по профориентации, а младшие должны были доедать недостающие домашние задания. Моя дочь, как и все ее одноклассники, на профориентации изрядно скучала. Никто из класса на сто процентов не знал, кем хочет стать. Большинство видело свое будущее в музыкальной отрасли, в философии либо каким-то образом связанным с искусством и культурой. Возможно, это было следствием дурного влияния родителей, которые тоже ничему толковому не научились и потому почти все без исключений были заняты в индустрии развлечений.

Я пытался отговорить своих детей от индустрии развлечений. Разумнее было бы выбрать что-нибудь серьезное в банке или в страховой компании, считал я, но меня никто не слушал. Будущее Германии — страны поэтов и мыслителей — почти в полном составе засыпало на профориентации. Консультант из агентства занятости, которую школьники между собой называли «ББ-АА»^[24], даже не напрягалась, описывая трудовой рынок завтрашнего дня. Сама она считала работу консультанта по профориентации весьма непыльной. Можно ничего не уметь, а деньги от агентства занятости получать: консультантша разгласила всему классу, что каждый месяц ей переводят на счет по 1467 евро.

— Ваши родители, — сказала консультантша, — в конечном итоге помогут вам найти свое место в жизни, я даю лишь пищу для размышлений.

Я помогал как мог и писал со своим сыном недостающие домашние задания. Себастьян задолжал учителю музыки сочинение на десяти страницах о рэпере Эминеме. Жизнь и творчество этого человека нужно было описать во всех подробностях. Сын хотел сосредоточиться на творчестве рэпера, мне же отвел скучную часть: биография Эминема, истоки его карьеры и закат его города, Детройта.

Я нашел в Интернете биографию Эминема, она была чудовищна. Сплошь моббинг^[25], конфликты и судебные иски. Сначала над маленьким Эминемом все издевались и усложняли ему жизнь — его мама, его подружка, его школьные товарищи. Затем он зарифмовал свою ненависть к ним и записал это на пластинку. Пластинка успешно продавалась, и тут все его враги захотели с него денег, потому что сочли, что он их «некорректно изобразил» в своих песнях. Но у Эминема адвокаты были лучше, и никто компенсации не получил, кроме мамы. Эта очень американская биография читалась как помесь передачи из зала суда и телешоу «Ищем телезвезду».

А вот закат города Детройта меня, напротив, глубоко тронул. Он напомнил мне о закате ГДР и о Восточном Берлине начала девяностых, когда на развалинах социалистической империи город обрел новую жизнь в качестве художественного проекта. В Детройте угнетенные рабочие столь успешно вели борьбу с угнетателями-капиталистами от автомобильной индустрии, что угнетатели капитулировали. Она закрыли свои фабрики и переехали на пару миль за город. Там они заново построили производственные площади и завербовали новых рабочих, которые не столь критически были настроены к капитализму. Детройтские угнетенные остались без угнетателей и без работы. Они грабили

городскую казну, пока та не опустела. Остальное они подожгли и объявили свой город банкротом. В Детройте воцарились хаос и анархия. Дома там продавались по одному доллару.

Пока капитал и государство обходили Детройт стороной, город открыли для себя люди искусства со всего мира. На руинах автомобильной индустрии возникла колыбель современного искусства. С тех пор Детройт, где смешались забегаловки и галереи, обрел вторую жизнь. Детройт умер, да здравствует Детройт! Я с удовольствием писал об этом городе и надеялся получить у учительницы музыки хорошую отметку. Мне в принципе нравится писать сочинения, в том числе и для других. К сожалению, мои дети всегда переписывают эти сочинения и оставляют в них только собственные мысли.

Дочери я помогал с сочинением о категорическом императиве у Канта, который предположительно должен быть в любом человеке, чтобы общество функционировало. Николь должна была доказать реальное наличие категорического императива на примере самопожертвования пастора Йоганнеса Кольбе, который добровольно пошел на смерть в концлагере вместо одного поляка, отца семейства. Это задание вызывало у меня чувство досады. Во времена Канта еще не было концлагерей, хорошее и плохое присутствуют в каждом человеке, как раньше, так и нынче, и проявляются они произвольно, не спрашивая философов. Мы с дочерью оба придерживались мнения, что Кант никогда не считал свой императив лекарством на благо общества или разъяснением исторического процесса, а рассматривал его как образ мыслей одного-единственного человека, а именно самого себя. И как любой человек, Кант каждый день проявлял себя по-разному.

Люди способны принимать противоречивые решения, они могут в течение одного дня быть то героем, то негодяем. Поэтому любая попытка с помощью кантовского категорического императива проверить на правильность совершенные или планируемые поступки смехотворна, написал я. Естественно, Николь это все переписала. Я думаю, что учительница даже не прочитала наше анархическое сочинение, иначе мы бы не получили за него единицу — высшую оценку. Я бы с удовольствием поучаствовал в написании еще многих сочинений, но ограничен в возможностях. Как уже было сказано, я не учился ничему основательному. Кроме философии и музыки, я ни по каким другим предметам не могу помогать с домашними заданиями. Для подрастающего поколения мои сочинения — невеликая помощь. Жизнь — штука тяжелая. Никто не может помочь. Категорический императив не может помочь. И консультантша по профориентации тоже не может. А Эминем и подавно нет. Каждый должен все улаживать сам.

Оно в моей жизни

Раньше я часто задавался вопросом, почему в немецком языке слово «ребенок» не мужского рода и не женского. В русском каждое живое существо сразу при рождении относят к соответствующему роду. Но с тех пор как у меня самого немецкие дети, я стал это лучше понимать. Оно не смеет брать на себя никаких обязательств. Оно, к примеру, не хочет никуда ехать с родителями, оставить его одного тоже нельзя, потому что оно абсолютно не отвечает за свои поступки. Оно может устроить вечеринку с незнакомыми людьми или запросто, по чистой прихоти, поджечь дом. Оно плюет на интересы родителей, на их предложения и планы и в то же время хочет от тебя все — твои деньги, твой велосипед, твои рубашки и футболки.

Единственное принуждение, которому оно поддается, — это школа. Понятия не имею, как учителям удалось убедить подростков, что им нужно ходить в школу. Здесь определенно не обошлось без гипноза. Но в июне и школа сдувается. Гимназия похожа на поздний Советский Союз незадолго до его распада. Внутри уже ничего не происходит, а территорию все равно покидать нельзя. Оценок больше не ставят, старые знания успешно забываются, новых не дают. Школьники почти все время сидят на школьном дворе, юноши бьют баклуши, девушки расслабляются, а учителя пытаются заполнить часы своих уроков развлекательным содержанием. В школе, где учатся мои дети, на уроке физики показывали сюрреалистический познавательный фильм о гениальном Эйнштейне, в котором по небу между звездами летали скрипки, поскольку якобы скрипка была любимым музыкальным инструментом Эйнштейна,

а какая-то уродливая кукла-бибабо вещала голосом Эйнштейна, что смысл жизни она нашла во Вселенной. Моя дочь увидела в этом фильме еще одно доказательство тому, что все математические гении были немного не того.

На уроке испанского школьники получили задание, разделившись на группы, испечь дома тор-тилью. Моя дочка усовершенствовала старый испанский рецепт. Ее тортилья с русскими солеными огурцами и грибами произвела в классе фурор. На уроке немецкого десятый класс также смотрел кино — «Гудбай, Ленин!», уже в который раз. Дочери этот фильм очень нравится, особенно ей нравятся повседневные атрибуты бывшей ГДР — банки из-под огурцов, одежда, музыка, архитектура. В ее романтизированном представлении, ГДР была не длинной рукой Москвы, не аппендиксом «холодной войны», а волшебной страной, населенной веселыми коммунистами, которые защиты ради отгородились стеной от остального мира и делали из своих будней цирк. Если судить по фильму, то ГДР действительно была развлечением для взрослых и детей, а ее распад был несчастным случаем, произошедшим не под давлением служителей цирка, а совершенно случайно. Ну да все на этой земле когда-нибудь заканчивается. ГДР не была исключением. Наши рассказы о том, как было на самом деле, дитё приняло к сведению со снисходительной улыбкой. Да что мы могли еще рассказать, если оно уже трижды смотрело «Гудбай, Ленин!».

Мы, родители, много времени в июне проводили на даче, мы старались при каждой возможности ездить на природу в Бранденбург. Дитё с энтузиазмом прощалось с нами. Но не проходило и пары часов, как раздавались первые звонки.

— Когда вы, собственно, вернетесь? — спрашивало оно.

— А мы должны? — отвечали мы вопросом на вопрос.

— Да... нет... не знаю, — неопределенно отвечало дитё.

— Это круто, когда вас нет, но все-таки возвращайтесь, хотя у меня для вас еще нет конкретной задачи, — так примерно оно выразилось по телефону. — Оставайтесь на даче, но возвращайтесь! Но, прежде чем вернуться, позвоните!

Я знаю, что, когда мы вернемся, дитя дома не будет, и оно само не будет знать, где оно. Оно уходит без ключа и без телефона, и мы не можем уйти из дома. Или оно берет наш ключ, и мы не можем попасть в квартиру. Или оно теряет ключ и находит его после того, как мы меняем замок. Мы живем в постоянном страхе, что что-то произойдет. Если оно звонит, значит, что-то не так. Если оно не звонит, дело еще хуже. Если дитё слишком долго болтается на улице, то, вероятно, есть проблемы. Если оно сидит дома, то это невыносимо. У него перепады настроения. Оно может в течение одного часа потерять всех друзей на Фейсбуке и снова найти. Ему либо скучно, либо голодно, либо оно болеет. Вот только что оно прыгало по квартире как козлик, хотело тренироваться со скейтбордом в коридоре или укладывать волосы. И вдруг оно бледнеет лицом и дрожит всем телом. И естественно, это происходит в выходные, когда врачи не работают. Сделай что-нибудь, вылечи меня! Иногда у него хорошее настроение, и все прекрасно. А иногда оно исключительно креативно. Так, недавно дочка поделилась со мной, что делает в школьной гончарной мастерской подарок к маминому дню рождения.

— Опять, что ли, пепельница, как в детском саду? — интересуюсь я. Вообще-то гончарное ремесло в последний раз было в почете в детском саду. Тогда почти каждую неделю дитё приносило домой какую-

нибудь скособоченную пепельницу для мамы. У нас до сих пор где-то по полкам разбросана целая коллекция кривых допубертатных пепельниц. Но теперь дитё изготовило человечка, который, кажется, пережил серьезную автокатастрофу: увечное тело, на голове шишки и отсутствуют все органы чувств, кроме одного уха.

— Это молодой человек в поиске своего собственного Я, — пояснила дочь. — Поэтому его глаза и уши направлены внутрь, а не наружу.

Весь десятый класс восхищался ее искусством.

На примере этого произведения искусства можно наблюдать, как сильно изменился мир ребенка, как выросло его самосознание. На смену примитивной пепельнице пришел таинственный человечек с одним ухом. Но в случае необходимости человечка можно использовать и как пепельницу, сказала Николь, шишка на голове идеально подходит для сигаретных бычков. Она не хотела исключать рациональную составляющую своего искусства.

Вечерами дитё принаряжается и идет в парк. Оно открыло для себя «гараж», старую лавку «секонд-хенд», где вещи продаются не по фасонам и размерам, а на вес. Мы для себя гараж открыли еще двадцать лет назад, я тогда купил там себе мятый темно-зеленый пиджак. Когда жена его гладила, она поставила утюг на пол, где ползала Николь, тогда еще двухлетняя, и та тут же схватилась за этот утюг. Кажется, у нее и сейчас есть почти незаметный шрам на указательном пальце, оставшийся с тех пор. Она говорит, что ей особенно нравится этот палец, потому что он отличается от остальных. Темно-зеленый пиджак между тем превратился в светло-зеленую тряпку для мытья пола.

— Почему вы нам раньше не рассказали о гараже, нам приходилось все время ходить в шмотках из H&M! — сердится дитё.

Вообще оно часто в плохом настроении. Днем оно не желает ничего есть, ночами у него жор, который оно утоляет пиццей; оно пишет маркером на дверце шкафа в своей комнате «Mother, I kill you» (Мама, я убью тебя / *англ./*) и нагло утверждает, что это всего лишь строчка из ее любимой песни. Но в младенческом возрасте оно тихо дышало тебе в шею, оно обнимало тебя короткими толстыми ручонками, оно накалякало на обоях в своей комнате огромного смеющегося муравья с листом бумаги в руке с подписью: «Мой папа написал новую книгу».

Эти картины — неотъемлемая часть твоей биографии. Это самые прекрасные моменты твоей жизни, в этом нет никаких сомнений.

---

notes

Примечания

1

В Германии пятибалльная шкала школьных оценок, однако высший балл — это единица. В тексте переведено в российскую шкалу. — *Прим. пер.*

2

По-немецки фамилия звучит забавно: Riickwarts — позади, задом наперед, Walzer — вальс. — *Прим. пер.*

З

«Все стихи я делю на разрешенные и написанные без разрешения. Первые — это мразь, вторые — ворованный воздух» (Осип Мандельштам). — *Прим. пер.*

Гёте И. Баллада «Ученик чародея». Пер. Б. Пастернака. — *Прим. пер.*

Тухольский, Курт (1890–1935) — немецкий журналист и писатель еврейского происхождения. — *Прим. пер.*

6

Здесь перевод с английского К. С. Фараля. — *Прим. пер.*

В немецком имени Гельмут (Helmut) второй слог Mut переводится как «мужество». — *Прим. пер.*

Фалафель — блюдо, представляющее собой жаренные во фритюре шарики из измельченного нута, иногда с добавлением фасоли, приправленные пряностями. — *Прим. пер.*

Kinder, Küche, Kirche — дети, кухня, церковь; устойчивое немецкое выражение, обычно употребляется в ироническом смысле как напоминание о социальной роли женщины в консервативном обществе. — *Прим. пер.*

10

От немецких Ossis und Wessis — жители восточной и западной частей Германии. — *Прим. пер.*

11

Следует напомнить, что в германской системе школьных оценок единица это высший балл. — *Прим. пер.*

12

В немецкой пятибалльной шкале школьных отметок двойка с плюсом примерно соответствует российской четверке с плюсом. — *Прим. пер.*

Христианско-демократический союз, политическая партия в Германии. — *Прим. пер.*

Драфи Дойчер (1946–2006) — немецкий певец, композитор и музыкальный продюсер. — *Прим. пер.*

Ta tort — «Место преступления», популярный немецкий сериал про полицейских. — *Прим. пер.*

Крупная торговая улица в Берлине. — *Прим. пер.*

Birke по-немецки «береза». — *Прим. пер.*

Имя звучит как Фройнд (Freund — Друг). — *Прим. пер.*

Первая строчка стихотворения Гейне «Лорелея»,
пер. А. Блока. — *Прим. пер.*

В немецком языке все существительные пишутся с заглавной буквы. — *Прим. пер.*

«Буря и натиск» — литературное движение конца XVIII в. в Германии. — *Прим. пер.*

По-немецки Лорелея произносится как Лорелай. —
Прим. пер.

Йозеф Бойс (нем. *Joseph Beuys*, 1921-1986) — немецкий художник, один из главных теоретиков постмодернизма. С 1941 года служил в люфтваффе, в 1944-м был сбит над Крымом. Бойс известен своими выдумками: «Последнее, что я помню, было то, что было уже слишком поздно, чтобы прыгать, слишком поздно для того, чтобы открыть парашют. Наверное, это было за секунду до удара о землю. К счастью, я не был пристегнут — я всегда предпочитал свободу от ремней безопасности... Мой друг был пристегнут, и его разорвало на части при ударе. Самолет врезался в землю, и это спасло меня, хотя я и получил травмы костей лица и черепа... Тогда хвост перевернулся, и я был полностью похоронен в снегу. Татары нашли меня день спустя. Я помню голоса, они говорили “вода”, войлок из палаток и сильный запах топленого жира и молока. Они покрыли мое тело жиром, чтобы помочь ему восстановить тепло, и обернули меня в войлок, чтобы согреть». -Прим. пер.

«ВВ-АА» — сокращение от названия должности *Berufsberaterin der Arbeitsagentur*, консультант из агентства занятости. — *Прим. пер.*

Моббинг (от *англ.* mob — толпа). Форма психологического и эмоционального насилия в виде насмешек и издевательств, бойкота, травли сотрудника в коллективе, чтобы заставить его уволиться. — *Прим. ред.*